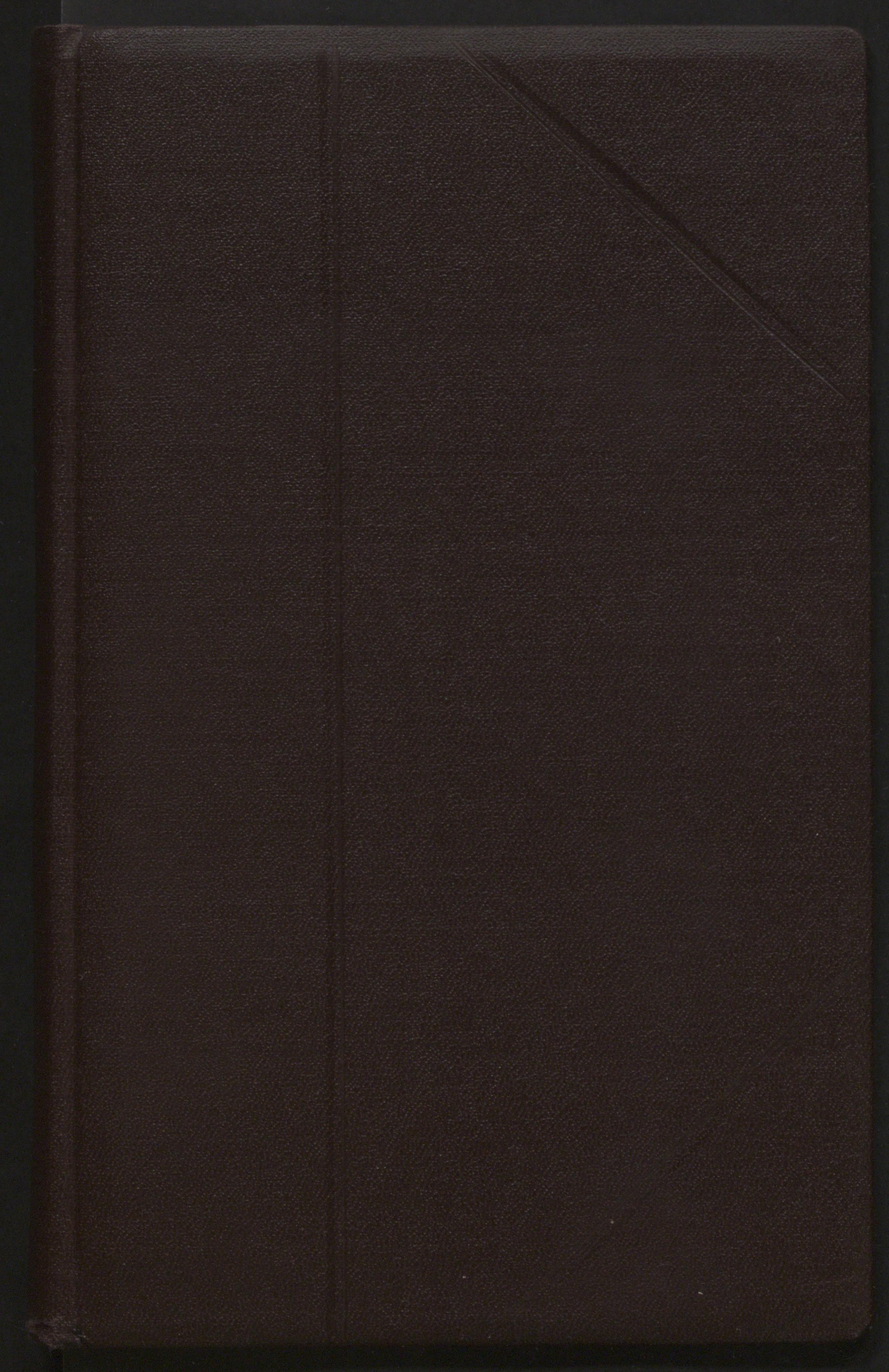

ДОСТОПАМЯТНЫЯ и ЛЮБОПЫТНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ АЛФРЕДА, КОРОЛЯ АНГЛО-САКСОНСКАГО.

Сочиненіе Барона Галлера.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1788.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ

ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФУ,

СЕНАТОРУ

и Ордена Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Св. Станислава и Св. Анны

КАВАЛЕРУ,

ѲЕДОРУ ИВАНОВИЧУ

ГЛѢБОВУ

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Особеннѣйшее Вашего Высокопревосходительства къ наукамъ и къ упражняющимся въ оныхъ покровительство; безпредѣльныя милости и совершенное великодушіе, коими угодно было Вамъ, Милостивому Государю, безъ всякихъ моихъ заслугъ меня ощастливить, подали мнѣ смѣлость, въ знакъ искреннѣйшаго моего къ Вамъ высокопочитанія и чувствительнѣйшей благодарности, посвятить имени Вашего Высокопревосходительства сей слабый плодъ трудовъ моихъ, который довольно награжденъ и увѣнчанъ будетъ, естьли Ваше Высокопревосходительство, по врожденной Вашей благосклонности, принять милостиво оной благоволите; а тѣмъ самимъ совершен-

шенно содѣлаете благополучнымъ, и вящщую возбудите къ наукамъ охоту въ томъ, которой предъ цѣлымъ свѣтомъ признаться долженъ, что оказанныя ему отъ Вашего Высокопревосходительства благотворенія превосходятъ всякую благодарность, и которой съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію есть и во всю свою жизнь пребыть честь имѣетъ

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

покорнѣйшій и почтительный

слуга

ЕФИМЪ РУНИЧЬ.

АЛФРЕДЪ

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сильный Егбертъ уже не царствовалъ болѣе, какъ Едельвольфъ, сынъ его, сдѣлался наслѣдникомъ его государства, но не наслѣдовалъ ни духа его, ни мужества. Едельвальдъ, сынъ Едельвольфа, лишилъ его половины его государства и владѣлъ нѣсколько времени празднымъ престоломъ. Подъ его-то правленіемъ начались нещастія Англіи.

Обитатели ея не были болѣе тѣ древніе Саксонцы, пылавшіе единымъ жаромъ къ войнѣ; пріятнѣйшій климатъ умягчилъ ихъ нравы. Верьховность Пастырей изгнала изъ ихъ сердецъ сіе презрѣніе смерти и неутолимое алканіе побѣдъ и завоеваній. Видимы были Цари преклоняющіе колѣна предъ алтарями и монахами, которые одни были почитаемы. Они съ покорностію выпрашивали у жрецовъ той побѣды, которую предки ихъ ожидали токмо отъ своего меча. Съ сего времени текли они уже въ Римъ, яко на источникъ спасенія; подвергли государство свое подати, которою покупали покровительство Римскаго Папы. Желали жить въ мирѣ въ землѣ, которую пріобрѣли имъ

предки цѣною крови своея. Брани уже были у Англо-Саксонцовъ не возлюбленнымъ упражненіемъ мужества; но должностію, къ коей принуждала ихъ необходимость.

Гораздо далѣе къ Сѣверу, въ холодной Скандинавіи, нравы сохранили древнюю суровость. Народъ, страшившійся умереть безъ ранъ, которой въ самой вѣчности ожидалъ воздаянія за свое мужество, надѣялся получить Одинову милость пролитіемъ крови своея, обиталъ тогда въ сихъ отдаленныхъ странахъ, въ которыя Римляне не заносили никогда своихъ искусствъ и испорченныхъ своихъ нравовъ. Сіи народы почитали мирныхъ обитателей Сѣверныя Европы за добычу, сотворенную для нихъ природою, подобно какъ для ястреба созданъ голубь. Нормандцы, или Датчане, такъ называли на Полднѣ обитателей приморскихъ береговъ обширныя Скандинавіи, объѣзжали на легкихъ корабляхъ всѣ моря, выходили на рѣкахъ на матерую землю, нападали на обезоруженныя деревни и на неукрѣпленные города. Похищали богатства жителей и находили звѣрское удовольствіе въ разореніи и умерщвленіи побѣжденныхъ. Они кромѣ храбрости не знали никакой другой добродѣтели. Скромность мирныхъ духовныхъ казалась для нихъ подлымъ презрѣніемъ единыя должности, ведущей мужей къ славѣ; они презирали науки, какъ и пряслицу, и почитали оныя упражненіемъ слабыхъ душъ. По опустошеніи какой либо страны, когда все около ихъ стана дымилось, по изтребленіи плодовъ прилѣжанія невинныхъ земледѣльцовъ, всходили они паки на

свои

свои корабли и искали другихъ странъ, не испытавшихъ еще кровожаждущихъ ихъ мечей и разорительныхъ ихъ неистовства свѣтильниковъ. Такимъ образомъ дикіе сіи влекли за собою смерть и опустошеніе, и земля, на которую они выступали, дѣлалась жертвою ихъ бѣшенства. Удручась убійствомъ трудолюбивыхъ народовъ, возвращались они въ свои пристани, предвоспѣвали побѣды свои красотамъ своей земли и наслаждались всеобщимъ сограждань своихъ почитаніемъ. Часто похищалъ верьховный варваровъ начальникъ красавицу и приводилъ ее въ ужасный замокъ, въ которомъ никакія слезы не могли спасти ея невинности, и гдѣ ей никакой не оставалось надежды узрѣть паки нѣкогда кротчайшее своего отечества небо, ни услышать пріятной гласъ своихъ родителей.

Прикрытые сталію съ самаго младенчества и воспитанные въ сраженіяхъ, не знали воины сіи никакого искусства, кромѣ опустошительной воинской храбрости. Они не страшились никакихъ ранъ, и взирали на смерть, какъ на путь, ведущій ихъ къ чертогамъ боговъ. Никогда не смотрѣли на число своихъ непріятелей, по одному нападали на цѣлыя толпы, и Рагнаръ мужественно воспѣвалъ свою кончину, между тѣмъ, какъ змѣи раздирали его перси. Мужество сіе подкрѣпляли силы, съ упражненіемъ возрастающія, и совершеннѣйшее познаніе употребленія оружій. Они превышали всѣхъ Европейскихъ народовъ презрѣніемъ смерти при ихъ прибытіи расширялся ужасъ по всѣмъ государ-

ствамъ. Безнадежные жители оставляли свои домы и убѣгали въ огражденные каменными стѣнами города, гдѣ валы и башни удерживали по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время варваровъ, которымъ не доставало нужныхъ оружій для изпроверженія сихъ родовъ укрѣпленій.

Слабые Карловинцы не могли противиться сильному Датчанъ нападенію. Часто покупали они за сребро ненадежный миръ. Скандинавцы не знали никакого обладателя, предводитель каждой толпы бился и похищалъ для себя единственно; обремененная выкупными деньгами устрашенныя земли толпа удалялась; но другая послѣдовала съ равнымъ свирѣпствомъ и отнимала у сихъ нещастныхъ жизнь, искупленную ими у прежней толпы. Какъ сопротивленіе, такъ и покорность были равно бѣдственны: первое для неискусныхъ народовъ было неизбѣжимою гибелью, послѣднее же удерживало по крайней мѣрѣ разрушеніе ихъ на нѣсколько недѣль.

При Едельбертѣ, братѣ Едельвальда, Губба и Ингварѣ, сыновья Рагнара Лодброга, ворвавшись въ Англію, опустошили Іоркъ, знаменитый городъ. Владѣльцы страны сея вышли имъ на встрѣчу съ худо обученнымъ войскомъ. Но бранные Скандинавцы низложили безъ труда изнуренныхъ Саксонцевъ; они побили часть Дворянства и наложили на побѣжденныхъ тяжкія подати и поносные договоры. Вскорѣ по томъ напали они также и на Восточную часть острова. Емундъ Князь Восточно-Саксонскій былъ также побитъ и пойманъ; дикіе

умер-

умертвили его и наводнили всю Англію кровавыми своими оружіями.

Новое войско укрѣпилось въ Реадингѣ, не подалеку отъ Лондона, бывшаго тогда посредственнымъ городомъ. Едельредъ, Король Англо-Саксонскій, братъ и преемникъ Едельвольда, напалъ на окопавшихся Нормандцовъ съ большимъ мужествомъ, нежели щастіемъ, и былъ отраженъ съ великимъ урономъ.

Въ Аздовнѣ, близь Реадинга, встрѣтились еще разъ оба войска. Англо-Саксонцы были раздѣлены на два стана. Надъ однимъ начальствовалъ самъ Король, а другимъ повелѣвалъ юный братъ его, храбрый Алфредъ, который впервые несъ свое оружіе противъ враговъ своего отечества. Алфредъ, любимецъ отца своего Едельвольфа и младшій изъ его сыновей, получилъ отъ природы дарованія, которыя рѣдко бываютъ соединенными въ одномъ человѣкѣ. Пріятное образованіе и плѣняющій видъ привлекалъ къ нему всѣхъ сердца. Онъ былъ посыланъ родителемъ своимъ въ Римъ, обиталище малыхъ наукъ, оставленныхъ разорительными побѣдами Сѣверныхъ народовъ въ Европѣ. Младый Принцъ былъ наставленъ въ сихъ почти забытыхъ въ Англіи искусствахъ, онъ получилъ и самыя духовныя достоинства; но Левъ IV, Папа Римскій, предчувствовалъ о будущемъ благороднаго юноши величествѣ; онъ помазалъ его въ Короли, хотя и было три старшихъ брата между имъ и престоломъ.

Въ Англіи воспитывался онъ въ такихъ упражненіяхъ, которыя одни почитались благо-

родными; онъ учился звѣриной ловлѣ, наставляемъ былъ въ употребленiи сокольничей охоты, прiобучили его къ снесенiю безпокойствъ трудолюбивыя жизни, голода, зною и усталости. На осьмнатцатомъ году рожденiя его братъ его Едельредъ почиталъ его способнымъ предводительствовать войскомъ; однако онъ не зналъ внутренняго благородства процвѣтающаго Алфреда, и въ опасности, которая, казалось, столь угрожала Англiи, думалъ онъ обѣщанiями возбудить младаго Принца къ великимъ подвигамъ, обѣщавая ему уступить половину изъ области, имъ покоренной.

Едельредъ оказался несправедливымъ противъ благороднаго Алфреда: онъ не только не отдалъ самимъ имъ обѣщаннаго своему брату, но удержалъ еще и часть государства, опредѣленную ему отцемъ ихъ. Однако Алфредъ предпочелъ любовь отечества всѣмъ чувствованiямъ претерпѣннаго неправосудiя, и служилъ несправедливому своему брату въ наиопаснѣйшихъ походахъ.

Алфредъ ощущалъ высочайшiя къ добродѣтели побужденiя. Желанiе спасти отечество свое воспламенило его мужество. Нормандцы выступили въ поле противъ него, принудили слабѣйшаго Алфреда съ своими неискусными въ военныхъ подвигахъ воинами къ бою. Едельредъ молился въ своей ставкѣ, никакая прозьба его Англо-Саксонцевъ, ни бранный звукъ вызывающихъ къ сраженiю бубновъ, не могли его побудить прервать обряды, безъ которыхъ не могъ онъ надѣяться получить Божескаго споспѣ-

шество-

шествованія. Между тѣмъ, какъ онъ медлилъ, Алфредъ принужденъ былъ подвергнуться опасности сраженія, онъ двигнулся на открытой равнинѣ противъ сильнѣйшихъ его враговъ, противъ страшныхъ Нормандцовъ. Храбрость и примѣръ его возпламенили и самыхъ неотважныхъ къ мужественной оборонѣ. Тисовые ихъ луки, изъ коихъ пускали они желѣзныя стрѣлы, и которые чрезъ нѣсколько еще вѣковъ послѣ того давали Агличанамъ первенство предъ мужественнѣйшими въ Европѣ Кавалерами, содержали долгое время бой въ равновѣсіи; они поразили множество Нормандцовъ, сражавшихся полуобнаженною рукою, коихъ оружія могли только вредить вблизи. Но храбрые Нормандцы не отступали, мщеніе разпаляло ихъ мужество, они устремились на Саксонцовъ вы-стрѣлы сдѣлались безполезными и принудили ихъ къ отступу; однако они не разсѣялись. Взоръ и примѣръ младаго ихъ Героя удержалъ ихъ при знаменахъ. Но когда они увидѣли себя окруженныхъ превосходнымъ числомъ непріятелей, то отчаяніе заступило мѣсто мужества, какъ Едельредъ наконецъ приступилъ. Весьма долго жертвовалъ онъ смиренію своему такимъ временемъ, которое необходимо было нужно для спасенія его народа; войско его, ничего не претерпѣвшее, видѣло весьма близко паденіе своихъ братьевъ; оно сдѣлало для избавленія его больше, нежели Король мог надѣяться Одна часть встрѣтила мужественно крыло Нормандцовъ, а другая напала съ боку на сражающихся непріятелей; заключась между

двумя арміями Саксонцовъ, сдѣлалась она жертвою мщенія Алфредова. Крыло, сопротивляющееся еще, увидя паденіе другаго, обратилось въ бѣгство. Побѣдители преслѣдовали Нормандцовъ повсюду, пока ночь защитила оставшихся. Цѣлыя тысящи пали разсѣянны по полю, и земля пила съ жадностію кровь свирѣпыхъ непріятелей.

Сѣверъ былъ слишкомъ обиленъ грабительными толпами, и мужество обитателей его весьма велико, чтобъ одно пораженіе могло принудить ихъ отрещись отъ желанія обыкновенной добычи, находимой ими столь часто въ Англіи. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль войско ихъ было подкрѣплено множествомъ Скандинавскихъ кораблей, и двинулось противъ обоихъ Саксонскихъ Государей. Они сразились при Марденѣ въ Вильдскомъ Графствѣ. Едельредъ былъ раненъ и Саксонцы обращены въ бѣгство. Большее упражненіе въ войнѣ, и закоренѣлое презрѣніе смерти подало Нормандцамъ верьхъ, которому храбрость Алфредова противустоять была не въ состояніи.

Едельредъ умеръ отъ своихъ ранъ, и оставилъ государство въ такомъ состояніи, которое долженствовало погасить всѣ желанія къ престолу. Побѣдоносные Нормандцы стояли въ нѣдрѣ земли. Саксонцы были изнурены часто повторяемыми пораженіями; не столько смущало ихъ уменьшеніе числа ихъ воиновъ, какъ малая надежда побѣдить непріятелей, которыхъ первенство стократно они испытали. Король сего въ величайшую опасность низ-

верженнаго народа не видѣлъ ничего предъ собою, какъ сомнительныхъ сраженій, вѣрныхъ почти пораженій, уничиженія и ранъ.

Алфредъ былъ молодъ; но не смотря на пылкость молодости, основательной его разсудокъ удерживалъ уже страсти его въ надлежащихъ предѣлахъ. Онъ былъ съ дѣтищемъ единый остатокъ благородныя крови, одушевлявшей отъ обожаемаго Водана до побѣдоноснаго Егберта непрерывно Государей Саксонскихъ. Едельредъ еще опредѣлилъ ему вступленіе на престолъ, хотя и удержалъ у него вотчины, долженствовавшія составлять Алфредово наслѣдство. Алфредъ за свой народъ бился и побѣждалъ, да и при самыхъ пораженіяхъ мужество и благоразуміе его оставались безъ охуленія. Всѣ Саксонцы обратили взоры свои на него; они надѣялись единственно отъ его добродѣтелей избавленія, отъ угрожающаго вблизи паденія. Сей мудрый юноша долго противился усильнымъ прошеніямъ дворянства и со слезами просящему духовенству. Не охотно согласился онъ на ихъ прозьбу, и вступилъ въ Винчестрѣ на престолъ, толь часто уже потрясаемый побѣждавшими варварами.

Не протекло еще мѣсяца, какъ онъ принужденъ былъ дать рѣшительной бой въ окрестностяхъ Вильтона. Лучше бы хотѣлъ сей мудрый Принцъ пріобучить прежде народъ свой маленькими сраженіями и пріуготовить ихъ взирать съ неустрашимостію на страшныя Нормандцовъ лица. Но убійства варваровъ и разпространившіеся по внутренности государства пожары

жары принудили его подвергнуться неизвѣстному случаю и встрѣтить непріятелей съ малыми силами. Пока солнце взошло на полдень, Саксонцы бились въ равномъ щастіи противъ Нормандцовъ. Добрыя Королевскія разпоряженія, казалось, подали наконецъ побѣду. Нормандцы не бѣжавъ удалились; однако отступали. Саксонцы наступили на нихъ неосторожно. Многіе разсѣялись для грабежа, они прогнали непріятеля до нѣкоторой возвышенности, съ которыя могъ онъ обозрѣть рѣдкія толпы Саксонцевъ. Храбрые Нормандцы сохранили и въ самомъ пораженіи свое мужество: они поспѣшили вспять по своимъ стопамъ, напали на весьма увѣрившихся въ побѣдѣ Саксонцевъ, и исторгнули у нихъ изъ рукъ честь сего дня. Ночь избавила бѣгающихъ отъ меча Нормандцовъ; не многіе только пали, но побѣда была проиграна, и народное мужество и слава уныли.

Однако Нормандцы купили побѣду великимъ пролитіемъ крови, и Алфредова воинская способность возбудила въ нихъ толь великое почтеніе къ его особѣ, что они заключили съ нимъ примиреніе, оставили западную Саксонію и обратили оружія свои противъ другихъ частей острова, въ которыхъ обладалъ Гурргедъ, Принцъ Мидлесекской. Они опустошали его земли, дали ему разныя сраженія и покорили послѣ его смерти государство его подъ свою власть. Восточная Саксонія и Нортумберландія были погребены своими развалинами, и не многими надежными мѣстами овладѣли Скандинавцы.

Горнъ

Горнъ и Амундъ напали скоро съ новыми войсками изъ неизчерпаемаго Сѣвера на бдящаго Алфреда, которой одинъ защищалъ еще вольность западныхъ Саксонцовъ. Но неутомимый и мудрый Король довелъ Нормандцовъ до того, что они выступили изъ его земли и обязались предъ своими богами присягою оставить Алфредовы области. Но вскорѣ послѣ того сіи вѣроломцы напали на придворные конскіе заводы, снабдили себя лошадьми и взяли Екчестеръ приступомъ.

Король представлялъ утомленнымъ и безнадежнымъ своимъ Саксонцамъ, что понеже никакой миръ и никакая присяга не можетъ связать вѣроломцовъ, слѣдовательно не надлежитъ ожидать памощи ни отъ кого, какъ отъ себя самихъ и мужества народнаго. И поелику не остается имъ никакого средства къ спасенію, то самое отчаяніе должно придать имъ силъ; ибо гораздо похвальнѣе умереть съ мечемъ въ рукахъ, нежели допустить себя, какъ дикихъ звѣрей, давить безъ всякаго защищенія. Оживотворены будучи сею рѣчію, схватились Саксонцы за оружіе и противились Нормандцамъ. Семь кратъ Алфредъ побѣдилъ сихъ вѣроломцовъ. Наиблагороднѣйшая Саксонская кровь текла вольно по полямъ рѣками; но и Нормандцы потеряли также половину изъ своего войска, и вступили наконецъ въ прежніе договоры оставить Вест-Саксонію и не вводить никогда новыхъ войскъ изъ Сѣвера въ государство Алфредово.

Побѣдоносный Роллонъ, родоначальникъ Нормандскихъ Государей, которой самимъ Провидѣ-

видѣніемъ сохраненъ былъ для Алфредова престола, остался вѣренъ сему договору; выступилъ изъ Англіи и перенесъ оружіе свое въ Неустрію, которую онъ завоевалъ, и гдѣ преемники его царствовали со славою и честію.

Ничто не укрывалось отъ проницанія Алфредова; тщетно бы было принуждать Нормандцовъ къ заключенію договоровъ, доколь оставалось имъ море открытымъ. Неистовство ихъ къ грабленію и кровожаждущее ихъ славожеланіе не позволяло имъ упражняться въ художествахъ, жизнь ихъ сдѣлалась имъ въ тягость, какъ скоро шумъ оружій и надежда близкія побѣды ихъ не возбуждала. Алфредъ предузрѣлъ далѣе прежнихъ Саксонскихъ Государей. Англія не имѣла опасаться никакого непріятеля, кромѣ нападающаго моремъ. Онъ приказалъ строить во всѣхъ своихъ гаваняхъ корабли, принялъ изъ рыбаковъ охотниковъ и знающихъ мореплаваніе на свое жалованье, съ которыми соединилъ онъ своихъ солдатъ. и раздѣлилъ ихъ около устьевъ рѣкъ, гдѣ Скандинавцы обыкновенно высаживались изъ кораблей.

Саксонцы выходили бодры и изрядно вооруженны изъ своихъ гаваней, когда разбойники изъ отдаленной Скандинавіи, удручась и утомясь долгимъ мореплаваніемъ, старались достигнуть Аглинскихъ береговъ Уже и тогда мало обученные Саксонцы одерживали надъ ними верьхъ; они побили два великія войска Нормандскихъ кораблей, изъ коихъ большую часть потопили, а прочіе назадъ убѣжали въ холодныя свои страны. Алфредъ поспѣшилъ сухимъ путемъ

темъ къ Екчестеру, окружилъ Нормандцовъ, запасшихся лошадьми, принудилъ ихъ дать заложниковъ и оставить совсѣмъ Южную Саксонію.

Не многіе между Нормандцами остались обѣщанію своему вѣрными. Большая часть не находила другаго пропитанія, кромѣ грабленія; они наводнили вновь Алфредовы земли, овладѣли нечаянньмъ нападеніемъ Гиппенгалсомъ, наинадежнѣйшею крѣпостію притѣсненныхъ Саксонцовъ, внесли во всѣ углы государства пожирающій огонь и кровавые мечи. Утомясь продолжительными войнами и частыми пораженіями, и удручась самыми своими побѣдами, потеряли наконецъ Саксонцы всю надежду къ своему спасенію: разсѣялись по полямъ, дикимъ мѣстамъ, и по непроницаемымъ еще сими варварами долинамъ искали у самыхъ прежнихъ своихъ непріятелей безопасности, которой никакое сопротивленіе не могло имъ доставить. Не вооруженные подклонили выи свои подъ иго и подверглись со смиреніемъ своимъ гонителямъ.

Алфредъ былъ своимъ народомъ оставленъ, онъ не видѣлъ никакой возможности собрать разсѣявшихся, ни возставить устрашенныхъ; ему не оставалось ничего, кромѣ какъ спасать себя самаго; ибо съ нимъ бы изчезла вся надежда возвысить когда нибудь Саксонское государство. Онъ сложилъ Царское украшеніе, облекся въ ветхое рубище поденщика, подчернилъ разцвѣтающее свое лице сокомъ нѣкоторыхъ плодовъ и избралъ себѣ убѣжищемъ хижину стараго пастуха, находившагося еще при стадахъ Королевскихъ

скихъ предковъ. Сей вѣрный рабъ утаилъ достоинство своего Государя и отъ самой своей жены, встрѣчавшей Монарха съ непристойною грубостію, въ которой Алфредъ находилъ свою безопасность. Цѣлый годъ скрывался сей младый Государь, но дѣйствующая душа его была не праздна и въ семъ притѣсненіи.

Нормандцы имѣли разсѣянный лагерь въ болотистой Ательнейской странѣ, между двумя рѣками, въ Графствѣ Самморзетскомъ: они почитали себя безопасными въ сихъ кустахъ между глубокими болотами, и чинили изъ сей безъ искусства сдѣланной крѣпости набѣги на нещастную Вестъ-Саксонію; въ сей-то непроходимой степи скрывали они свое грабленіе и богатство опустошенныя Англіи.

Часто Алфредъ нападалъ съ немногими Саксонцами, или вооруженными пастухами на Датской станъ, побивалъ нѣкоторыя шайки умышленниковъ, и упреждалъ отмщеніе, которое онъ вознамѣрился взять нѣкогда надъ сими вѣроломцами. Не рѣдко отнималъ онъ у нихъ похищенную скотину, и раздѣлялъ добычу между вольнослужащими, помогавшими ему обезпокоивать непріятелей отечества. Единый оставленный Король составлялъ для Нормандцовъ цѣлую армію, побивалъ изъ нихъ сотни, а самъ всегда оставался невидимымъ. Многія малыя побѣды прославили неустрашимое пастушье имя, и Вулфъ сдѣлался страшнымъ именемъ.

Алфредъ ожидалъ съ печалію и нетерпѣливостію времени освобожденія своихъ народовъ отъ ига притѣсненія, подъ которымъ они стонали.

жали. Вѣрный его хозяинъ былъ бѣденъ, бранные Датчане похитили у него скотину, Алфредъ ѣлъ съ нимъ умѣренно хлѣбъ, да и того лишаемъ онъ былъ иногда разными приключеніями. Единый хлѣбъ составлялъ Царскую и питателя его пищу; онъ находился одинъ, когда нѣкій бѣдный странственникъ, приближась къ хижинѣ, сказалъ: я умираю съ голоду. Алфредово сердце не довольно было твердо, дабы противиться сему зрѣлищу; онъ раздѣлилъ съ симъ нещастнымъ послѣдній свой кусокъ. Я полагаюсь совершенно, сказалъ младый Государь, на Питающаго врановъ. Онъ заснулъ въ уединеніи, и исторія говоритъ, что въ семъ пріятномъ снѣ, которой есть сонъ добродѣтели, явилось ему Всевышнее Существо. Нещастіе твое кончилось, Король Саксонскій! престолъ твой для тебя отверстъ, будь такимъ въ щастіи, какимъ ты былъ въ бѣдности.

Слова сіи услышалъ Алфредъ, и чрезъ нѣсколько часовъ возбудилась съ зарею его надежда. Пастухъ былъ щастливъ въ ловленіи рыбы, другіе же пастухи отъискали одну изъ своихъ овецъ, заблудившуюся отъ малаго ихъ стада; но новая важнѣйшая вѣдомость звала его къ великимъ предпріятіямъ. Одинъ Графъ Девонскій заперся въ замкѣ Кинвитѣ; великое число разсѣявшихся Саксонцовъ собралось подъ его знамена. Губба и Ингваръ возвращались отягчены добычею изъ Валлиса, въ которую они вагнали въ бѣгъ обратившихся Саксонцовъ. Они надѣялись безъ всякаго затрудненія овладѣть Кинвитомъ, въ которомъ для множества осажден-

жденныхъ не довольно находилось съѣстнаго припаса; они окружили замокъ и пресѣкли осажденнымъ воду.

Кровь Алфредова кипѣла при воспоминовеніи о наступающей опасности своего народа. И такъ, переодѣвшись въ музыкантское платье, оставилъ онъ уединенный Ашельней и удалился въ лагерь Нормандцовъ, гдѣ воспѣвалъ на лютнѣ древнія воинскія пѣсни, и Нормандцы слушали его съ жадностію; они довели его до самой ставки своего Полководца. Король пребылъ два дни въ стану непріятельскомъ, обозрѣлъ все положеніе ихъ войска, примѣтилъ безпечность Нормандцовъ и ихъ презрѣніе къ толь часто побѣждаемымъ Саксонцамъ. Чрезъ вѣрныхъ вѣстниковъ созвалъ онъ изъ Вильтскаго, Гантскаго и Соммерзетскаго Графствъ разсѣявшихся своихъ Саксонцовъ; собрались они въ Зелльвоодскомъ лѣсу, а въ Егбристокѣ вступили подъ знамена. Онъ показался имъ въ Царскихъ одеждахъ, и во всемъ блескѣ побѣдителя, которой поведетъ ихъ противъ непріятеля въ полной надеждѣ. Онъ говорилъ имъ рѣчь, которою ободрилъ ихъ къ мужественному нападенію.

Вамъ предлежитъ выборъ, сказалъ Король, допустить умертвить себя варварамъ. Хотите ли вы отдать имъ женъ своихъ въ добычу, чадъ вашихъ въ невольники, отечество ваше подъ наижесточайшее изъ всѣхъ иго, или лучше хотите опасностію единаго дня освободить отечество, дѣтей, женъ вашихъ и самихъ себя? Не страшитесь браннаго мужества и опытности непріятелей; я ихъ видѣлъ вблизи, они не готовы

товы къ бою, они не ожидаютъ непріятеля, они пріуготовлены къ пораженію; мечи ваши будутъ въ грудяхъ ихъ прежде, нежели тронутся сіи безпечные.

Все войско Саксонцовъ ударило щитами и всеобщее возклицаніе проникло даже до небесъ. Алфредъ не допустилъ прохладиться сему жару. Онъ шелъ цѣлую ночь къ Нормандцамъ, и при неизвѣстномъ освѣщеніи восходящія зари, когда огни непріятельскіе потухли и большая часть погружена была въ глубокомъ снѣ, продрался онъ въ ихъ лагерь, бывшій тогда безъ всякаго защищенія.

Въ то же самое время вышелъ Одунъ (*) изъ крѣпости съ своимъ гарнизономъ, возпламененнымъ недостаткомъ и самимъ отчаяніемъ къ презрѣнію смерти. Нормандцы, дышащіе войною, были почти безъ сопротивленія побиты; шитый вранъ, главное Скандинавцовъ знамя, трудовъ Губбиныхъ сестеръ, отъ волшебства которыхъ по суевѣрію Нормандцовъ зависѣла побѣда, попалось въ руки Алфреда. Не многое число ушло на свои корабли, а большая часть побита; войски нашли крѣпкое положеніе, которое отдалило

(*) Шпельманъ вмѣсто сего сраженія повѣствуетъ о двухъ битвахъ, изъ которыхъ на первой Одунъ одинъ побѣдилъ и овладѣлъ главнымъ Нормандскимъ знаменемъ, а на другой Алфредъ побилъ на голову и вскорѣ по томъ принудилъ къ здачѣ.

лило свое паденіе не болѣе, какъ на нѣсколько только дней.

Алфредъ окружилъ бѣглецовъ своихъ побѣдоносным станомъ; на второй недѣлѣ принудилъ недостатокъ и стужа унылыхъ странниковъ подвергнуться Королю, на котораго сострадание полагали они нѣкоторую надежду. Плѣнясь униженіемъ устрашенныхъ сихъ воиновъ, предложилъ онъ имъ наисправедливѣйшіе договоры. Гормундъ, одинъ изъ ихъ предводителей, избѣгшій пораженія съ тритцатью знатнѣйшими ихъ бойцами, приняли крещеніе; Алфредъ далъ самъ Сѣверному Принцу имя Адельштанъ; онъ раздѣлилъ между новыми своими новообращенными богатые подарки, и Гормундъ получилъ изъ недвижимаго имѣнія Восточную Саксонію и Нортумберландъ. Народы достигаютъ постепенно до познанія истинны. Долго бываютъ они варварами, и желанія ихъ ограничены необходимостями, которыя они имѣютъ общія со звѣрями. Заря обычаевъ и искусствъ наконецъ восходитъ. Свѣтъ умножается медлительно, и полдень слѣдуетъ послѣ ночи чрезъ сумракъ и черезъ прохладные утренніе часы. Алфредъ принудилъ Нормандцовъ креститься; намѣреніе его было наилучшее: онъ надѣялся купно дикихъ воиновъ союзомъ вѣры принудить къ сохраненію ихъ обѣщаній и отворить имъ путь, отвращающій ихъ отъ блаженныя вѣчности. Но сей великодушный Государь не предвидѣлъ, что единая разпрысканная вода не дѣлаетъ Христіянами, что страхъ и мечь побѣдителя не производитъ никакого убѣжденія, и что достоинство крещенія,

щенія, знакъ принятія въ сообщество вѣрныхъ, наидостойнымъ наказанія образомъ оскверняется, когда къ оному принуждаются не разумѣвающіе священныхъ истинъ онаго, и которыхъ воля не подвергается должностямъ вѣры. И такъ ни Гормундъ, ни его Нормандцы не были вѣрны Королю, и надлежало ихъ покорять новыми воинами. Между Саксонскими жрецами не было ни одного, который бы имѣлъ довольно ревности и мудрости, потребныя къ обращенію столь многихъ въ грабленіи и кровопролитіи закоренѣлыхъ воиновъ. Торжественное крещеніе страшныхъ Нормандцовъ влекло кучами Саксонское дворянство въ Всадморъ. Алфредъ самъ приступилъ между тѣмъ къ жертвеннику, и изрекъ имя, которое долженствовалъ носить Гормундъ, яко христіанинъ; онъ обѣщался притомъ вмѣсто новообращеннаго быть вѣрнымъ закону, имъ принятому.

Король Саксонскій не упускалъ никогда изъ виду пользу своего народа, онъ начерталъ законы, которыя Гормундъ подписалъ, и которыя впредь долженствовали служить правиломъ Нормандцамъ, имѣющимъ посѣлиться въ восточной Саксоніи и Нортумберландѣ.

Гормундъ удалился въ назначенную себѣ область; Нормандцы, не хотѣвшіе подвергнуться христіянскому закону, переѣхали во Францію и опустошали худо защищаемыя провинціи; однако не осмѣливались опять вступать въ войну съ Саксонцами, отъ которыхъ не надѣялись они благополучнаго успѣха.

Алфредъ продолжалъ стараніе о составленіи флота, которымъ бы можно было удерживать чужестранныхъ разбойниковъ: ему не безъизвѣстно было, что каждый морской заливъ на сѣверѣ вооруженъ былъ кораблями морскихъ разбойниковъ, почитавшихъ все за свою добычу, что не могло противиться ихъ оружію. Въ слѣдующій годъ разбилъ онъ и другій сѣверный флотъ, потопилъ наибольшіе корабли, а прочіе принудилъ бѣжать къ другимъ берегамъ, на которыхъ престолѣ слабые Карловинцы сидѣли безъ могущества и достоинства, отдавая народъ свой иноплеменникамъ въ добычу. Однако другое войско вошло изъ самыхъ сихъ береговъ въ близкую Темзу, и осадило Рошестеръ. Но не дремлющій Алфредъ пришелъ скоро къ сему городу на помощь. Нормандцы убѣжали, не осмѣлясь вступить въ бой, и похищенное ими досталось Саксонцамъ въ добычу. На другое отдѣленное войско напалъ Алфредъ въ устьѣ Штуры, взошелъ на часть кораблей, а прочую принудилъ къ договору, но который вѣроломцы нарушили, какъ скоро не удерживало ихъ болѣе страшное Королевское присутствіе.

Онъ упражнялся въ возстановленіи и укрѣпленіи разореннаго Лондона: ему-то обязанъ благодарностію сей обширный городъ за то, что онъ воздвигъ его изъ подъ развалинъ. Сей мудрый Государь укрѣпилъ также множество другихъ городовъ, предвидя, что сѣверные разбойники не столь удобно могутъ разорить подданныхъ его, башнями и стѣнами

ми

ми огражденныхъ, какъ дѣлывали они съ открытыми селеніями прежде, нежели могло поспѣть войско на помощь. Но важнѣйшее еще попеченіе упражняло Государя.

Еще настояла буря, которую Алфредово благоразуміе отклонило. Арнулевъ, соединя всю силу государства съ Франками, принудилъ удалиться изъ Сейна Нормандцовъ, которые тщетно осаждали многолюдный островъ, на которомъ лежитъ Парижъ. Триста кораблей наполненные сими бранными разбойниками, напали на Апледоръ близъ гавани Ріо, и укрѣпились въ Беамъ-Фреатѣ, многіе изъ Скандинавцовъ, клявшихся Алфреду вѣрностію, приняли оружіе, и соединились съ пришельцами для раздѣленія добычи. Алфредъ поспѣшалъ на помощь притѣсненнымъ восточнымъ Саксонцамъ; граждане населеннаго паки народомъ Лондона присоединились къ нему. Беам-фреатъ взятъ былъ приступомъ. Супруга и дѣти Гастинга, Датскаго предводителя, достались со всею добычею въ руки Саксонцамъ. Алфредъ никогда не отступалъ отъ своихъ положеній: я не веду войны противъ женщинъ, говорилъ сей великодушный Государь, отсылая Гастингу его возлюбленную со всѣми женами Нормандцовъ. Но и сіе великодушное дѣйствіе не тронуло варвара: онъ разграблялъ и опустошалъ Англію, отъ Темзы до гористыхъ областей Галловъ, и вторично укрѣпился въ Бутингтонѣ, въ Графствѣ Шрапскомъ. Но утомленные Нормандцы оставили обнаженный во всякомъ запасѣ замокъ, и поспѣшали къ Темзѣ. Они ввели свои

корабли въ маленькую рѣку Лее, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ Темзу; они окружили свои корабли шанцами, и ожидали бдящаго Алфреда. Онъ почиталъ окопы за непреоборимые, но объѣхавъ самъ верьхомъ непріятельскій станъ, вспомнилъ о Кировомъ въ подобномъ случаѣ поступкѣ. Онъ отвелъ войскомъ своимъ воду изъ рѣки Леи, сѣверные корабли омѣлѣли, болотистая долина сдѣлалась плодоноснымъ лугомъ, и отчаянные Скандинавцы оставили укрѣпленный свой станъ; многіе погибли отъ меча Саксонцовъ, прочіе же нашли въ Восточной Саксоніи корабли, и покушались по возможности своей вредить на морѣ Агличанамъ. Но и на сей стихіи мудрость Алфредова вознеслась превыше ихъ: онъ примѣтилъ, что Нормандскія суда были не велики и не многолюдны; почему и приказалъ построить корабли, которые бы были больше ихъ, и посадилъ на оные гораздо больше народу. Челноки Нормандцовъ не могли противиться превосходной силѣ Саксонскихъ кораблей: многіе потонули отъ одного сильнаго оныхъ удара, а другіе были взяты, избавившіеся же убѣгали по жизнь Алфредову острова, надъ которымъ бодрствовала постоянная и непоколебимая мудрость.

Удрученный часто злоупотребляемымъ милосердіемъ, опредѣлилъ Алфредъ надъ Нортумберландомъ и Восточною Саксоніею двухъ Саксонскихъ Графовъ, и отнялъ у Нормандцовъ всю власть надъ Скандинавцами, поселившимися въ Англіи. Принцы Галлійскіе, которыхъ

рыхъ Егбертъ великій не могъ покорить подъ свою власть, добровольно поверглись въ объятія Саксонскому Королю, и искали его покровительства. Онъ сдѣлался всеобщимъ Королемъ Южныя Британіи, долго еще послѣ того называвшейся Англіею. Владычествованіе его было не ограничено, поелику оно было основано на почтеніи и любви.

Слава Алфредова разпространилась по ту сторону моря. Въ браняхъ побѣдоносный, милосердъ къ побѣжденнымъ, отецъ народа, словомъ онъ былъ удивленіе своихъ временъ. Саксонцы, удалившіеся изъ притѣсненнаго своего отечества, и разсѣявшіеся по всей Европѣ, стекались подъ покровительство возлюбленнаго Государя. Нормандцы, обладавшіе различными частями Британскаго острова, добровольно покорились справедливымъ его законамъ. Земля, лежавшая впустѣ и безъ воздѣланія, покрылась богатою жатвою. Миръ и изобиліе изливали дары свои на оскудѣвшую сію землю.

Младый Годвинъ, Саксонскій дворянинъ, былъ за свою красоту похищенъ Сѣвернымъ морскимъ разбойникомъ, и приведенъ въ Скандинавію. Онъ пріобрѣлъ любовь разбойника вѣрностію своею и храбростію, и какъ Нормандцы перестали нападать на Англію, то получилъ онъ наконецъ свою вольность. Проѣхавъ большую часть острова, прибылъ онъ въ Винчестеръ и былъ представленъ Королю.

Сей человѣколюбивый Государь выслушалъ повѣствованіе страданій, угнѣтавшихъ молодаго дворянина въ его рабствѣ; Годвинъ заклю-

 чилъ

чилъ рѣчь свою добрымъ свидѣтельствомъ, отдаваемымъ благоразумію своего Государя. „ Вольность, говорилъ онъ, была мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что я нашелъ свое отечество столь счастливо перемѣнившимся. Когда я былъ похищенъ, то большая часть Англинскихъ городовъ была обращена въ пепелъ. Несчастные жители съ жаромъ искали сокровеннаго между стремнинами уголка, неприступнаго болота, норы сдѣланной для дикихъ звѣрей, гдѣ бы они могли сокрыться отъ ярости побѣждающихъ разбойниковъ. Пустыя поля оставлены были осокѣ. Украшеніе садовъ было не извѣстно, нигдѣ не слышался гласъ радостныхъ жнецовъ. Страхъ и отчаяніе изображались на лицахъ бѣгствомъ спасающихся гражданъ. Училища, въ которыя я посыланъ былъ для наукъ, лежали подъ пепломъ. Руки рабочихъ опустились, нигдѣ не наставляли мудрости и добродѣтели. И самому высочайшему существу несчастные долженствовали поклоняться тайно; ибо неистовство невѣрныхъ гнало кровопролитною ненавистію наставленія богослужителей. Мы забыли единое утѣшеніе, могущее подкрѣплять насъ въ толикихъ бѣдствіяхъ. „

Безконечная радость нынѣшнія Англіи: грады в здвигнулись изъ своихъ развалинъ съ сугубою изящностію; мѣста, въ которыя сбираются христіане, приняли паки достояніе, заслуживаемое богослуженіемъ. Училища наполнились учеными мужами, наставляющими юношество государства въ мудрости и добродѣтели. Поля покрываетъ богатѣйшій сѣвъ,

гласъ

гласъ радостнаго поселянина оживотворяетъ его труды, и раздается при собраніи даровъ земныхъ. Пустыя болоты сдѣлались улыбающимися лугами. Сіе мѣсто отчаянія покрыто стадами, питающими сѣмейство своего земледѣльца.„

„Древніе побѣдители Саксонцовъ живутъ еще въ пещерахъ, въ разсѣлинахъ неотесанныхъ камней; поля ихъ пусты, земля, о возделаніи которыя они не радятъ, отказываетъ имъ въ своихъ дарахъ. Лѣности ихъ не остается никакого средства, какъ покупать кровію своею пропитаніе, котораго прилѣжаніемъ снискивать пренебрегаютъ.„

Что бы могло быть причиною различія между ими самими и Англіею; между ею и Скандинавіею? Алфредъ, одинъ человѣкъ умѣлъ дать новый образъ сему острову, и сдѣлать степь садомъ Божіимъ.

Сколько скроменъ Алфредъ ни былъ, однако не могъ скрыть искренняго удовольствія, возбуждаемаго въ немъ побудительною истиною. Тайно трепетало сердце его, и онъ вознамѣрился трудиться еще и того рачительнѣе о благополучіи возлюбленныхъ его Саксонцовъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Чрезъ тридцать лѣтъ Алфредъ рѣдко выпускалъ мечь изъ рукъ, онъ мало помалу завоевывалъ Англію, отвращалъ набѣги варваровъ, снискивалъ владычествованіе на морѣ, изъ пятидесяти двухъ сраженій одержалъ онъ большую часть побѣдъ, изъ которыхъ онъ единственно обязанъ собственнымъ своимъ разположеніямъ; наконецъ достигъ онъ предмета своего, и всегдашній миръ купленъ былъ великимъ трудомъ и пролитіемъ крови наиблагороднѣйшихъ; Алфредъ отдыхалъ, и упражнялся уже во внутреннемъ исправленіи государства, и въ увѣреніи спокойствія.

Слава Алфреда безпримѣрна; никакая побѣда не могла довести его любить войну. Сей милосердый Государь часто былъ самоличнымъ свидѣтелемъ, какимъ образомъ наиблагороднѣйшіе лавры обагрялись самою лучшею кровію воиновъ, сколько тысячь содѣлываетъ война бѣдными, какъ она поглощаетъ въ цвѣтѣ лѣтъ надежду отечества, храбрѣйшихъ юношей, какъ другіе получаютъ еще бѣдную жизнь, подъ бременемъ болѣзни и безпрестанныя бѣдности, воздаянія за храбрѣйшія свои дѣйствія, и какъ наконецъ пожираетъ необычайный огнь войны имѣніе милліоновъ. Онъ видѣлъ, какимъ образомъ повсемѣстная бѣдность и голодъ ей сопутешествуютъ, и влекутъ за нею поглощающія заразы, спѣшащія къ разрушенію народному. Алфредъ никогда не нападалъ; всѣ его войны были отклоненіемъ неправедныхъ сраженій;

сраженій; единая невинность таковыхъ браней могла побудить сострадательное его сердце, жертвовать кровію своихъ собратій всеобщему благоденствію.

Но онъ и въ самомъ мирѣ находилъ раздранное Государство, въ которомъ единая власть меча господствовала многіе годы, а законы никого не защищали: слабая невинность должна была все претерпѣвать, собственность каждаго гражданина въ столь же малой находилась безопасности, какъ и самая жизнь. Для извлеченія народа своего изъ сего лабиринта, благоразумный Государь познакомился съ законами мудрѣйшихъ народовъ; сперва съ Еврейскими, произшедшими отъ самой верьховной премудрости, потомъ съ Греческими, Римскими, Датскими и Саксонскими. Онъ принималъ оные за трудъ, и благоразумнѣйшими мужами для него изготовленный, избиралъ изъ оныхъ, что почиталъ необходимымъ и полезнымъ для своего народа.

Король родился въ тѣ мрачныя времена, въ которыя западные народы забыли языкъ и искусства Римлянъ, въ которыя Карлъ Великій долженствовалъ занимать познаніе искусствъ отъ Арабскаго Аарона, въ которыя суевѣріе начало садиться на престолъ религіи, и жрецы начали присвоивать себѣ всеобщую власть.

Король самъ воспитанъ былъ въ сихъ предразсужденіяхъ, учители его и большая часть повѣренныхъ были жрецы. Обычаи Саксонцовъ учинились его обыкновеніемъ и правиломъ. Алфредъ былъ мудрый законодатель,

 но

но изъ неизбѣжныхъ недостатковъ его временъ произтекли несовершенства, отъ коихъ не могли его охранить никакія человѣческія дарованія.

Сколько Алфредъ ни подобострастенъ былъ Римскому Епископству, подъ надзираніемъ котораго препроводилъ онъ нѣкоторую часть младыхъ своихъ лѣтъ; однако не забылъ, что онъ былъ Король, и что вся власть въ Государствѣ его ввѣрена ему была всемогущимъ Обладателемъ. Онъ подвергнулъ духовныхъ тѣмъ же законамъ, которые предписалъ и прочимъ своимъ подданнымъ. Онъ не оставилъ Епископамъ накакой судейской власти, и наказывалъ винныхъ жрецовъ не испрашивая наказанія ихъ отъ Рима, какъ принужденъ былъ дѣлать сильный его прадедъ Плантагинетъ первый.

Законы Алфредовы учинились законами Едуарда, и истиннымъ источникомъ Англинскаго права, въ коемъ вольный и побѣдоносный народъ поставляетъ благороднѣйшее свое преимущество. Онъ былъ первый, который каждому гражданину далъ въ судьи другихъ, выбранныхъ изъ такого же достоинства; и такъ обвиненные не могли ожидать никакой несправедливости отъ тѣхъ, которыхъ судьями они могли быть взаимно, и которыхъ безопасность основалась на самой той справедливости, которую бы они оказали своему брату. Алфредъ повелѣлъ, дабы благородный судимъ былъ двенадцатью дворянами; простолюдимамъ опредѣлилъ онъ въ судьи одиннадцать другихъ граждан

ждан подъ предводительствомъ одного дворянина. Право сіе находится и понынѣ еще во всей своей силѣ, хотя никакой другой народъ не принялъ сего равенства судей съ обвиненными. И въ самомъ дѣлѣ не столько ли виновные имѣютъ бояться той опасности отъ невѣжества своихъ судей, отъ упорства единаго изъ нихъ или отъ хитрости несправедливаго начальника между ими, какъ отъ неудобствъ въ другихъ государствахъ, подъ правленіемъ посредственныхъ судей произойти могущихъ. Но какъ бы то ни было, Алфредъ предписалъ Саксонцамъ своимъ и Нормандцамъ сей образъ судить обвиненныхъ.

Уголовные законы Алфредовы были кротки, какъ и всѣ законы вольныхъ сѣверныхъ народовъ: весьма не многіе простирались до пролитія крови. Бунты и измѣны противъ Государя, нарушеніе гражданскаго спокойствія, были одни, которыя наказывались смертію, да и отъ оныхъ, по древнему обыкновенію Германскихъ народовъ, можно было откупиться положенною тяжестію золота. Преступленія, прельщенія жены наказывалось также, какъ и великія злодѣянія, вредящія общему благоденствію; прелюбодѣй наказывался наистрожайше, ибо онъ разрываетъ наисвященнѣйшія узы общества и разлучаетъ тѣхъ, которыхъ сопряженіе есть наитѣснѣйшее, и для надежды потомства необходимѣйшее. Священникъ, учинившій клятвопреступленіе, обагрившій руки свои кровію, преступившій границы непорочности, хотя наказывался Епископами; однако долженствовалъ также пред-

стать и предъ Королевскихъ судей, и заплатить Государю предписанную денежную пѣню.

Подозрѣваемые въ какомъ либо злодѣяніи, должны были для общей безопасности сыскать поручителей, или сидѣть подъ стражею.

Нормандскіе разбойники наполнили островъ столь многими примѣрами явныхъ насилій, что похищеніе и завладеніе чужимъ имѣніемъ сдѣлалось общимъ преступленіемъ. И сію опасность умѣлъ искоренить Алфредъ до основанія, и употребленное къ тому средство не было никогда извѣстно и самымъ просвѣщеннѣйшимъ народамъ. Сперва раздѣлилъ онъ Государство на Графства, которыхъ окружность была опредѣлена и утверждена. Каждое Графство раздѣлено было на сотни, которыя имѣли свое имя отъ принятія за оружіе (Weupontake) и каждая сотня раздѣлялась надесятки, состоящія изъ десяти отцевъ семейства. Каждый десятокъ долженъ былъ давать отчетъ за всѣхъ, къ числу его принадлежащихъ, и каждый изъ оныхъ долженъ былъ отвѣчать за всѣхъ, такъ какъ всѣ за каждаго, что ни одинъ обвиненный не предпріиметъ ничего противу законовъ, и предстанетъ предъ судію, какъ скоро его предъ онаго потребуютъ. Никто не могъ возпользоваться покровительствомъ правосудія, ежели не вписанъ былъ въ число котораго нибудь изъ сихъ десятка. Не хотѣвшій подвергнуться сему сопряженію, изключался изъ покровительства законовъ, и всякій могъ напасть на него, не опасаясь наказанія и лишить

его

его именія и жизни. Естьли кто въ десяткѣ подозрѣваемъ былъ въ злодѣяніи, а сотоварищи его не хотѣли никакъ по немъ ручаться, что онъ предстанетъ суду; то ввергали его въ темницу. Естьли же уйдетъ онъ прежде взятія подъ стражу, то десятокъ и сотня за свое небреженіе должны были Королю платить денежный штрафъ. Десятокъ хотя и могъ быть отъ онаго освобожденъ, когда всѣ его члены засвидѣтельствуютъ присягою, что злодѣй учинилъ преступленіе и ушелъ безъ ихъ вѣдома; однако сіе оправданіе долженствовали прочіе сосѣдственные десятки подтвердить своимъ свидѣтельствомъ; когда же они на сіе не соглашались, то виновный десятокъ подвергался тяжкому наказанію; именіе бѣглеца описывали на Государя, а когда онаго не доставало къ уплатѣ прежде рѣченнаго наказанія; то цѣлый десятокъ долженствовалъ недостаточествующее число доплатить и обязывался представить виновнаго въ судъ, какъ скоро его поймаетъ.

Чужестранецъ, завернувшійся къ подданному, два дни почитался гостемъ, преступленія его не приписывались хозяину его, какъ скоро онъ могъ подтвердить присягою, что онъ не имѣетъ никакого свѣдѣнія о его проступкѣ. Естьли же чужеземецъ пробылъ у него три дни, то онъ отвѣчалъ за него, такъ какъ за всякаго изъ своего семейства.

Алфредъ не осмѣливался напасть на наслѣдственную власть Графовъ, глубоко вкоренившуюся въ образъ правленія; но онъ уменьшилъ власть знатнаго дворянства, давъ всяко-

му Графству Бургграфа, котораго назначалъ Король, и который былъ его надзирателемъ въ семъ Графствѣ, и отправлялъ ту же самую должность, какъ и депутаты Карловинцовъ. Сверьхъ сего Король поставилъ судью, предъ которымъ въ судѣ рѣшились дѣла каждаго Графства. Сей судья уменьшалъ власть, какъ Бургграфа такъ и Графа.

Мудрыя сіи установленія произвели нѣкоторымъ образомъ чудеса. Прежде сего никто не осмѣливался вступать въ дорогу не вооружась; онъ долженъ былъ самъ себя защищать; ибо законы никого не защищали. Вдругъ воспослѣдовала во всемъ государствѣ всеобщая безопасность. Путешественникъ взиралъ безъ ужаса на ночь, покрывающую тѣнію своею всю землю; злато его и жизнь пребывали въ безопасности. Король приказалъ вѣшать тайно на деревья золотыя и драгоцѣнныя вещи. Приманъ добычи никого не побуждалъ подвергнуться строгости законовъ, и служители Царскіе приносили сокровище обратно безъ всякаго ущерба. Таково есть доброе дѣйствіе строгаго правосудія, бдящаго о невинности, и убѣждающаго виновнаго въ томъ, что порокъ есть безуміе и суета.

Послѣ сего первымъ Алфредовымъ попеченіемъ было сдѣлать описаніе всѣхъ имѣній и мѣстечекъ во всѣмъ Государствѣ съ ихъ обширностію, отношеніемъ и съ наложенными на оныхъ податьми. Сей неописанной трудъ привелъ Король къ окончанію въ Винчестрѣ посреди столѣтія, науками обнаженнаго. Вильгельмъ

гельмъ завоеватель возобновилъ сіе разписаніе и потомство пользуется почти чрезъ тысячу лѣтъ трудами мудраго Алфреда, который во многихъ случаяхъ можетъ служить къ вѣрнѣйшему разчисленію податей и къ прекращенію съ обѣихъ сторонъ споровъ.

На семъ разписаніи Государства и на раздѣленіи Графства на сотни и на десятки основались суды, которые возстановилъ Алфредъ въ каждомъ Графствѣ, въ каждой сотнѣ и въ каждомъ десяткѣ; сіе облегчило приступъ правосудія каждому гражданину и изторгнуло изъ невѣждъ и великихъ людей, предавшихся единственно оружію, высокое право упражняться въ правосудіи.

Бургграфы и судьи были предсѣдателями въ сихъ судебныхъ мѣстахъ и каждый Саксонецъ былъ судимъ предъ своимъ десятомужіемъ; по томъ предъ судомъ ста мужей и Графствомъ.

Алфредъ нашелъ мало мужей, способныхъ отдавать правосудіе; но мудрость его умѣла ихъ содѣлать таковыми. Онъ читалъ съ безпримѣрнымъ прилѣжаніемъ всѣ тяжебныя дѣла, которыя отдавались на высочайшее его рѣшеніе. Естьли его Бургграфъ или судьи рѣшили не право; то наказаніе было неизбѣжимо. Самаго незнанія онъ не прощалъ; каждый знаетъ свои силы, и по тому никакого не долженъ отваживаться требовать судейскаго чина, должности котораго исполнить находитъ онъ себя не въ состояніи. Когда корыстолюбіе или ненависть управляли судомъ; то противу обыкновенія

кновенія Саксонцовъ смертное наказаніе было не избѣжимо, и Алфредъ, прощавшій толь часто бунтовщикамъ и вѣроломнымъ разбойникамъ, не щадилъ никакого несправедливаго судью. Въ одинъ годъ онъ повѣсилъ сорокъ пять судей, поступившихъ несправедливо. Кадвинъ осудилъ на смерть такого человѣка, котораго между двенадцатью присяжными трое находили невиннымъ. Гале заплатилъ своею жизнію за упущеніе знаменитому человѣку, отнявшему силою у одного Саксонца имѣніе, и приписавшему оное къ доходамъ Царскимъ. Другой судья долженъ былъ умереть за то, что онъ обвиненнаго ввергнулъ въ темницу и лишилъ его чрезъ то случая къ защищенію себя. Оскитель приказалъ вести обвиненнаго не смерть, признавшагося чрезъ пытку въ злодѣяніи, заслужившемъ оную, котораго однако не можно было подтвердить никакими другими доказательствами. Алфредъ довольно вѣдалъ, что закоренелый въ грѣхахъ бездѣльникъ, часто смѣется надъ всѣми болѣзнями изстязаній и ругается надъ правосудіемъ, не хотящимъ его осудить безъ осужденія самаго себя: напротивъ того человѣкъ съ нѣжными жилами не можетъ снести мученія и охотнѣе обвиняетъ самъ себя, и соглашается лучше такимъ образомъ осудить себя на смерть, нежели подвергнуться нестерпимому истязанію. Мучительный допросъ производилъ два дѣйствія; часто наказываетъ онъ невинность и освобождаетъ преступниковъ.

Страхъ, что Король когда нибудь проникнетъ въ несправедливость, и въ самый недостой-

достойный приговоръ, учинившаго погрѣшность строго накажетъ, принудилъ судей учиниться справедливыми, и пребывать вѣрными законамъ. Они такъ всегда поступали, какъ будто бы они судили въ присутствіи самого Государя. Вмѣсто незнающихъ воиновъ сидѣли чрезъ нѣсколько лѣтъ на судейскихъ стульяхъ все просвѣщенные и рачительные о должности своей мужи.

Король самъ сдѣлался общимъ своего народа учителемъ. Онъ умѣлъ употреблять чтеніе свое и знаніе въ стихотворствѣ на исправленіе всеобщихъ нравовъ, и скрывать нравоученіе въ басняхъ, въ повѣстяхъ, и остроумныхъ изреченіяхъ, къ пользѣ своего народа служащихъ. Ему не безъизвѣстно было, что пріятность стихотворенія доставляетъ доступъ къ важнымъ наставленіямъ добродѣтели, и что мѣра слоговъ и краткія повелѣнія мудрости стихотворенія удобнѣе въ память впечатлѣваются.

Онъ былъ своего времени стихотворецъ, герой и законодатель. Преимущественная милость, оказываемая имъ ученымъ и великимъ мужамъ, сдѣлала науки предметомъ общаго почитанія, цѣлію наиважнѣйшихъ упражненій. Потомство читаетъ еще древнія пѣсни, въ которыхъ вводится Алфредъ, наставляющій дворянство свое истинной премудрости, которая показуетъ путь къ блаженной вѣчности. Кавалеру, Епископу, судьѣ показывалъ онъ его должности, и истинное величество, на исполненіи оныхъ основывающееся. Мы также читаемъ послѣднее его увѣщаніе, учиненное имъ

младому

младому Едуарду, его наслѣднику, котораго онъ содѣлалъ достойнымъ Принцомъ.

Алфредъ самъ испыталъ, что науки дѣлаютъ насъ способными быть добрыми. Кто знаетъ внутреннюю изящность добродѣтели, тотъ склоненъ ее любить. Отъ кого сія изящность сокрыта, тотъ полагаетъ свое блаженство въ удовлетвореніи своимъ чувствамъ. Книга премудрыя древности изображаетъ намъ добродѣтель достопочтенною; а порокъ униженнымъ: изъ сихъ книгъ почерпаетъ душа склонность къ добру, которое оныя выхваляютъ съ толикимъ краснорѣчіемъ. Свѣтъ есть гораздо опаснѣйшее училище: порокъ весьма часто въономъ увѣнчавается, между тѣмъ какъ робкая добродѣтель, не рѣдко презирается; ибо она гнушается путями, обыкновенно ведущими насъ къ счастію. Въ писаніяхъ мудрыхъ изображался Антонинъ, а въ мрачныя времена, въ которыхъ науки лежали сокровенными, изчезла вся истинная добродѣтель, все величество души и человѣколюбіе. И между самыми Деспотическими обладателями порабощеннаго Китая, наставленія древнихъ мудрецовъ, блестящіе примѣры, которыхъ сохранили они память, содѣлали внуковъ сихъ дикихъ Скифовъ отцами своего народа, и между сими варварами произошелъ Іонгтши и Кіенлонгъ.

Отъ продолжительныхъ браней, опустошившихъ Англію, совершенно уничтожались и науки. Въ сіи несчастныя времена люди забыли все не принадлежащее непосредственно къ ежедневному ихъ обращенію. Во всемъ государствѣ не

не находилось ни одного человѣка, который бы умѣлъ истинный смыслъ Латинской книги перевести на свой языкъ; однакожъ все богослуженіе Саксонцовъ основывалось на Латинскихъ книгахъ, пѣсняхъ и молитвахъ. Алфредъ принужденъ былъ искать орудій для наученія своего народа по другую сторону моря. Онъ нашелъ въ Ирландіи меньше тогда опустошенной, Іоанна Гиберна, препроводившаго нѣсколько лѣтъ въ Аѳинахъ и въ Италіи, который разумѣлъ давно забытые восточные языки, и который находился у Карла Кальва въ милости и въ довѣренности; онъ человѣкъ, умѣющій остро шутить, онъ былъ убитъ своими учениками, имъ самимъ раздраженными. Алфредъ вызвалъ въ Ателингской монастырь изъ Германской Саксоніи, отечество его народа, ученаго Игумна. Ассеръ Монмутъ былъ столь привержен къ своей должности, что Король не могъ болѣе полугода удержать его при себѣ, хотя онъ и предлагалъ ему Винчестерское Епископство.

Одаренъ будучи удивительнымъ проницаніемъ и опытностію въ познаніи человѣковъ, умѣлъ онъ узнать въ мальчикѣ, пасущемъ свиней, отмѣнныя дарованія, возвышающія человѣчество; онъ извлекъ его изъ сего подлаго состоянія, и данное ему воспитаніе сдѣлало изъ него достойнаго Епископа.

Включенный въ число святыхъ Недръ родомъ былъ изъ Корнваллиса; непорочное его поведеніе пріобрѣло ему еще при жизни его всеобщее почтеніе. Онъ воспиталъ Короля и находился

ходился у него въ великомъ почтеніи. Его увѣщаніямъ и совѣтамъ приписываютъ многія превосходныя предпріятія Алфредовы.

Съ помощію сихъ ученыхъ и благонравныхъ мужей привелъ Алфредъ нечувствительно всеобщее наставленіе народа въ лучшее состояніе. Онъ взошелъ на престолъ въ такое время, въ которое ни одинъ Епископъ не разумѣлъ Латинской Богослужительной книги, дожилъ до того, что не было ни единаго въ Англіи Епископа, которой бы не зналъ столько Священнаго Писанія, сколь требовало онаго достоинство его сана. Король облегчилъ духовенству изученіе необходимыхъ наукъ, приказалъ употребительнѣйшія книги переложить на Саксонскій языкъ, и перевелъ самъ книгу, въ которой описывались должности священнослужителя.

Къ спасительному его намѣренію училищи были необходимо нужны. Алфредъ расточалъ свои сокровища на сіи изъ всѣхъ изящнѣйшія заведенія. Совершенныхъ лѣтъ люди уподобляются старому негибкому древу, не могущіе уже приведены быть къ лучшему расположенію. Юношество напротивъ того можно склонить, къ чему ни пожелаетъ образовать ихъ мудрое воспитаніе, и чистый еще ихъ духъ принимаетъ съ толикою же удобностію любовь къ добру и истиннѣ, съ каковою предается оно за недостаткомъ ученія дикимъ побужденіямъ страстей.

Между всѣми твореніями Алфреда нѣтъ ни единаго, которое бы больше представляло его Госу-

Государство, какъ основанie славнаго въ Оксфортѣ училища: тысячи ученыхъ, тысячи учителей добродѣтели и истинны образованы были въ семъ храмѣ музъ, добрыя дѣянiя которыхъ имѣли первой свой корень въ кротости Алфреда и въ великодушiи, въ которомъ посвятилъ онъ сie училище добродѣтели и мудрости. Чрезъ тысячу лѣтъ не было въ Оксфортѣ изобрѣтено ничего полезнаго, не доказано никакой спасительной истинны, не говорено ни одной трогающей рѣчи, возбуждающей человѣковъ къ исправленiю, никакая не просвѣтилась часть наукъ глубокоиспытательными книгами, чтобъ Алфредъ не имѣлъ участiя въ причиненномъ добрѣ.

Заведенie новаго училища было конечно взято съ монастырей, бывшихъ во времена Алфредовы единымъ наукъ обиталищемъ. Король основалъ три зданiя, въ которыхъ восемьдесять юношей должны были всегда на опредѣленную для содержанiя оныхъ училищъ ежегодную сумму воспитываться. Онъ подвергнулъ ихъ извѣстнымъ законамъ, которые съ ученостiю имѣли также предметомъ вѣру къ богослужительнымъ упражненiямъ, которыя тщательно приневоливали учениковъ. Сie высокое училище сдѣлалось для потомства образцомъ. Благотворительные мужи и мудрые Государи умножили оное новыми основанiями, и оно процвѣтаетъ еще посредѣ всеобщаго почти развращенiя, а особливо въ разсужденiи изящныхъ наукъ, языковъ и богословiя.

Духъ

Духъ порядка, отличавшій мудраго Алфреда отъ всѣхъ, простирался на всѣ вѣтви государства: онъ сдѣлалъ всѣхъ своихъ Саксонцовъ воинами отечества, безъ малѣйшаго нанесенія ущербу земледѣлію или храненію домостроительства. Всѣ жители Графства были исчислены и записаны. Часть оныхъ находилась вмѣсто гарнизона въ городахъ и крѣпостяхъ, изъ которыхъ Алфредъ укрѣпилъ довольное число, чтобъ могли они каждой части государства служить защитою. Прочіе же жители должны были всегда быть въ готовности къ внѣзапнымъ нападеніямъ, весьма часто произходившимъ отъ возмутительныхъ Саксонцовъ.

Одной половинѣ приказываемо было тотчасъ итти туда, куда требовала нужда; другаяжъ половина опредѣляема была на смѣну прочимъ, и вступала на мѣсто первой, когда оная выслуживала назначенное время. Такимъ образомъ всѣ Саксонцы упражнялись въ воинскихъ подвигахъ, и Алфредъ шелъ уже не съ грубыми крестьянами и сокрушеннымъ сердцемъ противъ бранныхъ Нормандцовъ, надъ которыми не надѣялся онъ одержать побѣды. Но во всякомъ Графствѣ находился полководецъ, коему препоручено было войско. Спасительными законами и безпрестаннымъ упражненіемъ въ оружіи получили Саксонцы паки потерянную довѣренность къ самимъ себѣ, и выступали противъ страшныхъ Нормандцовъ съ нетерпѣливостію, которую предводители ихъ должны были удерживать. Сія великая перемѣна, была несчастнымъ прежде Саксонцамъ

новымъ доказательствомъ, что ихъ мудрому Государю все возможно, и что нравы народа его были въ рукахъ его, какъ глина, изъ которыя онъ могъ все сдѣлать по своему намѣренію.

Корабли его были по тогдашнему обыкновенію съ веслами; они были весьма велики и каждый изъ оныхъ приводился въ движеніе сорокомъ веслами. При томъ были они вдвое выше Нормандскихъ и воины, метавшіе копья и стрѣлявшіе по непріятелѣ съ таковой высоты имѣли превосходство надъ Нормандцами. Алфредъ достигъ цѣли своихъ желаній, привелъ государство свое въ безопасность отъ Сѣверныхъ разбойниковъ, кои прежде прогоняемы были, по учиненіи уже многихъ тысячь несчастными, а тогда боялись даже и береговъ государства охраняемаго сильными флотами. Алфредъ сдѣлалъ и того еще больше; онъ, который прежде лишенъ былъ своихъ земель, достигъ наконецъ до обладанія морями врожденнаго права Англинскаго Короля, которое Алфредовы преемники разпространили на всѣ моря, обтекающія обѣ части свѣта.

Алфредъ, какъ и великіе его послѣдователи, искалъ подданнымъ своимъ отворить новые пути къ полезному труду; стараніе гораздо благоразумнѣйшее и спасительнѣйшее, нежели простая щедрость. Сія доставляетъ подданному дневное только пропитаніе, но та приводитъ его и внуковъ его въ состояніе доставить для себя во всякое время и безъ малѣйшаго старанія вѣрное содержаніе.

Всѣ искусства сопряжены между собою, и должны взаимно другъ друга подкрѣплять. Военное искусство требуетъ тысячу другихъ искусствъ работащихъ металловъ, на деревѣ, наверевкахъ, рисующихъ и начертывающихъ военныя орудія; во всѣхъ сихъ искусствахъ Англія обѣднѣла; поелику тридцать лѣтъ мечь хищныхъ Нормандцовъ безпрестанно висѣлъ надъ ея главою, и всѣ силы жителей ея соединялись къ отклоненію неизбѣжимаго паденія. Искусства сіи Алфредъ ввелъ паки въ государство.

Щедрота его обѣщала художникамъ довольное пропитаніе, а человѣколюбіе его умножило пріятность пребыванія въ его государствѣ. Изъ всѣхъ странъ обширныя Германіи, изъ государства Франковъ, стенящаго тогда подъ правленіемъ худыхъ обладателей, изъ завиствующія Шотландіи, изъ примирившейся съ Алфредомъ Валліи, изъ трудолюбивыхъ Нидерландцовъ, спѣшили художники и ремесленники подъ покровительство щедраго Короля, отъ котораго не должно было опасаться незаслуженнаго негодованія или безвиннаго изгнанія. Англія наполнилась искусными людьми, дѣлавшими для самаго Короля совершеннѣйшія работы, которые сообщили Саксонскому юношеству наилучшее рукомѣсло и равное искусство.

Алфредъ зналъ, что Государь человѣкъ, что онъ самъ всего проникнуть, во всѣхъ случаяхъ избрать наилутшія пути и изобрѣсть для всѣхъ намѣреній наикратчайшія средства не можетъ. И такъ онъ съ удовольствіемъ совѣтовался съ тѣми, коимъ дѣла были извѣстны;

онъ

онЪ выслушивалЪ сЪ терпѣливостію и вниманіемЪ предлагающихЪ ему заключенія опытности, и сравнивая мысли разныхЪ знатоковЪ, вЪ состояніи былЪ избирать лучшій совѣтЪ.

Во время его правленія Англія обыкновенно содержала три совѣта, вЪ которыхЪ отправлялись дѣла. Великій государственный совѣтЪ рѣшилЪ наиважнѣйшія государственныя дѣла, разпоряжалЪ учрежденіями онаго, и исправлялЪ законы. Епископы, Графы, Бургграфы, судьи засѣдали вЪ семЪ совѣтѣ; также допускались вЪ оный и Вазаллы, получившіе отЪ Короны ленныя владѣнія вЪ награжденіе за воинскіе ихЪ подвиги, которые они обязались исполнять.

Не столь многолюдный совѣтЪ имѣлЪ попеченіе о дѣлахЪ, требовавшихЪ большей скромности и скорѣйшаго исполненія: онЪ разсматривалЪ также и тѣ дѣла, которыя долженЪ былЪ рѣшить великій совѣтЪ. АлфредЪ употреблялЪ кЪ сему ЕпископовЪ, ИгумновЪ и духовныхЪ, безпрестанно при немЪ находившихся, добродѣтель которыхЪ была ему извѣстна, и духЪ которыхЪ просвѣщенЪ былЪ науками. Ибо вЪ нещастное столѣтіе, вЪ которое царствовалЪ АлфредЪ, невѣжество не только благородныхЪ, но и самыхЪ Государей лишало чтенія полезныхЪ книгЪ, и препятствовало имЪ стараться о изысканіи важныхЪ дѣлЪ. Самое малое число между ими умѣло читать, и они думали, что уже удовлетворили всѣмЪ

въ разсужденіи отечества должностямъ, когда храбро за оное сражались и мужественно умирали.

Алфредъ не хотѣлъ лишиться удовольствія, быть извѣстнымъ о всемъ, могущемъ имѣть нужду въ возобновленіи въ каждой странѣ и въ каждомъ городѣ его Государства, или о томъ, отъ чего въ случаѣ небреженія могли произойти опасныя слѣдствія. Онъ сдѣлалъ непремѣннымъ закономъ то, чтобы великій Государственный совѣтъ, Епископы и знаменитые люди ежегодно собиралися къ Королю. Въ сихъ великихъ собраніяхъ разсуждали о законахъ, обнародованіе которыхъ зависѣло однако отъ самаго Государя; судили о спорахъ великихъ людей, и утверждали всеобщее государственное благоденствіе.

Алфредъ въ свое время былъ слишкомъ просвѣщенъ, чтобъ не чувствовать, сколько опасны были Графы для Царской власти. Они весьма близко приближались къ его могуществу и возвысились гораздо выше Вазалловъ; и такъ мудрый Король употребилъ разныя средства на ослабленіе Графскихъ властей. Онъ предоставилъ себѣ всѣ великія дѣла, въ число которыхъ включалъ и смертоубійство. Судьи его судили насилія, причиняемыя на большихъ дорогахъ, и малыя ссоры подданныхъ разныхъ Графствъ. Тяжбы малѣйшей важности входили въ судъ десятомужія, въ судъ ста мужей,

а

а потомъ переносились въ судъ Графства, въ которыхъ Графы, Епископы, Бургграфы, судьи и Вазаллы имѣли засѣданіе и голосъ. Изъ сего двора переносили къ Королю; Графы удерживали право сего предсѣданія, предводительство воиновъ, и попеченіе обнародывать подданнымъ Царскія повелѣнія.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ВЪ конецъ почти раззоренное Англо-Саксонское Государство принимало новый видъ; и вмѣсто замѣшательствъ порядокъ повсюду паки восцарствовалъ: воинское искусство, науки, художества, и правленіе были исправлены, и Алфредъ безпрепятственно могъ пещись о славѣ своего Государства, къ чему онъ заблаговременно изготовилъ уже все нужн е орудіе. Первый его къ оной шагъ, послужившій къ защищенію Государства, было возстановленіе сожженныхъ и въ развалинахъ лежащихъ городовъ. Лондонъ обязанъ ему вторымъ своимъ построеніемъ. Изъ окопанной пристани Нормандцовъ сдѣлался онъ городомъ, а изъ сихъ началъ, возрастая мало по малу, учинился наконецъ пространнѣйшимъ пребываніемъ правленія, торговли и столицею Государства.

Винчестеръ былъ разоренъ до основанія при правленіи Еделреда. Алфредъ построилъ вновь сей городъ съ большимъ великолѣпіемъ и твердостію. Въ прежнія времена Саксонскіе города состояли изъ нѣсколькихъ только хижинъ, и свѣтильничи бранныхъ Скандинавцовъ въ одинъ день обращали ихъ въ пепелъ; но Алфредъ возхотѣлъ, чтобы Винчестеръ, который онъ сдѣлалъ столицею своего государства, былъ построенъ изъ тесанныхъ четвероугольныхъ камней.

Устья великихъ рѣкъ, берега морскіе обезопасилъ Король новыми замками и окопами,

вѣ которыхѣ безпрестанно находился гарнизонѣ, который до тѣхѣ порѣ можетѣ отражать первое нападенiе вышедшихѣ на берегѣ грабителей, пока Саксонцы собравшись вооружатся и сѣ довольною силою выступятѣ противѣ разбойниковѣ. Сiе толь легкое средство, держать вѣ уздѣ морскихѣ хищниковѣ, Саксонцы пренебрегли и заплатили за нерадѣнiе свое благороднѣйшею своею кровiю.

Алфредѣ жилѣ вѣ такое время, вѣ которое вѣра и науки находились у однихѣ только монаховѣ. Они были просвѣщены, по чему и почитали ихѣ святыми. Король не совсѣмѣ могѣ избавиться отѣ предразсужденiя своего вѣка: сердце его, склонное кѣ истинной богобоязнности, смѣшивало почтенiе, которое заслуживаетѣ слово Божiе, сѣ почтенiемѣ, которое служители его себѣ присвояли; онѣ былѣ прилепленѣ кѣ жрецамѣ, которые были тайнѣйшими и довѣреннѣйшими его совѣтниками. И такѣ построилѣ онѣ монастыри и основалѣ убѣжища для желающихѣ удалиться отѣ шуму большаго свѣта, и совсѣмѣ посвятить себя вѣ уединенной кельи размышленiю о вѣчности. Первый монастырь, имѣ построенный, былѣ Ателангѣ. Онѣ учинилѣ вѣчнымѣ воспоминанiемѣ униженiя, претерпеннаго имѣ вѣ Ательнеѣ, построивѣ на сваяхѣ монастырь вѣ болотахѣ, скрывавшихѣ его отѣ побѣдоносныхѣ Нормандцовѣ. Для благородныхѣ дѣвицѣ основалѣ онѣ домѣ вѣ Шахебургѣ, а вѣ Винчестерѣ вѣ новомѣ монастырѣ приказалѣ построить кладбище для себя и своихѣ преемниковѣ.

 онѣ

Онъ одарилъ Епископство Дургамское и разныя монастыри впустѣ лежащими землями. Щедрый Монархъ не довольно предвидѣлъ, что самымъ лучшимъ по видимому намѣреніемъ, приготовлялъ онъ священнослужителямъ чрезъ богатство совершенный ядъ. Напитокъ сей, упоя ихъ и умножа слишкомъ ихъ власть, открылъ въ сердца ихъ входъ гордости и самовластію.

Сколько онъ ни привerженъ былъ къ вѣрѣ, однако не забылъ, что для Государей необходимо нужно также и внѣшнее великолѣпіе; поколику народъ почитаетъ своего Обладателя не только по внутреннему сердецъ ихъ достоинству, но и по знакамъ блеска и величества, ихъ окружающаго. Алфредъ паки возобновилъ и украсилъ изсѣченными каменьями разрушенные Царскіе чертоги и увеселительные домы, въ которыхъ искали иногда Государи убѣжища отъ обременяющихъ ихъ дѣлъ.

Какъ всеобщій отецъ порядка, воздвигъ онъ домы свои по самымъ благоразумнѣйшимъ основаніямъ. Служители его раздѣлены были на три очереди, изъ которыхъ каждая служила четыре мѣсяца въ году, а восемь остальныхъ мѣсяцовъ препровождала въ отдохновеніи.

Добродѣтель его не имѣла ничего строгаго, ни упрямаго. Онъ любилъ музыкальные инструменты. Онъ снискалъ въ Римѣ вкусъ къ пріятному сему удовольствію, и вызвалъ наиискуснѣйшихъ музыкантовъ и наипріятнѣйшихъ пѣвчихъ къ своему двору. Онъ вѣдалъ, что слабыя орудія духа удручаются въ человѣкѣ из-

излишнимЪ вниманіемЪ, и что безпрестанная работа дѣлается наконецЪ безполезною, и производитЪ несовершенныя токмо дѣйствія.

Яко СаксонецЪ онЪ прилепленЪ былЪ вЪ молодости своей кЪ песьей и сокольничей охотѣ. Утреннее прохлажденіе, вольный воздухЪ, и тѣлодвиженія дѣлали упражненія сіи спасительными; но АлфредЪ умѣлЪ и сіе увеселеніе облагородить и употребить кЪ общему благу: онЪ обращалЪ оружія свои при охотѣ противу вредоносныхЪ звѣрей, которыхЪ онЪ изкоренялЪ. ОнЪ былЪ вЪ сихЪ упражненіяхЪ наиискуснѣйшій между Саксонцами.

АлфредЪ не пренебрегЪ также и самыя украшенія, служащія собственно кЪ возвышенію придворнаго великолѣпія. ОнЪ былЪ первый изЪ СаксонскихЪ Королей, который принялЪ кЪ себѣ во услуженіе художниковЪ, умѣвшихЪ отдѣлывать золото и драгоцѣнные каменья АлфредЪ приказалЪ для великихЪ торжествЪ сдѣлать Королевскую корону. Сему искусству онЪ самЪ научился, и сдѣлался способнымЪ наставлять другихЪ.

ОнЪ былЪ также первый изЪ СаксонскихЪ Королей, который вздумалЪ сдѣлать кавалеровЪ. Награжденіе сіе за воинскіе подвиги состоитЪ во власти Государя; оно не изщерпываетЪ его сокровищЪ, и не дѣлаетЪ имЪ убытка отЪ награжденія; однако не менѣе споспѣшествуетЪ блаженству награжденнаго, сколько бы могло произвести самое злато и сребро: оно будучи раздѣляемо по долгу служитЪ явнымЪ свидѣтельствомЪ почтенія Государскаго, на кото-

 ромЪ

ромъ основывается почтеніе народное; одно изъ наичувствительнѣйшихъ удовольствій, каного ощутительное сердце желать только себѣ можетъ. Алфредъ далъ рыцарское достоинство внуку своему Адельстану, одѣвъ его въ багряное платье и препоясавъ его поясомъ, на которомъ висѣлъ коротенькій Саксонскій мечь въ золотыхъ ножнахъ. Адельстонъ совершенно отвѣтствовалъ намѣреніямъ во всемъ свѣдущаго дѣда, и сдѣлался сильнымъ и почтеннымъ Королемъ.

Алфредъ умѣлъ раздѣлить себя на толь многія искусства и познанія, и во всякомъ изъ оныхъ оставался онъ великимъ. Трудно было въ то время изъ Государей найти такого, который бы могъ подобно ему съ таковою скоростію обращать всѣ силы своего духа на столь многія и на столь многоразличныя дѣла, все предвидѣть и обо всемъ стараться. Между всѣми сими Царскими упражненіями не было ни одного, которое бы не имѣло крайнимъ предметомъ благоденствіе своего народа.

Главнѣйшимъ стараніемъ сердца его было угодить Богу. Никто и въ наши столько перемѣнившіяся времена не уменьшитъ за то славы Алфредовой, поколику богослуженіе его, слѣдуя участи вѣка его, имѣло въ себѣ нѣчто монашеское. Но Сердцевѣдецъ требуетъ отъ человѣка того только, что онъ можетъ сдѣлать въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя поставленъ онъ всевысочайшею его премудростію, и замѣшавшаяся плева въ очахъ Всевѣдущаго

щ го не отнимет достоинства предпочесться имѣющей пшеницѣ.

Надлежит признаться, что в благочестии Алфреда видны были слѣды вкуса его вѣка; но он был слишком благоразумен, чтоб поступить так, как весьма часто дѣлывали в тогдашнія времена Государи, оскорбленные своими недостатками, оставя народу своему полезное правленіе, запирались в монастырь, дабы пещися токмо о себѣ самом. Он навсегда остался трудолюбивым, и для блага народа своего неутомимым Государем.

Алфред дѣлил с законом время и имущество свое. Он раздѣлил доходы свои на двѣ равныя части, из которых одну опредѣлил на благочестивые дары, которая паки раздѣлялась на бѣдных, на монастыри и училища. Другуюж удерживал Король для себя, из которой удѣлял он также нѣкоторую долю придворным своим, художникам, трудолюбивым ремесленникам и чужестранцам, поселившимся в его Государствѣ. Подати, с помѣстьев собираемыя, опредѣлены были для содержанія двора, которыя оставлялись иногда земледѣльцам за нѣкоторую плату: они привозили ко двору земные плоды, овощи и доходы, получаемые от своих стад.

Алфред удѣлял половину времени своего на богослуженіе, доброе употребленіе котораго составляет собственное наше бытіе; он причислял к сему изреченія, замѣчаемыя из книг откровенія Господня, сопровождая их собственным своим разсужденіем записывал

въ карманныя книжки, изъ коихъ произошли цѣлыя собранія, въ которыхъ Алфредъ препровождалъ наипріятнѣйшее время своего упражненія. Онъ былъ столько попечителенъ, чтобъ ничего не увести изъ времени, посвященнаго закону, что перевѣсилъ свѣчи для опредѣленія часовъ въ такое время, въ которое не знали еще ни о какомъ родѣ часовъ. Ему приписываютъ изобрѣтеніе, которое конечно древнимъ было не безъизвѣстно, но которое уповательно во время непросвѣщенія пропало, обносить упомянутый воскъ прозрачнымъ рогомъ; поколику стеклянныя оконницы не были еще тогда изобрѣтены. Стараніемъ, которое Алфредъ принялъ опредѣлить время, обязаны мы обѣщанію его, сдѣланному послѣ побѣды, одержанной при Ательнгѣ.

Важно вымышленное желаніе сего Государя весьма далеко простиралось, что слабое его сложеніе или безпрестанные недуги удерживали его вовсе предаваться чувственнымъ веселіямъ. Въ юношествѣ своемъ онъ весьма бы удобно могъ исполнить желаніе сіе, естьли бы страхъ озлобить Бога его отъ онаго не удержалъ; цѣлыя двадцать пять лѣтъ мучило его внутреннее и никому неизвѣстное зло, которое посреди цвѣтущихъ его дней прекратило теченіе неоцѣненной его жизни. Долженъ ли былъ Алфредъ сомнѣваться о премудрости того, у котораго просилъ онъ о воздержаніи? и податель всѣхъ благихъ даровъ не былъ ли обиленъ другими средствами, которыя бы не прекратили дней Алфредовыхъ, и не сдѣлалибъ

жизнь

жизнь его безполезною въ такое время, въ которое болѣзни его превозходили всякое терпѣніе?

Живое сіе чувствованіе должностей закона произвело въ немъ сіе непоколебимое милосердіе, подкрѣпляющее его посреди толикихъ браней, не взирая на вѣроломство и невѣрность, которыми непріятели платили ему за крайнюю его благость. Ничто не въ состояніи было превозмочь принятаго намѣренія прощать, онъ желалъ также, чтобы и ему было отпущено. После побѣды, дорого купленной, прощалъ онъ безъ всякаго договора тому, который десять кратъ противъ его возмущался, и не позволялъ себѣ никакого дѣйствія ощущаемаго мщенія.

Въ нѣдрѣ Государства былъ онъ вѣрный и любви достойный супругъ, нѣжный отецъ и милостивый Государь. Сколь много времени ни обязанъ онъ былъ употреблять на спасеніе своего народа, и на неизбѣжныя брани, хотя искусство его въ рыцарскихъ упражненіяхъ и было велико; однако онъ съ первыхъ лѣтъ юношества своего желаніе къ наукамъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ. По причинѣ нещастныхъ сихъ временъ Алфредъ едва и на двенадцатомъ году могъ худо разбирать книгу, которая его всегда столь привлекала, что онъ не прежде успокоивался, какъ когда могъ безъ ошибки читать и совершенно понимать содержаніе оныя.

Сколько Саксонскій языкъ ни былъ грубъ, но въ устахъ Алфреда казался пріятенъ и плавенъ:

венЪ: онЪ перевелЪ на Саксонскій языкЪ сочиненія древнихЪ мудролюбцевЪ сЪ такою вѣрностію и выраженіемЪ, чего ни одинЪ ученый дать былЪ вЪ состояніи. Стараніе сіе прилагалЪ онЪ на изученіе законовЪ просвѣщенныхЪ народовЪ, исторіи, рѣчей и иносказаній, однимЪ словомЪ, всѣхЪ твореній разумныхЪ и превосходнаго вкуса людей; онЪ переложилЪ на свой языкЪ все собраніе откровенныхЪ писаній. ОнЪ написалЪ также собственую свою исторію, и приключенія своея многотрудныя и во многихЪ нещастіяхЪ обращавшіяся жизни. ОнЪ сохранялЪ всегда во всѣхЪ своихЪ твореніяхЪ постоянную привычку ничего не начинать, чего не надѣялся привести кЪ концу.

ВЪ самой болѣзни, при мучительной жизни и многихЪ испытанныхЪ чувствительныхЪ нещастіяхЪ, АлфредЪ всегда былЪ веселЪ и миролюбивЪ: сею добродѣтелію обладаютЪ однѣ избраннѣйшія токмо души, которыя кротостію своею преодолѣваютЪ всякое волненіе и досаду. Весьма часто случается, что простыя души уступаютЪ послѣднему впечатлѣнію; маловажными причинами бываютЪ возмущаемы, и при перевѣсѣ господствующія досады не чувствуютЪ важности другихЪ предметовЪ. Сколь мало трогало его нещастіе, столь мало господствовало надЪ АлфредомЪ щастіе и чувствованіе своихЪ достоинствЪ: онЪ трудился и сражался сЪ неустрашимою бодростію, молчалЪ о своихЪ великихЪ дѣяніяхЪ, будто бы они были не имЪ произведены. Часто одинЪ онЪ удерживалЪ воиновЪ своихЪ отЪ побѣга, противу-

тивупологая непреоборимую твердость наступающему непріятелю; онъ почиталъ храбрость свою за нѣчто случайное и странное, поколику вся душа его привержена была къ Богу, на котораго онъ полагалъ всю надежду.

Слава его не многія лѣта краткія его жизни пролетѣла за ту сторону Европейскихъ предѣловъ. Единодушный и свободный гласъ народа далъ ему имя великаго Алфреда, которое не многіе Государи достойно получаютъ. Римъ почиталъ его добродѣтели, Патріахъ Іерусалимскій изъ за столь многихъ морей оказывалъ почтеніе, которое великія добродѣтели въ отдаленнѣйшихъ странахъ Королю Саксонскому снискали. Изъ всѣхъ мѣстъ спѣшили воины, художники и ученые къ престолу, на которомъ сидѣлъ христіанинъ, мудрый герой, и всѣхъ полезнѣйшихъ искусствъ защитникъ.

Отъ прекрасныя Алсвиты Король имѣлъ двухъ сыновей: Едуарда старшаго, мудраго Короля и законодателя, и Едельварда, ученаго Принца, умершаго въ Оксфортѣ въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ. Потомъ мужественный Алфредъ женился на супругѣ Графа Мерси, которая послѣ смерти его правила обширною сею землею, усмирила бунтующихся Нормандцовъ, и основала многіе города, между которыми щитаются также Шестеръ, Штафофордъ и Варванъ. Она завоевала паки часть взбунтовавшагося и отдѣлившагося Валлиса, и заслужила Королевское имя добродѣтелями, которыми она обладала.

Ательсвита выдана была за Балдуина, сильнаго Графа Фладрскаго; одна изъ ея правнукъ, именемъ Матильда, сочеталась бракомъ съ Вильгельмомъ завоевателемъ. Отъ второй Матильды произошли Плантагенеты; а отъ сихъ самыхъ Плантагенетовъ, послѣ обладанія ихъ Англіею чрезъ триста лѣтъ, произошли Тудоръ и Стуарты, права которыхъ пали на знаменитый домъ Вельфовъ. Третья Матильда, дочь перваго Плантагенета, была супруга Генриха Льва и родоначальница Вельфовъ, изъ коихъ въ одномъ кровь Стуартовъ смѣшалась съ кровію Плантагенетовъ и сдѣлала, что съ обѣихъ сторонъ кровь Королевская Алфреда и Водана оживотворяетъ до сего времени сильныхъ Монарховъ великія Британіи. Промыслъ опредѣлилъ скипетру ихъ неизмѣримыя земли въ такой части свѣта, которая во времена Алфредовы была еще извѣстна старому свѣту. Обширныя владѣнія ихъ орошаютъ Нигеръ и Гангесъ, обширнѣйшее Индостанское Государство покоряется законамъ Алфредова преемника. Но наслѣдство добродѣтелей, любовь къ наукамъ и художествамъ, выгода мира, предпочтенная побѣдамъ и торжествамъ, и брачное благополучіе, суть гораздо достославнѣе, нежели наслѣдство земель: всѣ сіи высокія свойства соединились въ Георгѣ III, преемникѣ Вельфовъ и Алфреда.

Промыслъ видимо исполнилъ всеобщее обѣщаніе, что сѣмя Богоугодное процвѣтетъ и по пятидесяти родахъ благословеніе заслужившихъ

вшихъ предковъ падетъ на достойнаго наслѣдника.

Алфредъ скончался отъ слѣдствій болѣзни, самимъ имъ испрошенной. Драгоцѣнная и полезная его жизнь продолжалась только 52 года. Смерть постигла его точно въ концѣ десятаго вѣка, между тѣмъ какъ Карловинцы клонились уже къ своему паденію, а преемники сильнаго Роберта ежедневно приближались къ престолу западныя Франціи. Благочестіе, бывшее правиломъ его жизни, не оставило Алфреда и при самой его смерти: онъ сошелъ съ престола какъ бы для отбытія изъ одной резиденціи въ другую, въ твердой надеждѣ, что онъ въ оной будетъ благополучнѣе: онъ надѣялся отъ верьховнаго судіи лучшей жизни, въ которую никакія земныя преимущества не могли провожать, но которая будетъ награжденіемъ жизни, посвященной единственно благоденствію вѣрнаго ему народа, и никто не сомнѣвался, что верьховный всея вселенныя Владыка по среди толикихъ изящныхъ дѣяній непремѣнно отпуститъ ему по благости своей нѣкоторыя неизбѣжимыя прегрѣшенія, учиненныя великимъ симъ Государемъ.

КНИГА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Совѣты опытнаго Амунда.

Добродѣтели своей обязанъ ты благодарностію за пріобрѣтеніе такого воина. Я Амундъ, другъ Тастинга, желающій сдѣлатся также и твоимъ, естьли ты только похочешь его принять. Имя Амунда было не безъизвѣстно, знали также, что онъ былъ благонравенъ и мужественъ, и благоразуміе его руководствовало какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Алфредъ простеръ Царскую свою руку, и сказалъ Скандинавцу: я не только пріемлю твое дружество; но желаю, чтобъ ты раздѣлялъ со мною и самое мое щастіе. Королева же дружески лобызала прекрасную Феофану. И такъ Алфредовъ дворъ сдѣлался для обѣихъ сихъ четъ обиталищемъ всегдашняго удовольствія. Амундъ слѣдовалъ за Королемъ во всѣхъ его войнахъ, наиревностнѣйше стараясь отвращать непріятельскія оружія отъ его особы, и грудь его всегда служила Алфреду щитомъ.

Алфредъ, прогнавъ наконецъ всѣхъ внѣшнихъ непріятелей, навсегда прилѣжно упражнялся въ приведеніи порядка и общаго благоденствія между своими Саксонцами въ цвѣтущее состояніе. Амундъ со вниманіемъ слѣдовалъ за всякимъ шагомъ законодателя; сравнивалъ его намѣреніе правленія Саксонскаго Государства съ Византискою Монархіею, и съ тѣмъ, что онъ читывалъ о Римлянахъ и лучшихъ Грекахъ.

Отъ

ОтЪ него не скрылись недостатки Саксонскаго правленія, вЪ коемЪ отЪ древней вольности ТевтонцовЪ не осталось почти ничего, кромЪ сильнаго дворянства.

Долго АмундЪ исправлялЪ разсужденія свои новыми изысканіями; долго его сердце волновалось, и побуждало его открыться Королю, истинну любящему и сЪ удовольствіемЪ оную слушающему. НаконецЪ невѢрность нѢкоторыхЪ вельможЪ, АлфредомЪ побѢжденныхЪ и по врожденному его великодушію прощенныхЪ, раздражила его. Предавшись вЪ размышленіе, удалился Король сЪ АмундомЪ вЪ увеселительный домЪ, лежащій не подалеку отЪ его столицы; его благотворный духЪ сЪ немалымЪ прискорбіемЪ чувствовалЪ плачевную необходимость, вЪ которую видѢлЪ себя часто ввергаемымЪ приняться за оружіе, дабы дѢйствовать противЪ мятежниковЪ. Я люблю мой народЪ, говорилЪ сей великодушный МонархЪ: дѢлаю все, что только могу по своему проницанію для общастливленія Англіи. Но возможно ли, что сыновья ея меня не любятЪ, любящаго ихЪ болѢе себя?

АмундЪ поклонился своему Государю и купно своему другу; хочетЪ ли АлфредЪ выслушать слугу, его любящаго? позволитЪ ли онЪ ему быть откровенну и предложить себѢ свои мысли такЪ, какЪ онѢ родились вЪ вѢрномЪ ему сердцѢ? Саксонцы не злѢе прочихЪ народовЪ: естьли они являются неблагодарными, то источникЪ сего зла произтекаетЪ отЪ истиннаго неравновѢсія образа правленія. ГдѢ

нѢтЪ

нѣтъ равновѣсія, тамъ всегда бываютъ тѣ недовольны, коихъ вѣсовая чаша легче. Твои дворяне величавы и не довольно подвластны законамъ; а простый народъ Саксонскій слишкомъ униженъ: разность между тѣми и другими великая. Ежели бы твой простый народъ всегда имѣлъ свое природное величіе, то дворяне твои не были бы всегда съ ними въ равновѣсіи, кое препятствовало бы имъ направлять свой полетъ съ излишнею дерзостію въ высоту.

„Амундъ довольно видалъ свѣтъ: онъ обращался съ отдаленнѣйшими народами, ему извѣстно состояніе его свободнаго Сѣвера. Саксонцы жили въ вольности; но предки твои, завоеватели Британіи, оставили руль правленія дворянству, и отдали ему простый народъ на волю.„

Алфредъ, внимавшій охотно совѣтамъ вѣрныхъ друзей, отвѣчалъ Амунду: „Другъ мой видѣлъ восточныя земли; но что нашелъ онъ въ нихъ такое, чрезъ что бы можно было поправить образъ Саксонскаго правленія?„

„Далеко отъ насъ, сказалъ воинъ, на самомъ Востокѣ лежитъ сильное Государство, обширнѣйшее на всемъ земномъ шарѣ, Имперія Серическая (*); оттуда идетъ шелкъ: его провозятъ мимо источника рѣки Ганґеса чрезъ покрытыя снѣгомъ Индѣйскія горы, и чрезъ Индію въ Византію; а на островахъ Егейскаго моря въ

*) Сѣверный Китай.

вѣ умѣренномѣ поясѣ начинаютѣ обработывать сіи нити, кои суть работы нѣкоторыхѣ гусеницѣ. Феофана шила сама шелкомѣ, она работаетѣ занавѣсѣ, который посулила милостивой своей обладательницѣ, прекрасной Алсвитѣ. Имперія Серическая есть обиталище искусствѣ, торжество земледѣлія и питательница безчисленнаго множества жителей; ибо прочая земля, сравнена будучи сѣ благополучнымѣ Кафаемѣ, есть только одна пустыня, покрытая нѣсколькими хижинами. Такѣ я слыхалѣ отѣ купцовѣ, пріѣхавшихѣ вѣ Византію сѣ товарами преприлѣжнаго сего народа.„

„Серы суть наидревнѣйшій изѣ просвѣщенныхѣ и обходительныхѣ народовѣ: они имѣли мудрыхѣ законодателей и изобрѣтали уже новыя искусства, когда Греки жили и питались хищеніемѣ животныхѣ и дубовыми желудьми, природою производимыми для лѣнивыхѣ дикихѣ. Кафай есть обиталище порядка, а Императорѣ отецѣ всего народа, владычествующій надѣ милліонами подданныхѣ сѣ такою же властію, сѣ какою отецѣ управляетѣ своею семьею: подданные любятѣ и почитаютѣ его такѣ, какѣ дѣти родителей своихѣ. Онѣ источникѣ прямыя честности, всѣ его подданные уподобляются тяжелой монетѣ, цѣна которой возвышается при Императорскомѣ штемпелѣ и означаетѣ различіе. Они не знаютѣ никакого дворянства; повелѣнія идутѣ отѣ Императора постепенно до низкаго изѣ его служителей, до простаго поселянина; и нѣтѣ изѣ нихѣ ни одного, который бы дерзнулѣ про-

противиться, или хотя малѣйше умедлить въ исполненіи оныхъ. Никто не родится съ отличными правами, возвышающими его предъ простымъ народомъ. Дворянство состоитъ въ потомкахъ кокого либо мудреца, наставлявшаго народъ за 16 вѣковъ въ Серической Имперіи добродѣтели; въ то же самое время, когда Пиѳагоръ училъ грубыхъ Грековъ землемѣрію и познанію Божества.,,

Алфредъ, никогда не видавшій такого народа, котораго бы дворянство не составляло наизнатнѣйшей части, прервалъ тутъ рѣчь своего друга. ,,Такой народъ, сказалъ онъ, долженъ быть слабъ. Одно нѣжное чувствованіе можетъ побѣдить любовь къ жизни; а таковое чувствованіе не можетъ ни въ комъ столь живо господствовать, какъ въ дворянствѣ, для коего малѣйшее безславіе не сносно, и которому самая жизнь кажется тягостною, ежели онъ станетъ провождать оную безчестно. Сверьхъ сего благородный свободенъ отъ всякихъ неприличныхъ пристрастій: руки его опредѣлены носить мечь, тѣло склонное къ верьховой ѣздѣ, охота предуготовила къ войнѣ, а побѣда составляетъ одно званіе и предметъ его жизни. Неимущій землепашецъ забываетъ честь въ нужныхъ заботахъ о пропитаніи своемъ: привыкши къ низкости не ощущаетъ онъ никакихъ высокихъ побужденій, кои бы онъ чувствовать долженъ: воспитанный къ униженнымъ работамъ, не умѣетъ онъ побудить борзаго коня противъ непріятеля, бросать копье въ тѣсную толпу враговъ, давать

раны,

раны, а самому искусно оныхъ избѣгать. Я многократно испыталъ, что вся сила моего войска состоитъ въ моемъ дворянствѣ.„

Амундъ отвѣчалъ: „Алфредъ, читавшій много, знаетъ исторію Грековъ: у нихъ не было дворянства; однако ктожъ былъ мужественнѣе Спартанцовъ, кои едваль умѣли произносить имя своего отца, а были сыновьями отечества? Чувствованіе чести въ людяхъ таковаго состоянія весьма стѣсненно, и никогда не можетъ быть велико; потому что оно праздно, и должно получать свое пропитаніе отъ поту работавшихъ имъ. Мудрѣйше учрежденное правленіе, въ коемъ жители суть самохрабрѣйшіе, есть то, въ которомъ сіе чувствованіе разпространяется на весь народъ, и гдѣ каждый гражданинъ горитъ къ побѣдѣ желаніемъ, воспламеняющимъ полководца. Не недостатокъ въ дворянствѣ дѣлаетъ Серовъ боязливыми, но есть тому иныя причины. Страшные Сарацины не что иное были, какъ верблюжьи пастухи, но кто отважнѣе ихъ сражался? кто больше ихъ одержалъ побѣдъ? кто больше ихъ нещастныя Аравіи покорилъ земель? У Серовъ есть много рукомесленниковъ и купцовъ, и большая часть Государства состоитъ изъ людей, потерявшихъ отъ легкія работы члены, не укрѣплявшихъ свое тѣло трудными работами, не пріобыкшихъ сносить никакихъ тягостей грубости воздуха и никакихъ принужденныхъ, ночныхъ бдѣній. Другая же причина слабости Серовъ есть та, что ихъ начальники съ ними безчеловѣчно поступаютъ.

Сіе обширное Государство управляется такимЪ образомЪ: самый знатный СерЪ подверженЪ жесточайшимЪ наказаніямЪ; чрезЪ сіе самое впадаетЪ вЪ уныніе народное мужество, безЪ сопротивленія подвергается своему игу, чувствуетЪ, вмѣсто поощренія кЪ честности, только движенія, побуждающія его кЪ соблюденію своей жизни, или ко удовлетворенію прихотямЪ своимЪ. ИтакЪ Государство СеровЪ всеконечно отЪ сего дѣлается меньше кЪ войнѣ способнымЪ: Государь ихЪ не тщится чинить завоеванія, онЪ довольствуется неизмѣримымЪ пространствомЪ наслѣдственныя своея области, и не соглашается даже принять подЪ свою державу добровольно ему покоряющихся народовЪ, кои, зря благосостояніе СеровЪ, ищутЪ покровительства Государя ихЪ, который есть прямый отецЪ народа своего.„

„Однако сіе обширное Государство наслаждается безпредѣльнымЪ преимуществомЪ, потому что никакая знаменитая особа не дерзаетЪ противиться державѣ; и какЪ она находится одна и безЪ подпоры союзнаго и сильнаго дворянства, то первая буря Монаршей немилости низвергаетЪ его безпрекословно.

Правленіе Саксонское не можетЪ наказать ни одного вельможу, не огорча родственниковЪ его сѣмейства и прочихЪ своихЪ вельможЪ, взирающихЪ на пониженіе каждаго изЪ нихЪ сЪ такимЪ негодованіемЪ, какЪ и на собственное свое. Бранное мужество не такЪ нужно СерамЪ; ибо они имѣютЪ разсѣятыхЪ и раздѣленныхЪ сосѣдей, кои хотя могутЪ нападать на ихЪ пре-

предѣлы, но никогда не возмогутъ причинить Государству вреда. Отъ начала Исторіи, Государство Серовъ было всегда непобѣдимо, Царскій родъ постепенно восходилъ на престолъ, но никакая чужая сила не покоряла Государство (*).

Великія преимущества имѣетъ Государство Серовъ, естьли возлетѣть мыслію въ отдаленнѣйшія времена древности, въ тѣ времена, въ коихъ никакое другое Государство еще не существовало, и обратиться назадъ къ баснямъ, изъ коихъ беретъ Исторія свое слабое начало; то всегда найдемъ въ Серахъ народъ обходительной, прилѣжной и многочисленной, имѣющій художества, законы, мудрецовъ и великихъ Государей Иу, Шунги Венванга, Вубанга.„

„Однако, продолжалъ Амундъ, поклонясь съ почтеніемъ Королю, я не слѣпой обожатель неограниченнаго владѣнія: я вольнорожденный Готъ, сердце коего хощетъ добровольное паче, нежели принужденное, воздавать монарху своему почтеніе.„

Чрезъ нѣсколько дней Амундъ проводилъ прекрасную Феофану ко двору, которая привезла благородной Алсвитѣ бѣлый изъ блестящаго шелка тканый занавѣсъ, на коемъ вышиты были цвѣты и звѣри такъ, какъ оные украшены

(*) Набѣги восточныхъ Татаръ, подъ правленіемъ потомковъ Кинна, Западныхъ подъ правленіемъ Ивена, и паки восточныхъ при Теингѣ гораздо новѣе, нежели Алфредовъ 9 вѣкъ.

ны природою въ умѣренныхъ южныхъ странахъ блестящими цвѣтами, какихъ слабѣйшіе лучи солнца на Сѣверѣ не могутъ произвести. Королева удивлялась искусству и отвѣчала на подарокъ прекрасныя Гречанки полотномъ Фландрскимъ, коего тонкія нити казались быть столь нѣжны, что руки смертныхъ дѣлать ихъ не могли. Въ нашихъ холодныхъ странахъ, сказалъ Алфредъ, природа производитъ меньше, но больше предоставляетъ прилѣжности людей. Но трудолюбіе находитъ здѣсь сокровища, могущія столько же споспѣшествовать благополучію народа, какъ и щедроты природы. Феофана призналась, что она въ Византіи ничего не видила, что бы превосходило сію работу, и ленъ, по ея признанію, превосходилъ, или по крайней мѣрѣ, не уступалъ въ пользѣ шелку.

Добрый Монархъ безъ сомнѣнія употребляетъ величество силы своея на благоденствіе своего народа и дѣлаетъ тѣмъ болѣе добра, чѣмъ меньше онъ ограниченъ. Онъ имѣетъ отверстыя очи на своихъ служителей, избираетъ ихъ съ разборчивостію, не допускаетъ, чтобы самые низкіе изъ его народа были не праведно угнѣтаемы. Таковы были первые правители Императорскихъ владѣній у Серовъ. Но дѣти ихъ, родившіеся въ пурпурѣ, воспитанные въ наслажденіи верьховныя власти, не заслужа престола знаменитыми и добродѣтельными дѣяніями, видя во власти своей единую способность удовлетворять собственнымъ своимъ страстямъ, они наполнили чертоги свои прелестны-

ми женами, теряли при зрѣлищахъ дни, которыми одолжены своему народу, веселости сдѣлались ихъ единымъ упражненіемъ, служители ихъ, выбранные по злому совѣту евнуховъ и возлюбленныхъ наложницъ, искали только пріумноженія своей власти, богатства и забавъ; каждый изъ нихъ нечувствительно дошелъ до того, что употреблялъ подчиненныхъ своихъ орудіемъ страстей своихъ, а послѣдній полезнѣйшій гражданинъ стеналъ подъ бременемъ несноснаго труда при увеселеніяхъ его. Плачевное отчаяніе побудило его для защищенія жизни своея принять оружіе противъ того, кто долженъ быть предметомъ его любви. Такимъ образомъ изтребилась фамилія, содѣлавшаяся жертвою раздраженнаго народа.

Я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ подобнаго сему плачевнаго явленія, которое лишило нещастнаго Михаила Византійскаго престола: онъ не старался о государственной пользѣ, предавался всякому роду безпутствѣ, упиваясь виномъ, забывалъ онъ должность, каковую надлежало ему исполнять, яко отцу своего народа. Одинъ человѣкъ изъ самаго низкаго состоянія возшелъ по хорошему своему виду на высочайшіе степени званій и имѣлъ скопъ убійцъ въ своихъ повелѣніяхъ.

Прежде, нежели Варяги могли употребить оружіе свое, Михаилъ былъ убитъ. Вѣрность наша не имѣла больше никакого предмета. И такъ наслѣдникъ Константина и Кесаря палъ подъ мечемъ немногихъ разбойниковъ: столь мало брали участія въ его нещастной судбинѣ,

что ни единой слезы не было пролито, ни единаго вздоха не было слышно, ни единая лавка не затворилась, и никакое дѣло не прервалось; а напротивъ того чрезъ нѣсколько часовъ вся Византія провозгласила многолѣтіе Императору Василію, съ такою же радостію и ревностію, какъ бы онъ былъ истинчый наслѣдникъ престола. Естьли бы Михаилъ умѣлъ согласовать величество свое съ пользою своего народа, естьли бы законы были его предѣлами, и естьли бы паденіе его поколебало благосостояніе земли: то никогда бы въ Василіи не возродилась отважная мысль взойти на престолъ смертію Михаила.

Добрый Государь имѣетъ всегда около себя цѣлые корпусы, которые говорятъ ему правду; онъ имѣетъ вельможъ, не подвергающихся несправедливымъ законамъ.

Всѣ сіи власти, ограничивающія власть его, бдятъ купно о его безопасности. Онъ не дѣлается несправедливымъ, не лишаетъ собственности своихъ гражданъ и не отнимаетъ жизни у служителей своихъ; поелику не достигъ бы онъ сего намѣренія, не обезславя самаго себя, и не испытавъ непреоборимаго сопротивленія. Онъ научается изъ опытовъ, что тѣ только граждане повинуются, которые любятъ своего Государя; а чтобъ пріобрѣсть сію любовь, долженъ онъ дѣлать ихъ благополучными, и что онъ не можетъ осчастливить своего народа, естьли онъ самъ не будетъ трудолюбивъ, милосердъ и справедливъ. Единое воображеніе о дѣяніи, которое для восточнаго владѣ-

теля

теля показалось бы забавою для препровожденія времени, потрясло бы всю душу Государя мыслящаго, что величество его основывается на всеобщемъ почитаніи, а сіе на его добродѣтели. То, что тиранъ Византійскій спокойно учреждаетъ и съ хладнокровіемъ повелѣваетъ произвести въ дѣйство, ослепленіе Министра, четвертованіе подозрительнаго вельможи, никогда не входило въ мысль Скандинавскому Королю.

Я примѣчаю, отвѣчалъ Алфредъ, что Амундъ не доброжелательствуетъ ни власти вельможъ, ни неограниченной силѣ Королей; но знаетъ ли онъ такое правленіе, гдѣ бы всѣ власти были въ безопасности отъ неповиновенія и возмущенія, а народъ отъ угнетенія? Я читалъ Исторію и думалъ найти въ ней, что то правленіе есть наилучшее, которое имѣетъ добродѣтельнаго Государя, хотябъ то былъ Король, какъ въ Спартѣ вельможи, и какъ народъ въ Римѣ; гдѣжъ напротивъ того владѣтель не справедливъ и развращенъ, тамъ и Государство нещастливо. Таковъ былъ Римъ при злыхъ Кесаряхъ, Афины при неправедномъ народѣ, и въ позднѣйшія времена Спарты при угнѣтателяхъ вельможахъ; а образъ хорошаго правленія можетъ возпрепятствовать произойти дурнымъ слѣдствіямъ.

Амундъ, поклонясь Королю, сказалъ, Алфредъ любитъ истинну; почему и надѣюсь я, что онъ меня выслушаетъ, хотя бы то было противно его мыслямъ. Но сіе быть не можетъ; ибо кто ищетъ истинны, тотъ всегда

ее находитъ. Конечно, все то, что управляется человѣками, не льзя сказать, чтобы было пресовершенно; однако, не взирая на сіе, великое стеченіе имѣетъ образъ правленія во нравы народа, и въ самое правленіе.

Я доказалъ и самъ испыталъ злоупотребленіе неограниченныя власти; въ рукахъ Алфреда будетъ она благословеніемъ неба. Мудрость законодателя должна препятствовать, чтобъ недостойный сынъ Соломоновъ не могъ разрушить всего, что созидала рачительная премудрость отца. Она не должна допускать, чтобы участь народа зависѣла часто отъ тѣхъ малыхъ причинъ, которыя отнимаютъ у царскаго сына или способность, или волю пещись о благоденствіи своихъ подданныхъ. Преждевременная смерть премудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго Государя можетъ оставить малолѣтнаго наслѣдника въ рукахъ такихъ любимцевъ, которые вмѣсто нагбенія младаго сего растѣнія къ добродѣтели, пріобучаютъ его ко всѣмъ порокамъ. Таковой наслѣдникъ не можетъ имѣть ни свободы, ни удобства содѣлаться орудіемъ хорошаго управленія своими подданными. Я зналъ народъ великодушный, народъ ко всему благородному и великому удобный: онъ впалъ мало по малу и постепенно въ безпорядочное Аристократическое правленіе, которое купно было царствіемъ смятенія: онъ самъ себя лишилъ власти творить что нибудь для пользы общей. Своенравный смутникъ, подкупленный наемникъ могъ удержать на бѣгу, колесо правленія, при которомъ тщетно тру-

ди-

дилось сто тысячь благородно мыслящихъ. Дѣла дошли до того, что отъ законовъ произошли большія несчастія, нежели отъ пороковъ, а возмущенія были слѣдствіемъ законовъ; всѣ добродѣтели Царя и благородныхъ были потеряны для народа, поелику безпорядокъ сдѣлался законнымъ, а порядокъ достаточною причиною къ возмущенію. И вотъ начало паденія сего Государства.

Слѣдовательно мудрый мужъ долженъ стараться такъ согласовать между собою всѣ части Государства, чтобы онѣ завсегда находились въ равновѣсіи, чтобы сила одной изъ сихъ частей не перевѣшивала другую, но чтобы одно всеобщее благо могло много соединять всѣ силы и ихъ приводить ко всеобщему дѣйству: такое состояніе обезопасило бы Государство противу сильныхъ потрясеній, приводящихъ часто въ паденіе инныя Государства. Оно освободило бы каждаго гражданина отъ опасности лишиться своей чести и имѣнія чрезъ насиліе могущественнаго, чрезъ предразсужденіе колеблющагося множества; оно умножало бы силу Государства, препятствуя членамъ его трудиться въ противныхъ предпріятіяхъ, не приводя ихъ къ единому средоточію, которое есть согласная воля всѣхъ частей общихъ.

Амундъ, сказалъ Алфредъ, кажется мнѣ говоришь, какъ врачь, доказывающій основательно, сколько бы желательно было такое средство или лѣкарство, которое бы разпаленное прохлаждало, а прохлажденное разпаляло, ослабленное напрягало, отвердѣлое смягчало; которое бы намъ помогало отъ всѣхъ противополагаемыхъ намъ

 злыхъ.

злыхъ. Легко можетъ онъ меня убѣдить, что такое средство было бы величайшимъ даромъ небеснымъ; но трудно ему изобрѣсти такое лѣкарство.

„Природа, сказалъ Амундъ улыбнувшись скромно, доставляетъ для исцѣленія нашихъ болѣзней врачеванія; а ихъ знать и употреблять есть должность человѣка. Образъ правленія, предупреждающій большую часть всеобщихъ золъ, есть врожденный невѣрнымъ народамъ: онъ возходитъ до сокровеннѣйшей древности. Керуски, которые были древнѣе Римлянъ, знали его и еще понынѣ онъ сохраняется въ Скандинавіи. Саксонцы отдалились отъ него: дѣяніе достойное бы было Алфреда возстановить такое учрежденіе, при которомъ нредки Саксонцовъ были свободны, склонны къ войнѣ и сильнѣе всѣхъ своихъ непріятелей.„

„Три части должны составлять существенно великаго народа. Въ маломъ Государствѣ Государь нуженъ; но въ области обширной больше находится дѣлъ, слѣдовательно и не возможно, чтобы они могли быть управляемы многими самодержавными особами, и чтобы разсужденіе великаго числа людей не вредило общему благу чрезъ неизбѣжимую мѣлкость. Обширная Имперія обязана также препоручать важныя должности и великую власть одному гражданину, чтобы законы могли обуздывать его; она обязана содержать войска, которыя скоро бы склонили вѣсы на сторону полководца. Римъ потерялъ свое равновѣсіе отъ того, что захотѣлъ имѣть обширныя земли, и многочи-

численные легіоны. Силла, Помпей, Кесарь стали превыше безсильныхъ противу ихъ законовъ. И такъ Король долженъ управлять великимъ народомъ; онъ долженъ имѣть исполнительную власть, управленіе войсками, сношеніе съ иностранными Государствами, словомъ все, что требуетъ скораго рѣшенія и самаго избранія войны, или мира. Законы владычествуютъ подъ его именемъ; онъ жалуетъ въ судьи, онъ источникъ дворянства и чести; онъ полагаетъ должности, а по сему и долженъ давать свое соизволеніе на обнародованіе законовъ и на всѣ великія производства въ Государствѣ. Народъ долженъ подкрѣплять его богатствами, достаточными къ сохраненію блеска двора, къ утвержденію величества Государства, онъ долженъ безъ роптанія оставить Государство свое своимъ наслѣдникамъ. Въ избирательномъ Королевствѣ всякое новое избраніе ослабляетъ власть Государя, такъ что ему наконецъ ничего болѣе не остается, кромѣ внѣшней пышности престольной. Законы должны удостовѣрять священную Царскую особу, охранять оную отъ всякаго безпорядка и насилія, по тому что спокойствіе Государства основывается на его сохраненіи. Тотъ оскорбляетъ величество всего народа, кто не повинуется своему Государю, которому ввѣрилъ народъ представлять достоинство цѣлаго общества.„

„Но законы должны Государя защищать; а онъ не долженъ самъ себѣ позволять никакого права: власть его была бы весьма обширна надъ каждымъ гражданиномъ, онъ бы скоро сдѣлал-

лался деспотомъ и тиранномъ, естьли бы самъ могъ наказывать, самъ могъ нападать на имѣніе и на особу того, который по его мнѣнію его оскорбилъ. Законы конечно должны защищать достоинства его противъ нападенія поносителей, которые сверьхъ чаянія потрясаютъ больше основаніе правленія, лишая довѣренности народной того, коему ввѣрено общее благо; клеветники разводятъ медлительно огонь, которой наконецъ дѣлается ужаснымъ пламенемъ, когда разходится повсюду, и когда о немъ извѣстны главнѣйшія Государства, и никогда Государь не низвергается безъ того, чтобы Государство не ослабѣло и многія тысящи людей не пришли въ скудость.,,

„Плачевное признаніе! но исторія цѣлаго свѣта служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что недостойный Государь больше имѣетъ власти и себя лучше защищаетъ, нежели добрый властелинъ. Добродѣтельный Государь помрачается безъ всякой опасности въ умѣ своего народа, дѣлается ему подозрительнымъ; онъ сноситъ все то, что только сносить можно, и когда, потерявъ терпѣніе, призываетъ медлительное вспоможеніе законовъ, тогда не находитъ въ нихъ никакой помощи, когда однаждьі большее число гражданъ исполненное предразсужденій, захочетъ его учинить. Злый Государь напротивъ находитъ довольно средствъ во всѣхъ образахъ правленія повредить законы чрезъ судей, привлечь на свою сторону робкаго человѣка, представляя ему свое мщеніе, жаднаго расточеніемъ сокровищъ, честолюбиваго произведе-

веденіемъ въ чинъ: онъ употребляетъ такія средства, которыхъ добродѣтельный Государь страшится, поелику они влекутъ за собою развращеніе людей; и такъ законы должны ревностно стараться защищать добраго Монарха, дѣлать его почтеннымъ въ глазахъ его народа, и утушать казнями гласъ необузданныхъ клеветниковъ. Чѣмъ вольнѣе народъ, тѣмъ нужнѣе сія подпора законовъ, безъ которой Государь не можетъ сохранить силы, нужной къ дѣйствованію возжами Государства.„

Алфредъ усмѣхнулся: Амундъ конечно желаетъ пещись о славѣ моей послѣ моей смерти, но не хочетъ ли онъ заглушить гласъ истинны, называющей злыхъ Государей и побуждающей заблаговременно гражданина противиться наступленіемъ вредныя власти на основанія всеобщія безопасности.

„Дѣянія злаго Государя, сказалъ Амундъ, больше бы его обличали, нежели гласъ ненависти. Когда коренные законы твердо основаны, когда договоры, обязующіе Государя, изрядно утверждены, и когда силы прочихъ могуществъ въ Государствѣ правильно ограничены; то Государь не можетъ увеличиться, не можетъ взойти превыше законовъ безъ того, чтобы не оскорбить прочихъ могуществъ Государства, и чтобы наималѣйшій изъ гражданъ не примѣтилъ того, что онъ выходитъ изъ положенныхъ ему законами предѣловъ. На самыхъ злѣйшихъ Монарховъ меньше клевещутъ: неизбѣжное мщеніе гонящее клеветника, подавляетъ жалобы и самыхъ притѣсненныхъ. Народъ чѣмъ боль-

больше ощущаетъ свои несчастія, тѣмъ больше онъ молчитъ, и есть такія границы, которыхъ Государь преступить не можетъ, не вооруживъ противъ себя всѣхъ силъ Государства, и не будучи низверженъ. Мнѣ бы не трудно было назвать тѣхъ Государей злыми, которые выговоренное по случаю слово наказывая, повелѣвали заплатить двѣ тысячи фунтовъ золота, а за жалобы, вольно произнесенныя, отрубливать какій нибудь членъ у человѣка и слѣдственно у Государства; у которыхъ не слышно было никакого другаго голоса, кромѣ гласа ласкательства; кои нападали на коренные законы Государства; и тогда видѣнъ былъ тиранъ то поверженный уже соединенными силами всѣхъ частей, которыя, погнавши другъ друга, вмѣстѣ соединились противъ общаго притѣснителя.

Амундъ, сказалъ мудрый Алфредъ, предлагаетъ здѣсь трудный для рѣшенія запросъ: когда начинаетъ Государь терять свое право на престолъ чрезъ злыя свои дѣянія, какія тѣ границы, которыя онъ долженъ преступить, чтобы доставить своему народу право его низвергнуть? Амундъ забываетъ, что погрѣшности Царскія безконечно различны, что народъ не столько просвѣщенъ въ сужденіи, чтобъ могъ правильно объ оныхъ судить, и что естьли бы народъ сталъ разсматривать наималѣйшую погрѣшность Государя; то никакое правленіе не было бы твердо. Ибо нѣтъ ни единаго Монарха, которой бы не дѣлалъ никакой ошибки; а предразсужденіе или корыстолюбіе могутъ показать народу въ Государѣ

такія

такія слабости, въ которыхъ по истиннѣ нѣтъ ничего, кромѣ добродѣтели. Когда заключается договоръ между Государемъ и народомъ, то кто даетъ право Государю на обладаніе, доколѣ онъ будетъ исполнять условіе сіе, а народу право отказаться отъ повиновенія ему, коль скоро сіи договоры не будутъ исполнены точнѣйшимъ образомъ его властелиномъ? Когда сей договоръ составляетъ коренный законъ всѣхъ правленій, то я сожалѣю о Государѣ, возходящемъ на толь зыблемый престолъ; я сожалѣю о народѣ, который безпрестанно обязанъ покупать насиліями и своею кровію лишеніе престола Государя и избраніе другаго, къ низверженію котораго найдетъ онъ столько же многія причины, сколько оныхъ находилъ къ низверженію перваго.

Когда напротивъ того Государь можетъ притѣснить народъ свой безопасно; когда подъ видомъ всеобщаго спокойствія никто не долженъ противиться его насильствіямъ; когда, ни мало не жалѣя бѣдныхъ, отнимаетъ у нихъ подашьми своими наинужнѣйшее пропитаніе, и полунагихъ гражданъ заставляетъ умирать съ голоду для удовлетворенія своимъ страстямъ; когда по особенной своей власти злоумышляетъ онъ на вольность и на жизнь своихъ подданныхъ, не выслушавши ихъ ввергаетъ въ темницу и осуждаетъ безъ всякаго доказательства къ смертной казни; когда, презирая чести и достоинства лучшихъ гражданъ, самопроизвольно низвергаетъ древнія Государственныя мѣста, и когда онъ гласъ бѣдности, представленія

вленія истинны, съ негодованіемъ наказываетъ: то должны ли столь многія тысящи людей быть злосчастны, когда одинъ смертный несправедливъ? не уже ли Всевышній создалъ сіи тысящи людей для единаго сего человѣка? блаженство столь многихъ тысящей, не должно ли перевѣсить безумную волю единаго? Попустятъ ли свободные граждане умерщвлять себя, яко агнцевъ, и станутъ ли еще лобызать руку, закалающую ихъ. И такъ надлежитъ сыскать такой путь, которой бы дѣлалъ законное сопротивленіе, но знаетъ ли онъ сей путь?„

„Трудно, мудрый Алфредъ, отвѣчалъ честный сей воинъ, трудно найти таковую подпору; однако надлежало бы ей быть. Оная находится у самыхъ смирныхъ народовъ, даже у самыхъ робкихъ Китайцовъ. Императоръ Тей совратился съ нее и былъ низверженъ добродѣтельнымъ Вувонгомъ. Вувонгъ, обратясь къ небу, возопилъ: единый твой гласъ мнѣ повелѣваетъ защитить землю отъ насильствъ тирана.„

„Единое средство, опредѣлить сіи границы, состоитъ въ томъ, чтобъ слѣдовать точно кореннымъ законамъ и предѣламъ Царскія власти. Когда Государь не долженъ налагать никакихъ податей, а оныя налагаетъ; когда онъ самъ себѣ не долженъ придавать никакого права, а по собственной своей власти ввергаетъ подданныхъ въ темницу и осуждаетъ ихъ на смерть; когда установляетъ законы, которые не одобрены ни благородными, ни избранными

чле-

членами народомъ; когда онъ законы, получившіе свою силу отъ всѣхъ законодательныхъ властей, самовластнымъ опущеніемъ наказаній обезсиливаетъ; когда лишаетъ другихъ властей Государства вольности мыслить и рѣшить; когда онъ въ слѣдствіе всего онаго опровергаетъ коренные законы Государства: то онъ конечно теряетъ право свое на всеобщее послушаніе содѣлывается врагомъ своего народа, и народъ можетъ за непріязненность его платить ему тѣмъ же и прочія силы имѣютъ право ввести его опять въ предписанные ему законами предѣлы.„

„Коль скоро онъ ошибается, не касаясь коренныхъ законовъ, творитъ злое чрезъ худо избранныхъ совѣтниковъ, не умѣетъ благоразсудливо рѣшить Государственные дѣла, коль скоро онъ слабъ безъ неистовства: то онъ имѣетъ нужду въ важныхъ представленіяхъ отъ своихъ дворянъ и отъ народа. Онъ лишается всеобщаго почитанія, и можно его наказать въ особѣ его служителей; а прочія могущества Государствъ могутъ возпрепятствовать произведенію въ дѣйство глупыхъ его предпріятій. Но низверженіе Государя съ престола есть самое великое зло.„

„Великое благополучіе есть то, когда они не вдругъ озлобляются, когда вліяніе нравовъ и страхъ послѣдствій не попускаетъ ихъ скоро низвергаться въ бездну порока, и когда они постепенно доходятъ до великихъ злодѣйствъ. Слѣдственно въ умѣренномъ правленіи Государь можетъ быть удержанъ по большой части въ

несчастном теченіи своей закоренелости разумными совѣтами, законным сопротивленіем ему соединенных с ним могуществ, знаками всеобщаго неудовольствія, обличеніем злых его Министров. Рѣдко случается в благоучрежденном правленіи плачевная необходимость, принуждающая народ вооружиться против того, за котораго впрочем обязан он жертвовать жизнію своею. В одних токмо худо учрежденных, колеблющихся, без равновѣсія, не подкрѣпленных никакими законами Государствах, бывали тираны, кои, при погибели своего Государства, погибли и сами. Таким образом Римская Имперія сдѣлалась добычею воинской силы и лицемѣрной политики; таким-то образом, сохраняя еще в ней вид республики, вся власть была предоставлена мечу Преторіан и Легіонов. То же самое происходит и в Византіи, гдѣ правителю не предписано никаких предѣлов, гдѣ воля его производится в дѣйство без помощи законов, гдѣ ничто ему не препятствует попускаться на все, и гдѣ никто также не защищает его от отчаянной отваги угнѣтаемаго народа. Угрожаемый немилостію Министр, лишенный достоинства своего полководец знает, что для него не больше будет бѣдствія, когда произведет он бунт, нежели повинуясь; что не страшится он ни народа ни законов, но что нѣт для него страшнѣйшаго врага; как его Государь: что ему остается еще надежда вонзить Государю в сердце меч прежде, нежели топор посѣчет главу его: он от-

отваживается на небезнадежное предпріятіе, и часто низлагается Государь точно по тому, что онъ могъ все сдѣлать; потому что никакихъ законовъ почитанія не ограничивало его власти и не удерживало его отъ низверженія себя въ бездну.,,

,,Весьма рѣдко случается, и можетъ быть во многіе вѣки случится единожды, чтобы ограниченный Государь сдѣлался самъ себѣ непріятелемъ, и предпріялъ бы, преодолѣвъ всѣ препятствія и поправъ ногами всѣ законы, такія насилія, которыя бы подданныхъ его привели до такого отчаянія, безъ котораго бы они никогда не предприняли опаснаго низверженія законно на своемъ престолѣ сидящаго Монарха. Напротивъ того весьма много находится возмущеній въ Деспотическихъ Государствахъ, и происходятъ оныя отъ самомалѣйшихъ причинъ. Въ самой Византіи, въ которой Христіанство учитъ терпѣнію и послушанію, въ которой многомощный духовный мужъ, большею частію преданный Государю, удерживаетъ народное волненіе; въ семъ градѣ, говорю я, сидитъ, можетъ быть, пятидесятое Императорское колѣно на престолѣ, съ утѣсненія вольности первымъ Кесаремъ и у дикихъ Восточныхъ народовъ одинъ мучитель прогоняетъ другаго, какъ облака, гонимые бурею, гонятъ взаимно другъ друга изъ царства воздуха.,,

,,Вторая сила въ умѣренномъ правленіи есть дворянство. Алфредъ можетъ быть подозрѣваетъ Амунда, что онъ не благосклоненъ къ дворянству; но Амундъ противорѣчилъ бы

самъ

самѣ себѣ: онѣ самѣ своему роду обязанѣ благодарностію за преимущества и оказанія чести, которыя простый человѣкѣ оказываетѣ не неохотно благородно рожденному. Дворянство не есть изобрѣтеніе Грековѣ, обходительныхѣ Египтянѣ, ни трудолюбивыхѣ Серовѣ; оно и вѣ самомѣ Римѣ придерживаемо было только до половины потомствомѣ древнихѣ героевѣ. Преимуществѣ дворянства надлежитѣ искать вѣ Сѣверѣ, и первый дворянинѣ былѣ мужественный воинѣ; сыны его слѣдовали его стопамѣ, и война были единственнымѣ упражненіямѣ многихѣ послѣдующихѣ родовѣ. Преимущества, которыя бранное мужество и воспитаніе вѣ оружіяхѣ подали внукамѣ первыхѣ героевѣ, пріобучили народѣ отличать защитниковѣ Государства отѣ той черни, которая пасла скотину, пахала землю, и которая меньше упражнялась вѣ употребленіи оружія, меньше была страшна и меньше нужна для защищенія ордѣ, живыхѣ вѣ безпрестанныхѣ войнахѣ.„

„Тѣснѣе и основательнѣе было еще утверждено преимущество дворянства, когда позднѣйшіе Императоры Римскіе и Византійскіе оставили на границахѣ дикихѣ народовѣ поселившимся воинамѣ собственные удѣлы земель сѣ тѣмѣ условіемѣ, чтобы они всегда были вѣ ружьѣ и защищали границы всего Государства: отсюда сдѣлалось должностію цѣлыхѣ поколѣніи упражняться безпрестанно вѣ ружьѣ, и неотъемлемое помѣстье дало имѣ предѣ прочими гражданами преимущество, которыхѣ сыны

ны теряли весьма часто владѣнія, сисканыя и сохраненныя трудами ихъ братій. „

„Разность между дворянами и простыми людьми сдѣлалась ощутительнѣе, когда бранные народы меньше склонныхъ къ войнѣ покорили, когда все побѣдоносное войско раздѣлило между собою завоеваныя земли и оставило побѣжденнымъ жизнь подъ жестокимъ условіемъ, обработывать землю на тотъ конецъ, чтобы побѣдители могли жить безъ попеченія и въ праздныхъ упражненіяхъ охоты и войны. Такимъ образомъ Сарматы сдѣлались благородными, которыхъ рабы суть древніе и слабые обитатели великихъ земель, кои я проѣхалъ, и которыя лежатъ при Сѣверныхъ странахъ Азіи и Европы. „

„Дворянство конечно имѣетъ свою пользу въ таковомъ Государствѣ: воздержаніе отъ всѣхъ подлыхъ дѣлъ, нѣжное чувствованіе чести, поревнованіе, раждающее надежду произойти въ чины, самая врожденная гордость, основывающаяся на заслугахъ предковъ, возвышаютъ духъ благородныхъ и ихъ счастливыя обстоятельства подаютъ имъ независимость и впечатлѣніе, до котораго рукомесленникъ или торгующій съ трудомъ достигнуть можетъ. Мудрый законодатель долженъ знать такъ употреблять сіи преимущества, чтобы дворянство вообще могло защищать Государство, быть подпорою Государя, и отвращать всякія притѣсненія отъ простолюдимовъ. „

„Алфредъ позволяетъ слугѣ своему говорить правду. Между его Англосаксонцами дворянство имѣ-

имѣетъ великія преимущества, оно вредно Государству; однако простые составляютъ собственно народъ, и когда всякій гражданинъ имѣетъ право ожидать отъ правленія возможнаго благополучія: то простый Саксонецъ не наслаждается симъ правомъ. Онъ не можетъ достигнуть высокихъ почестей, не можетъ имѣніемъ своимъ въ случаѣ Государственной нужды добровольно жертвовать: Король предписываетъ подати дворянству, а дворянство возлагаетъ все отклоняемое отъ себя бремя на простыхъ, и разкладываютъ оное по своему произволенію. Земля собственно принадлежитъ дворянству, а земледѣлецъ есть его откупщикъ; содержаніе земледѣльца, жизнь дѣтей его и самое ихъ бракосочетаніе зависитъ отъ своенравія дворянина.,, (*)

(*)

(*) Были между Саксонцами полувольные люди. Одни были вольные земледѣльцы (Socmen), которыхъ хотя малое число потребно было къ плодородной землѣ; поелику безъ нихъ бы не можно было наполнить нижнихъ судовъ, но и сіи были также преданы дворянству, по тому что они безъ согласія онаго не могли продавать своихъ имѣній, и что оно могло согнать ихъ съ своихъ земель по своему благоразсужденію. Также увольненные и совсѣмъ свободные люди, которые могли разполагать своимъ имѣніемъ безъ всякаго принужденія, отдавались большею частію добровольно подъ покро-

(*) Дворянство Англосаксонское чрезмѣрно сильно. Оно имѣетъ право наблюдать правосудіе, поелику не знаетъ оно никакого дѣла, кромѣ охоты и оружія, презираетъ книги, и произволеніе свое узаконяетъ тогда, когда законы должны бы были управлять его волею. Право сіе еще больше подвергаетъ ему простый народъ: Графская немилость есть осудительной приговоръ для принадлежащихъ ему; милость его творитъ въ самомъ дѣлѣ приговоръ въ пользу того, кто умѣлъ снискать его покровительство. Наконецъ земли благородныхъ неизмѣримо обширны, и подаютъ дворянству весьма великую и малораздѣльную власть. (Littleton III. 325.)

И такъ въ семъ Государствѣ, о которомъ я говорю, конечно должно, чтобъ мудрый законодатель привелъ дворянство въ таковое положеніе, въ которомъ бы оно могло быть полезно Государству, Государю и

кровительство дворянъ и дѣлались ихъ вазаллами; (а) сколько свободны они ни были, однако пахали земли своихъ помѣщиковъ.

(а) Littleton Henry II. Tom. III. pag. 186, 367, 368.

(*) Думаютъ найти слѣды, что въ каждомъ Графствѣ былъ Heretoch, котораго ежегодно избирали вольные люди; но сія сказка при малой вольности народа кажется весьма невѣроятною и основывается на ненадежной описи. (а) Littleton Tom. III. pag. 86, 319.

и народу, и не въ тягость никакому члену Государства. Судовъ не можно ему вверить; ибо оно имѣетъ много дѣлъ съ своими слугами, откупщиками и съ Государемъ, которые всѣ могутъ имѣть втеченіе въ его правосудіе. Дворянство Англосаксонское прилагаетъ также мало старанія о изощреніи своего разума, чтобы можно было возложить на него наитруднѣйшую должность извлечь сокровенное право изъ темноты, въ которой оно иногда лежитъ сокровенно. Въ судьи надлежитъ избирать такихъ людей, которыхъ воспитаніе образовало къ чтенію, къ познанію законовъ, къ испытанію основаній всякой вещи. Судья не долженъ имѣть никакого селенія въ Графствѣ, не имѣть ничего собственнаго и никакихъ выгодъ, которыя бы склоняли вѣсы правосудія на ту, либо на другую сторону: законъ сей давно уже извѣстенъ былъ Серамъ.„

„Еще менѣе власти надъ арміями и преимущества предъ солдатами должны имѣть Графы. Военные люди принадлежатъ собственно отечеству и Королю, отцу его, а не Графу или Графству. Конечно съ великою пользою можетъ быть употреблено дворянство къ предводительству отдѣленными войсками, состоящими или изъ ста или тысячи человѣкъ солдатъ: опытность его въ оружіи, тщеславіе самое врожденное, въ простолюдимахъ къ дворянству почтеніе, дѣлаютъ его способнымъ къ повелительству; но военачальникъ; Полковникъ и Капитанъ должны избираемы быть Государемъ, а не

имѣть

имѣть врожденнаго права на воинскія достоинства. Государь избираетъ наиспособнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ къ Государственному благу гражданъ; порода производитъ слабыхъ и трусливыхъ, а своенравіе можетъ ихъ сдѣлать несправедливыми и зложелательным. Рядовой солдатъ, Капитанъ, Полковникъ, должны быть людьми царскими, а не подданнаго. Англосаксонскія управляются теперь такъ, что каждое Графство есть столица маленькаго Короля, который имѣетъ собственныя свои попеченія и собственныя свои выгоды, и не прежде помышляетъ объ общемъ благѣ, какъ когда оно согласно съ собственнымъ. Государь долженъ также учреждать воинскія упражненія, давать повелѣнія, куда итти каждому войску, предписывать ему должность въ его службѣ; онъ долженъ стараться о ихъ пропитаніи, вооруженіи: единый духъ долженъ оживотворять всѣ силы Государства и соединять все во едино.,,

Алфредъ слушалъ со вниманіемъ: онъ весьма чувствовалъ истинну примѣчанія, сдѣланнаго Амундомъ; но сей мудрецъ видѣлъ въ то же время, что столь великая перемѣна въ силѣ вельможъ возбудила бы повсеминутное роптаніе, которое бы для него было весьма поразительно. Онъ обѣщалъ самъ себѣ уменьшить великія преимущества вельможъ, но благоразуміе обязывало его повременить и стараться непримѣтно о семъ великомъ дѣйствіи. Въ самомъ дѣлѣ отнялъ онъ суды у дворянства, но преждевременая смерть похитила сего великаго

Го-

Государя прежде, нежели онъ могъ уменьшить силу, которую оно имѣло въ войскѣ. Однако Король сдѣлалъ между тѣмъ другу своему возраженіе. Вы отнимаете у дворянства сказалъ, онъ Амунду, право предводительствовать войсками и засѣдать въ судахъ; такъ какія же оставляете благородныя должности, чрезъ которыя бы могло оно служить своему отечеству?„

„Алфредъ, отвѣчалъ Амундъ, созываетъ ежегодно вельможъ вмѣстѣ и совѣтуетъ съ ними о благоденствіи Государственномъ. Собраніе сіе есть самопроизвольное; ему надлежало бы быть непремѣннымъ и имѣть свое основаніе въ самомъ образѣ правленія. Каждый годъ собираются три власти государства, Король, дворянство и народные депутаты. День открытаго великаго собранія назначаетъ Государь, и онъ разсуждаетъ вмѣстѣ съ членами Государства. Изъ каждаго благороднаго колѣна глава имѣетъ въ день сейма наслѣдственный и и существенный голосъ; самое дворянство раздаетъ Король на всѣ послѣдствія времени, доколѣ продолжаться станетъ мужеское колѣно: сіе наслѣдственное право доставляетъ независимость дворянству, которую оно теряетъ, когда преимущества, данныя сдѣлавшемуся благороднымъ заслуженному мужу, съ нимъ вмѣстѣ пресѣкутся.„

„Въ день сейма всѣ важныя дѣла, Государственные налоги и узаконенія приносятся въ въ рыцарскую залу и никакое рѣшеніе Государственныхъ членовъ не возъимѣетъ силы законовъ, ежели дворянство его не подтвердитъ. Къ

оному

оному пріобщаютъ Епископовъ, поелику они только одни имѣютъ нѣкоторыя познанія. Разсужденія о Государственныхъ дѣлахъ дѣлаются у дворянства поревнованіемъ, которое ублагороднивает душу, поощряя ихъ напрягать всѣ силы свои говорить предъ своими сообладателями основательно и твердо о всякомъ вопросѣ. Сіе есть единое средство отвратить дворянство отъ охоты и отъ оружія, и побудить его украшать свой разумъ познаніемъ законовъ и отечественной исторіи. Присудствіе ученыхъ и знающихъ Епископовъ умножитъ сіе поревнованіе; Дворянство устыдится быть ему водимымъ такими людьми, которые своею породою гораздо его ниже, и кои за засѣданіе съ ними обязаны только однимъ своимъ душевнымъ дарованіямъ. Въ такомъ собраніи, въ которомъ даръ убѣжденія есть единое средство быть успѣшну, преимущества породы не можетъ имѣть никакого первенства предъ равно благородными; и кто не хочетъ подвергнуться чужимъ мнѣніямъ, то долженъ учиться свои подкрѣплять точнымъ познаніемъ самой вещи и силы предложенія. Поревнованіе сіе взмутило въ бранномъ Римѣ Ораторовъ и Статскихъ людей; оно образовало Кесареву точную справедливость, Тулліево процвѣтающее витійство и Катонову мужественную важность.,,

,,Я бы говорилъ еще болѣе, продолжалъ Амундъ, не оставилъ бы послѣднихъ изрѣченій правосудія ни судьямъ, ни Епископамъ, изъ Рыцарской залы сдѣлалъ бы я верьхней судъ, въ которомъ бы рѣшились всѣ спорныя

дѣла.

дѣла. Мужи ученые находились бы при оныхъ, а благородные судили бы съ ними вмѣстѣ.„

„Право сіе дворянства возбудилобы, какъ я надѣюсь вельможъ, впрочемъ столь славолюбныхъ, утверждать свои природныя преимущества познаніемъ законовъ, естественнаго правосудія, силою и разпорядкомъ ихъ предложеній. Но я не сомнѣваюсь, чтобы незнающіе дворяне, обязанные означать свое мнѣніе бросаніемъ въ ящикъ обточеныхъ камышковъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлались бы способными отправлять важныя Государственныя дѣла.„

„Тогда изъ нихъ могъ бы Король избрать Канцлеровъ, Посланниковъ, Совѣтниковъ и верьховныхъ Государственныхъ служителей, которыхъ онъ теперь долженъ искать между священнослужителями и монахами. Великіе люди, живущіе теперь въ замкахъ своихъ на подобіе отдѣленныхъ Принцовъ, присоединились бы ко двору; спозналъ бы объ нихъ Государь покороче, а они достоинствами своими сопряглись бы съ нимъ тѣснѣе. Народъ взиралъ бы съ удовольствіемъ на Государя, раздѣляющаго власть свою съ особами, возвысившимися своею породою, и которые суть меньше, нежели неблагороднорожденные, цѣлію ненависти своихъ сограждан.„

„Перемѣна сія въ Государствѣ весьма удобна: она поставляетъ на свое мѣсто первое повелѣніе гражданъ Государства. Но то, что я хочу теперь предложить, Государю покажется странно; однакожъ образъ правленія, которой

я

я начертываю, есть древнее правление (*) всѣхъ Сѣверныхъ народовъ: Германцовъ, Скандинавцовъ, сильныхъ Франковъ, и самыхъ Саксонцовъ, хотя перевѣсъ дворянства мало по малу и подвергъ народъ своему игу, и почти унизилъ до подлаго рабства. „

„Наши предки были всѣ равны. Кто носилъ оружіе, тотъ имѣлъ равное участіе во владѣніи такимъ народомъ, коего безопасность готовъ онъ былъ искупить своею кровію. Когда затеваемы были великія предпріятія, когда объявляема была война, когда надлежало заключить миръ; тогда собирался весь народъ, войско вольныхъ Кельтовъ. Восклицаніе ихъ, звукъ отъ ударенія щитовъ, изъявляли волю народа и служили закономъ. Они избирали се-

(*) Лордъ Литтлетонъ конечно старается доказать пространно, что уже во время Саксонцовъ народъ призыванъ былъ въ парламентъ, и что по крайней мѣрѣ начальники городовъ и мѣстечекъ имѣли въ ономъ свое засѣданіе. Доказательства его взяты изъ требованій, которыя, правда, въ гораздо позднѣйшихъ временахъ заводили нѣкоторыя мѣстечки, (стр. 226 и пр.) кои такое имѣли основаніе, какъ и въ древнихъ временахъ. Онъ приводитъ и мѣста, въ которыхъ собраніе парламента называется народомъ. Барнетапель ссылался также на письмо Адельстанса. Древнѣйшіе, (antiquires) находившіеся въ собраніи Кларендонскомъ, почитаются Лордомъ за

Эалдер-

въ полководцевъ, Королей. Король былъ воинъ, которой довѣренность своего народа спискалъ своею храбростію; онъ былъ полководецъ, но не начальникъ своихъ сограждан; при самыхъ плодахъ его побѣдъ не возрастало для него никакого права на добычу, которое бы могло притѣснить права простаго гражданина.„

„Всѣ люди равное имѣютъ право на блаженство. Государство должно быть такъ устроено, чтобы большее число, сколько возмо-

---

Эалдермановъ или древнихъ верьховныхъ особъ изъ каждаго Графства. Но все сіе кажется не довольно доказываетъ, что народъ имѣлъ всегда и законно участіе въ правленіи, такъ какъ онъ имѣлъ оное во время Генриха III, и какъ было оное основано въ послѣдствіи. Никогда точно не говорено ни въ законахъ, ни въ исторіи, чтобы было призывано изъ каждаго Графства, изъ каждаго мѣстечка, число депутатовъ, и между немногими вольными неблагодарными было бы весьма трудно выбрать способныхъ людей, которые бы не зависили отъ дворянства или по своему имѣнію или по покровительнымъ письмамъ. Лордъ признается самъ, что Государственныя дѣла рѣшились по большой части безъ присутствія народа въ парламентѣ благородныхъ, и народная власть была весьма мала, (стр. 234) чтобы держать между Королевскою и Аристократическою властію значущее равновѣсіе.

можно, было счастливо въ высочайшей степени, какой только достигнуть можетъ. „

„ Столь же мало должна быть отдѣлена сила отъ способности употреблять власть. Мудрый находитъ противорѣчіе видѣть кавалера въ колыбели, котораго нѣжныя руки никогда можетъ быть не будутъ довольно сильны носить оружіе. Кажется безумно не основывать права въ оказанныхъ преимуществахъ разума и бодрости человѣка, но только въ преимуществахъ предковъ его, повелѣвать тѣми особами, безъ совѣта которыхъ онъ часто не умѣлъ собою управлять „

Алфредъ возразилъ: „ Предки мои поступали премудро, что они перемѣнили сію часть образа управленія. Люди не равны. Равенство сіе есть вымыселъ кичливыхъ Софистовъ. Храбрость возвышаетъ одного гражданина предъ другимъ на заслуженное величество; мудрость можетъ его предъ всѣми возвысить: кто умѣетъ давать совѣты, ведущіе весь народъ къ своему счастію, тотъ дороже народу, нежели одинъ изъ тысячи, слѣдующей по пути, которой онъ имъ показуетъ и котораго бы они сами никогда не сыскали. Цѣна каждаго гражданина есть участіе, которымъ онъ къ общему благу споспѣшествуетъ. „

„ Естьли люди не равны, то и голоса ихъ не должны быть равностоющими. Мнѣнія, повторенныя тысячею невѣждъ, не стоятъ мудрости одного, которому они всѣ слѣдуютъ. Множество весьма удобно совращается пылки и рѣчами, которыя честолюбивой умѣетъ начер-

тать по вкусу и предразсужденіямъ своего народа и украсить лестнымъ краснорѣчіемъ. Я изслѣдывалъ жестокія дѣйствія, которыя возъимѣло слово недовольнаго Трибуна, честолюбиваго Кеона, прельстительнаго Демосѳена, и имъ не противилась ни важная основательность Фокіона, ни прикрашенная добродѣтель младшаго Катона. Какъ волны морскія носятся сильнымъ вѣтромъ, такъ колеблются умы несмысленнаго множества, по тому направленію, которое имъ подаетъ снизходительный витія. Изъ всѣхъ образовъ управленія меньше бы всего подтвердилъ я верьховную власть въ рукахъ всего народа. Они, которыхъ ни воспитаніе не предуготовило къ дѣламъ, ни опытъ не наставилъ, они ли должны возвыситься отъ низкихъ рабовъ и съ необразованными чувствами говорить о верьховныхъ Государственныхъ дѣлахъ? Сего не хочетъ мудрость, сего не хочетъ и другъ мой, видѣвшій столь многіе народы и изъ исторіи научившійся управлять оными.„

„Я того не желаю, сказалъ Амундъ, чтобы народъ присутствовалъ при общихъ дѣлахъ, и чтобы ему была ввѣрена верьховная власть. Я весьма знаю, какъ разсуждаетъ собравшееся множество народа. Я былъ отправленъ отъ Византійскаго двора къ Печенегамъ, живущимъ при порогахъ Борисѳена, которыхъ главное жилище называется сѣча. Воины всего народа живутъ въ оной, не терпя никакой женщины; и изъ сего острова дѣлаютъ они пагубные набѣги въ сосѣдственную Сармацію, въ плодо-

плодоносную Дакію и въ богатую Булгарію. Всякой годъ собираются всѣ сіи воины и избираютъ себѣ старшихъ и судей; каждой гражданинъ другому равенъ, и голосъ неопытнаго юноши столько же важенъ, сколько и голосъ старика, которой велъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ войны за своего народа, и яко военачальникъ доводилъ оной до побѣды. Въ то же время судятъ о главахъ протекшаго года. Я видѣлъ собственными своими глазами, что съ однимъ военачальникомъ было поступлено дурно, и что, лиша его имѣнія, выгнали изъ его отечества, не выслушавъ, ни убѣдивъ его, а по одному только подозрѣнію склонности своей къ Византіи. Ни честь, ни имѣніе, ни жизнь гражданина не имѣютъ ни малѣйшей безопасности при таковомъ образѣ правленія, гдѣ воля множества есть единымъ закономъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ оправдали его новые ораторы, и старикъ возведенъ былъ паки на прежнее достоинство: онъ, которой яко измѣнникъ народа претерпѣлъ наижесточайшее наказаніе. Печенеги суть Скиѳы и незнающіе, но народъ Римскій былъ ли справедливѣе противъ побѣдоноснаго Коріолана, противъ своего избавителя Камиллы, противъ Туллія Цицерона? Народъ Аѳинской не изгналъ ли Аристида, не предалъ ли смерти Фокіона, не приговорилъ ли выпить яду Сократу, первому мужу, которой употребилъ Философію къ поспѣшествованію добродѣтели? Когда власть находится въ рукахъ невѣжества, когда состояніе Государства не противополагаетъ предразсужденію множества ни-

никакой препоны; тогда народъ самъ дѣлается тираномъ; ибо тотъ есть тиранъ: кто волю свою дѣлаетъ закономъ.„

„Но удобно дать народу существенное участіе въ господствованіи, не подавая ему повода къ несправедливымъ дѣйствіямъ. Равно народу принадлежитъ часть въ правленіи: онъ составляетъ наибольшую часть Государства, труды его питаютъ Государя и вельможъ, кровь его искупаетъ отечество, безопасность и миръ. Блаженство многихъ тысячей составляетъ конечно существенную часть блаженства Государственнаго; а о семъ стараться не можетъ никто ревностнѣе и никто вѣрнѣе, кромѣ самаго народа, которой желаетъ быть счастливымъ.„

„Но прежде, нежели народъ возъимѣетъ участіе въ правленіи, долженъ онъ быть свободенъ. Англосаксонцы еще не достигли сего: они откупщики дворянства, которое можетъ ихъ самопроизвольно выгнать изъ своихъ земель и такимъ образомъ отнять у нихъ средства питаться произведеніями земледѣльства и плодами своихъ трудовъ. Народъ долженъ имѣть собственное свое имѣніе и обладать землею, которую надлежитъ ему пахать. Доколѣ онъ долженъ работать въ пользу вельможи, доколѣ удобреніе полей будетъ умножать Графскіе доходы, не обогащая земледѣльца; дотолѣ останется для него скучнымъ поправлять недостатки земли, и плодоносіе ея умножать своимъ стараніемъ; онъ не будетъ проводить рвовъ для отведенія вредной воды, онъ не будетъ

летъ удобрять несобственныя пашни привезенiемъ хорошей земли, онъ будетъ возвращать землѣ скупо и бережливо то, что онъ съ нее снялъ; будетъ доволенъ наслажденiемъ, не заботясь о томъ, что опустѣетъ пашня его по прошествiи откупа. Напротивъ того помѣщикъ печется о будущемъ плодородiи земли; онъ хочетъ, чтобы она доставляла старости его нужное пропитанiе, чтобы она питала дѣтей его и его внучатъ: онъ трудится съ ревностiю и удовольствiемъ въ исправленiи, которое должно поправить собственное его состоянiе, и отваживается на иждивенiе и на настоящiе труды, дабы чрезъ нѣсколько лѣтъ, чрезъ нѣсколько вѣковъ пашня его дала больше сноповъ, а посажденныя деревья въ лѣсахъ внукамъ его произвели больше тѣни.„

„Собственность имѣнiй доставить народу можетъ Король вѣчными откупами камерныхъ имѣнiй, и пресѣченiемъ неизбѣжнаго мужескаго наслѣдiя у благородныхъ. Естьли дворянинъ можетъ продать свои земли, когда онѣ раздѣлятся между его дѣтьми; то скоро неизмѣримыя Графскiя владѣнiя раздѣлятся, и тысячею образамм попадутся въ трудолюбивыя руки, которыя всегда могутъ заплатить большую цѣну за такую землю, которая требуетъ отъ нихъ меньшаго иждивенiя, и приносетъ имъ больше доходовъ, нежели благородному, которой плоды земли долженъ дѣлить съ своимъ откупщикомъ.„

„Премудро устроенное Государство не можетъ позволить, чтобы одинъ гражданинъ

искалъ покровительства у другова гражданина: само Государство, его опекунъ Государь и его воля, и законъ должны защищать жизнь, собственность и честь каждаго члена Государства. Между Англосаксонцами многіе тысячи искали у вельможъ покровительства противъ насилій. Сіе нападеніе на права Государства несносно: гражданинъ не будетъ больше прилепленъ къ отечеству, къ своему Королю, но пристанетъ къ своему покровителю, будетъ ожидать отъ него своего сохраненія, оное своимъ послушаніемъ заслуживать, и сделается съ нимъ возмутителемъ, не по тому, что Король утѣсняетъ его, но по тому, что онъ не смѣетъ отдѣлиться отъ того вельможи, отъ покровительства котораго надѣется онъ своей безопасности."

"Дворянинъ не долженъ также разполагать правосудіемъ по своей волѣ и наказывать преступленія, ни проливать крови преступника именемъ законовъ. Мечь правосудія въ рукахъ великаго человѣка ввергаетъ въ ужасъ гражданина, котораго собственность не можетъ зависить отъ рѣшенія дворянина, и жизнь отъ его благоизволенія. Всѣ силы Государства должны соединиться единственно въ Государствѣ; никакой власти не должно быть между отечествомъ и народомъ."

"Еще менѣе должно позволить благоразуміе, чтобы граждане, деревни входили между собою въ союзъ, и чтобы все тѣло союзничества обязывалось защищать права каждаго

го изъ членовъ. (а) Каждой почтенной сочленъ такого заговора почитаетъ себя обиженнымъ, можетъ быть безъ причины, а претерпѣнное озлобленіе предпочитаетъ тишинѣ Государства: и тогда сколь удобно можетъ возмутиться цѣлое союзничество, притѣснить незаконно обиженнаго и возжечь междоусобную войну? Одно союзничество можетъ съ другимъ приняться за оружіе и Англія можетъ сдѣлаться жертвою ихъ мщенія. Законъ долженъ предупреждать всякое неправосудіе, и Король одинъ долженъ позволить употребленіе меча.,,

Алфредъ слушалъ со вниманіемъ: мудрый Государь довольно чувствовалъ, что состояніе Государства его не находилось въ истинномъ равновѣсіи, что дворянство имѣло великую, а онъ малую власть, а народъ совсѣмъ былъ безсиленъ. Но опытъ разсудительнаго Государя убѣдилъ его, что болѣзни сіи не могли быть пресѣчены сильнымъ лекарственнымъ средствомъ, и что долгое послѣдствіе не столь суровыхъ средствъ потребно, чтобы поправить Государство, не ввергая его въ неизбѣжную опасность. Онъ сдѣлалъ то, что позволяли ему обстоятельства, и по многихъ вѣкахъ исполнилась наконецъ всѣ Амундовы желанія. Однако онъ сдѣлалъ еще болѣе: обнародовалъ законъ, обязывавшій каждаго господина отпустить раба Христіанина въ годъ на волю.

 „И

(а) Сіе бывало во времена Алфредовы.

„И такъ народъ, продолжалъ воинъ, теперь свободенъ, узы его разрѣшены; теперь возможно ему дать въ правленіе часть, которую ему природа опредѣляетъ.„

„Мужамъ избираемымъ, долженствующимъ представлять народъ мужамъ, кои должны быть зажиточны, которыхъ бы не столь удобно склонить могъ недостатокъ къ приятію подарковъ, должно единственно посвятить себя службѣ отечеству, не будучи подвержены никакимъ мучительнымъ и подлымъ трудамъ, наслаждаться воспитаніемъ, которое бы дѣлало ихъ способными искусно разсуждать о высокихъ народныхъ правахъ, и о благоденствіи Государства, и находить средства къ поспѣшествованію всеобщаго блага и къ отклоненію угрожающихъ золъ. Сей степень богатства вѣрнѣе всего можно опредѣлить на землѣ, которую народной представитель собственно имѣть долженъ, и почитать землю за единственное извѣстное богатство, за безопаснѣйшій союзъ, привязывающій человѣка къ отечеству: металлы и посуду можетъ гражданинъ вывезти съ собою и въ другое Государство, но землею своею не можетъ онъ нигдѣ обладать, нигдѣ оною наслаждаться, кромѣ Англіи. Земли его будутъ для него прибыточны, по мѣрѣ процвѣтанія Государства. Миръ, порядокъ, справедливость и мудрыя учрежденія сдѣлаютъ плодоносными его пашни и увеличатъ его самаго; въ раздробленіи Государства, въ уменьшеніи порядка и торговли, въ несчастіи Государ-

дарства, поля его сдѣлаются пустыми степями.,,

,,По книгѣ, въ которой Алфредова мудрость расписала Государственныя поля, находится въ оном 243000 гуфовъ. (a) Изъ сихъ гуфовъ надлежало избрать 500 человѣкъ для великаго Государственнаго совѣта, и подданной, котораго хотятъ къ тому представить, долженъ быть избираемъ тѣми, которые имѣютъ подъ собою земли 500 гуфовъ, а сей предложенной къ выбору долженъ по крайней мѣрѣ имѣть пять гуфовъ, дабы удостоиться выбора.,,

Когда 6,000,000 душъ живутъ въ Государствѣ, то всегда 3000 человѣкъ собираются для избранія одного депутата. Но и сіи избирающіе должны въ Государствѣ имѣть свои жилища: только обладатель пашни имѣетъ истинную пользу отъ благосостоянія онаго; тотъ, которой ничѣмъ не обладаетъ, не можетъ ничего потерять во время безпокойства и безпорядка, и его весьма удобно можно подкупить за малые подарки, за одно удовлетвореніе чувственнымъ его желаніямъ, и такимъ

 обра-

(a Стельманъ говоритъ, что гуфъ содержитъ сто десятинъ. Литтлетонъ даетъ ему другое пространство. Слѣдуя одному, гуфъ занимаетъ столько земли, сколько одинъ плугъ вспахать можетъ въ одинъ годъ. А по мнѣнію другаго, онъ замыкаетъ столько, сколько потребно для содержанія благороднаго семейства.

сбразомъ употребить во зло свою власть, чтобы дать отечеству такого предстателя, которой не имѣетъ ни способности къ исполненію важныхъ должностей, которыми онъ обремененъ, ни воли исполнять оныя. Я нахожу, что земледѣлецъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ шестнатцать десятинъ, чтобы могъ важить голосъ его при избраніи народнаго депутата.

„Ежегодно собиралъ Король, по собраніи земныхъ плодовъ, дворянство и депутатовъ простаго народа. Симъ избраннымъ, чрезъ которыхъ представляется народъ, предлагаются нужды короны. Тогда тягостная и продолжительная война, содержимая морская сила, не могли содержаны быть изъ комнатныхъ имѣній Короля: да и для Государства было бы вредно, естьли бы сіи господства слишкомъ были разпространены. Они имѣютъ тотъ недостатокъ, что не составляютъ собственности того, кто ихъ строитъ, что не могутъ никогда надѣяться совершеннаго старанія, которое самолюбіе обладателя прилагаетъ о собственномъ его имѣніи. Допустить Короля самовластно налагать подати было бы то же, какъ жертвовать собственностію народа желаніямъ Государя. Ожидать со стороны дворянства добровольныхъ даровъ, было бы всегда неопредѣленною и опасною помощію, чрезъ которую власть великихъ людей умножилась бы, а Король унизился; большаго же попеченія о точномъ раздѣленіи бремени и о полезномъ употребленіи возложенныхъ денегъ не можно ни отъ кого лучше ожидать, какъ

отъ

отъ тѣхъ, которые должны платить подати. И такъ народные депутаты будутъ разсуждать о требованіяхъ Королевскихъ, и на нужду потребныя деньги такъ разлагать по всѣмъ вотчинникамъ, чтобы паки мѣра плодоприносящія земли была соразмѣрна особенной подати.

Амундъ не могъ предузрѣть, что нужды Государственныя безконечно умножатся, что тысячи сдѣлаются богатыми гражданами, которыхъ сокровище состоять будетъ не въ земляхъ, но въ корабляхъ, товарахъ, въ выработанной шерсти, въ торговлѣ. Сохранено до сихъ еще временъ узаконеніе налагать сверьхъ податей на землю подать, на оружія, изобилія и великолѣпія; отягощать пошлинами ввезеніе товаровъ, и для сбору податей содержать собственное число служителей.

Конечно должно получить въ разсужденіи сихъ сборовъ согласіе отъ дворянства; ибо и дворяне почитаются такими же гражданами: они владѣютъ землею, и они должны также помогать въ понесеніи бремени, котораго требуетъ Государственная нужда. Но у нихъ ни о чемъ иномъ не спрашивается, какъ только о ихъ согласіи или отрицаніи, а прочее все должно совсѣмъ зависѣть отъ народа, для котораго бремя бываетъ тягостнѣе, поколику великіе люди платятъ оное изъ своего избытка, а у простолюдиновъ вычитаетъ оное изъ ихъ выгодъ и изъ самой ихъ необходимости. Естьли бы дворянство имѣло нѣкоторую власть въ наложеніи податей, то бы оно совсѣмъ отвра-

вратило отъ себя оное и наложило все сіе бремя на простой народъ.

Никакія земли не могутъ остаться свободными отъ сей всеобщей и всегдашней подати; даже и самыя имущества церковнослужителей и самыхъ церквей въ крайности Государственнаго состоянія не могутъ быть изключены отъ вспомоществованія общему благу.

Алфредъ конечно прилепленъ былъ къ церквѣ; онъ взялъ въ Римѣ за Гіерархію почтеніе, которымъ онъ долженъ Леоновымъ добродѣтелямъ. Любовь его къ наукамъ довела его до дружества съ жрецами и монахами, у которыхъ тогда единственно сохранялись нѣкоторые остатки древней учености. Злоупотребленіе духовной власти не научило еще народы, сколь опасна была преданность оной. Сія преданность была добродѣтельна и благомыслящіе думали, что они, почитая священнослужителей, почитали Бога. Рѣчь Амундова устрашала благочестиваго Алфреда, и не произвела въ немъ никакого впечатлѣнія. Онъ приписывалъ слишкомъ свободную мысль многимъ невѣрнымъ народамъ, между которыми былъ Амундъ.

Амундъ продолжалъ: „мѣру подати должна опредѣлять необходимость Государства. Въ мирное время я бы наложилъ оную на десятую часть годовыхъ доходовъ, а въ военное на пятую часть. Всеобщее описаніе земли, которое мудрый Алфредъ приказалъ сдѣлать, облегчаетъ наложеніе и счисленіе.„

„Законы будутъ вторымъ умноженіемъ народныхъ депутатовъ: они суть оковы, стѣсняю-

сняющія всегда естественную вольность. Гражданинъ охотно носитъ сіи оковы; поелику законы его защищаютъ, поелику малая часть его добровольно Государству уступленной вольности составляетъ безопасность его противъ нападенія злыхъ гражданъ, поелику законы соединяются въ такой порядокъ, которой счастіе каждаго гражданина утверждаетъ и умножаетъ. Но Германецъ, родившійся вольнымъ, не охотно обязывается другими законами: самъ себѣ только довѣряетъ онъ, не хочетъ отказаться отъ своей вольности, какъ только когда требуетъ онаго общая польза. Законы могутъ быть начертаны благородными или народомъ. Но надлежитъ, чтобъ они всегда подтверждены были обоими Государственными чинами и утверждены Королемъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ давать законы; поелику они должны подавать для безконечно различныхъ случаевъ равно точное правило, но люди предвидятъ не многіе только случаи. И такъ надлежитъ, чтобы законы хорошо взяты были въ разсужденіе, а не съ скоростію были предписаны; они должны по крайней мѣрѣ во многихъ примѣрахъ чрезъ долгое время подвержены быть испытанію. Алфредъ предписалъ Саксонцамъ своимъ мудрые законы; но грядущее время требуетъ новыхъ и понуждаетъ къ новымъ ограничиваніямъ. Какъ законы дѣлаются медлительно, то и не должно оставлять съ поспѣшностію. И Амундъ присовѣтовалъ бы, чтобы они дѣлались по большинству голосовъ, но тремя третями оставлялись.

Ни-

Ничто не противится больше власти законовъ, какъ когда они перемѣняются. Законодатель, оставляющій законъ, признается въ глазахъ народа, что онъ былъ безполезенъ; но подозрѣніе заблужденія падаетъ съ равною силою и на новой законъ: для чего человѣкъ не можетъ обмануться и сего дня, естьли онъ вчера ошибся? Но не столько наказанія даютъ законамъ ихъ силу, сколько внутреннее убѣжденіе, что они полезны и для того, котораго они обязываютъ.„

„Однако надлежитъ быть наказаніямъ. Человѣческое самолюбіе побуждаетъ его исполнять желанія свои такими дѣйствіями, которыя противны общему благу. Противъ сего самолюбія должно ополчать самую пользу человѣка; гражданинъ долженъ быть увѣренъ, что исполненіе его желанія сдѣлаетъ его несчастливымъ. Наказанія должны быть умѣренны, но неизбѣжимы, и въ семъ состоитъ мудрость законодателя, чтобы виновный не могъ избѣгнуть правосудія: естьли мудрой законоположникъ можетъ сіе сдѣлать, то съ малымъ претерпѣніемъ повиннаго предупредится половина злодѣяній.„

„Народнымъ депутатамъ должны быть предлагаемы всѣ вольности, права и позволенія. Король можетъ быть весьма удобно склоненъ быть искуснымъ представленіемъ и предложеніемъ любимаго посредника къ раздѣленію такихъ правъ, которыя могутъ другимъ гражданамъ служить во вредъ. Когда каждая часть Государства имѣетъ своего предстателя въ вели-

ликомъ собранiи, то не легко случиться можетъ, чтобы гражданину, деревнѣ или городу оказана была милость ко вреду другимъ.„

„Также всѣ общiя дѣла Государства подвержены разсужденiю простыхъ. Король заключаетъ миръ, объявляетъ войну; но какъ послѣднее рѣшенiе навлекаетъ на народъ безконечную тягость, когда при заключенiи мира можно видѣть Государственную пользу изъ чистыхъ намѣренiй: то мудрой Король по совѣту собственнаго благоразумiя совѣтуется о толь великихъ предметахъ съ великимъ Государства его совѣтомъ. Но положимъ, что когда бы и Государственные Министры пренебрегли сiю умѣренность, то народные депутаты имѣютъ естественное право, хотя не предписывать Государю рѣшенiй, но возвышать онаго доводы, открывать Государю свое разсужденiе и показывать слѣдствiя, которыя могли имѣть намѣренiя двора. Симъ проницанiемъ можетъ народъ бдѣть о совѣтахъ Царскихъ, которые не допустятъ его никогда открывать несправедливыя дѣянiя, ни помогать въ такихъ вознамѣренiяхъ, которыя могутъ быть очевидно вредны Государству. Самый знатный вельможа не можетъ снести ненависти всего Государства. Да и самою природою основано, что противъ немудрыхъ или несправедливыхъ совѣтовъ можетъ народъ дѣлать представленiя, отъ которыхъ весь народъ вообще имѣетъ пострадать: и коль долженъ быть неблагоразуменъ тотъ Король которой бы не хотѣлъ внимать всеобщему гласу природы!„

„И

,, И такъ обо всемъ можетъ разсуждать великое собранiе, и никакая власть не можетъ возпрепятствовать наималѣйшему изъ депутатовъ предлагать безбоязненно то, что онъ почитаетъ за полезное для общаго блага. Гласъ истинны долженъ возвышаться безпрепятственно, и самыя ложнаго убѣжденiя, неправильныя заключенiя могутъ быть безъ всякаго предлагаемы страха: ибо, естьли бы неосновательность онымъ препятствовала открывать; то бы весьма скоро сильные принудили къ молчанiю каждое слабѣйшихъ предложенiе, поколику они признали бы его за неосновательное. Впрочемъ злые совѣты надменнаго невѣжества не скоро вкрадутся въ собранiе, составленное сильнымъ народомъ изъ своихъ знатнѣйшихъ мужей. И положимъ, естьли неблагоразумные совѣты получатъ отъ большаго числа подтвержденiе, то дворянство, дающее дѣйствительность волѣ простыхъ, сдѣлаетъ равновѣсiе. И естьли бы благородные з хотѣли слѣдовать заблужденiю простаго народа, то Король имѣетъ верьховную власть отвергнуть, что онъ почитаетъ за безполезное для общаго благоденствiя. ,,

Алфредъ никогда не видывалъ народнаго собранiя. Опытъ его познакомилъ его только съ вельможами; его устрашило сильное участiе въ правленiи, которое Сѣверной его другъ подавалъ простому народу. Онъ ему возражалъ: ,, Амундъ добродѣтеленъ и мудръ, его просвѣтило познанiе многихъ земель и многихъ народовъ; собранiе такихъ мужей, какъ мой

другъ,

другъ, сдѣлало бы скоро изъ моего народа наисильнѣйшій на земли народъ. Но надѣется ли Амундъ, что незнающіе простые народы изберутъ такихъ людей, хотя бы они отъ природы не имѣли такихъ дарованій? Сколь часто крайняя ласковость, благородная порода, щедрое употребленіе великихъ имѣній, самыя изящныя человѣколюбіемъ вдохнутыя дѣйствія побуждаютъ народъ къ избранію такихъ мужей, которые будутъ стараться увеличить больше самихъ себя, нежели отечество!„

„Самое человѣколюбіе сихъ депутатовъ не обяжетъ ли ихъ столь удобно разпространившіеся въ народѣ предразсужденія сдѣлать орудіями собственной своей власти? Не почтутъ ли они волю, безразсудную волю простаго народа, себѣ за правило, для пріобрѣтенія сердецъ своихъ согражданъ? не должно ли опасаться, что такимъ образомъ произойдетъ верьховная власть, которую самъ Амундъ опровергаетъ, и которая есть наибезумнѣйшее изъ всѣхъ народовъ тиранства? Какъ можетъ Амундъ возбранить, чтобы жители сотни, простыя Графства не предписывали своимъ депутатамъ наставленій, которымъ они должны слѣдовать? И гдѣ вы сыщете честнаго человѣка, которой бы осмѣлился противиться безумной волѣ слабаго своего народа, и которой жертвуетъ своимъ вниманіемъ и своею милостію внутреннему чувствованію, что онъ предпочелъ общее благо особенной своей пользѣ?„

„Сіи неопытные простяки не захотятъ ли безпрестанно увеличивать свою власть не проникая,

кая, что они уничтожают равновѣсіе Государства, уменьшая участіе, принадлежащее благороднымъ и Королю въ управленіи Государства? Римской народъ, видя единожды пріятность вольности, не жаждалъ ли власти? переставалъ ли онъ стараться возвыситься превыше дворянства? не поставлялъ ли онъ своихъ трибуновъ надъ Консулами и самыми Диктаторами? не дѣлали ли Трибуны все для собственнаго величества и для власти народа? не останoвляли ли они и на самомъ ходу колесницу побѣдителя, когда онъ былъ изъ ненавистнаго рода? не привелъ ли гласъ корыстолюбивыхъ Трибуновъ республику на край пагубы, отъ которой сыновнее почтеніе Коріолана ихъ только избавило? Сіи безумные льстецы народа, неспособные къ управленію Государствомъ, не отлучили ли тогда отъ правленія того, которой довелъ его до побѣды? не повторяли ли зависть народную ненавистію къ общему благу, къ Сципіону, къ Туллію? Не былъ ли народъ несправедливъ, когда Сенатъ еще былъ великодушенъ? не присвоивалъ ли онъ себѣ безъ всякаго права плодоносныхъ Арейскихъ полей, и симъ виновнымъ злоупотребленіемъ своея власти не замаралъ ли славы правосудія, которое утверждали благородные?„

„Мужъ, сказалъ Амундъ, сидящій въ великомъ совѣтѣ Государства, не есть больше слуга мѣстечка, но онъ Совѣтникъ Государства; не о малой пользѣ нѣкоторыхъ домовъ долженъ онъ стараться, но о великихъ дѣлахъ сильнаго Государства и о благосостояніи отечества.

Онъ имѣетъ случай проникать на немъ основаны мудрыя рѣшенія; имъ долженъ онъ повиноваться, естьли они его убѣдили, а не крику нѣкоторыхъ поселянъ, знающихъ изъ дѣлъ только всеобщее, да и объ ономъ знаютъ только по пустому и неизвѣстному слуху. Никогда не можетъ тотъ совѣтовать или приказывать, которой не взвѣсилъ доводовъ противу возраженій, которой не сравнилъ обѣщанныхъ выгодъ съ неудобствами слѣдствій. Предразсужденія нѣкоторыхъ деревень никогда не должны препятствовать депутатовъ пещись о благѣ Государства вообще.,,

,,Конечно, въ вольномъ народѣ всегда будутъ, всегда останутся недовольные граждане, которые станутъ отвергать хорошее для того, что оно не лучше. Всеобщее предразсужденіе можетъ овладѣть народомъ: оно можетъ, подобно противному вѣтру, нанести корабль прямо на скалы; и когда весь народъ единожды разстроится, то никакое управленіе не можетъ противиться нечаянной бурѣ. Наистрашнѣйшій Деспотъ, посреди тысячи караульныхъ не могъ противиться всеобщему удовольствію, ни въ Римѣ, ни въ Государствѣ Сарацныовъ, ни у мирныхъ Сѣровъ; по сему самому тѣмъ больше опаснымъ безпокойствіямъ подвергнется, поколику неограниченная власть его влечетъ дѣлать больше нападеній на всеобще благо, нежели Государя, коего сила имѣетъ свои границы. Напротивъ того ограниченнаго Государя остановятъ законы, благородные народные депутаты на-

бѣгу

бѣгу дерзновенныхъ предпріятій прежде, нежели онъ дойдетъ до того, чтобы соединилось противъ него все Государство.„

„Своекорыстіе Графства, маленькая выгода мѣстечка будутъ находиться въ равновѣсіи отъ противоборствующей выгоды другихъ Графствъ или другаго города. Естьли Государь не все озлобляетъ Государство, то онъ всегда найдетъ друзей въ разумныхъ людяхъ, знающихъ цѣнить то, что всего полезнѣе для Государства, и судить, что недостатокъ нѣкоторыхъ свойствъ въ Государствѣ можетъ навлечь за собою больше вреда, нежели сколько оному угрожаетъ изпровержение первыхъ членовъ Государства. Благородные не скоро допустятъ народъ до слишкомъ великой власти, которая затмитъ ихъ преимущество; они противоположатъ народному крику довѣренность, которую подаетъ имъ ихъ богатство, иждивеніе и самое предразсужденіе. Когда возмутительные ораторы побуждаютъ народъ къ предпріятію вредныхъ мѣръ, то самая ревность вооружитъ прочихъ членовъ великаго Государственнаго совѣта краснорѣчіемъ, получающимъ отъ истинны не преоборимое уваженіе. Въ ложныхъ понятіяхъ съ трудомъ можетъ быть когда нибудь единогласенъ весь народъ, поелику одна истинна имѣетъ право насъ убѣдить.

Слѣдуя симъ правиламъ, предразсужденія множества хотя будутъ служить Государю въ досаду, воспрепятствуютъ иногда принять лучшія мѣры и отвергнуть перваго Министра отъ кормила правленія; но изпровергнуть престолъ

столъ крикъ сего множества будетъ безсиленъ, естьли Государь дѣйствительными и важными нападками на вольность не навлечетъ на себя всеобщаго неудовольствія. Ропотъ неправедно недовольныхъ есть конечно неблагодарность къ доброму Государю; но еще бы опаснѣе было хотѣть заслужить гласъ народной. Онъ есть путь, открывающій истиннѣ свободной къ престолу доступъ; онъ есть предохранительной гласъ провидѣнія, напоминающій не поступать далѣе въ своихъ ухищренныхъ и злобныхъ предпріятіяхъ.,,

,,И такъ думаетъ Амундъ, по древнему упрежденію Кельтовъ, что правленіе, раздѣленное между Государемъ, благодарными и простыми такимъ образомъ, которой, можетъ быть, имѣетъ не все совершенство неограниченныя власти добраго Государя, но которой рѣдко позволяетъ Монарху быть до излишества злымъ, правленіе сіе, можетъ быть, меньшую имѣетъ крѣпость, поелику Государственные члены, въ рукахъ которыхъ состоитъ власть, поступаютъ по разнымъ видамъ; но оно увѣряетъ вольность гражданина и прочность Государства. Ибо никакое другое учрежденіе не призываетъ сто в сильно весь народъ къ правленію, кромѣ того превосходнаго управленія, въ которомъ владычествуетъ самое множество.,,

,,Въ Кельтскихъ земляхъ каждой гражданинъ, въ оныхъ поселившійся, и собственностію, сопряженною съ благоденствіемъ Государства, имѣетъ участіе въ законодательной власти. Ничего не дѣлается безъ согласія оное пред-

представляющихъ: онъ самъ избралъ того, которой его представляетъ; онъ избираетъ законодателя, и весь народъ самъ избиралъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ состоитъ вся власть. Сіе избирательное право подаетъ каждому гражданину достоинство, которое самъ благородной долженъ признать, поелику неудовольствіе множества исключаетъ его изъ правленія. Домъ каждаго гражданина есть крѣпость охраняемая законами, въ которую самая Королевская власть не можетъ проникнуть, ни отворить ея воротъ. Таковое отечество, въ которомъ собственность каждаго гражданина священна, въ которомъ каждой гражданинъ избираетъ своихъ законодателей, долженъ необходимо любить каждой гражданинъ своего соотчича преимущественно предъ всѣми смертными, которыхъ Государство не содержитъ въ безопасности ни вольности гражданина, ни его собственности, и гдѣ правленіе находится въ такихъ рукахъ, на которыя народъ никогда не можетъ имѣть втеченія. Съ трудомъ въ таковомъ Государствѣ найдутъ чужестранные непріятели единомышлениковъ: громкіе крики счастливыхъ гражданъ скоро превратятся во всеобщій военной крикъ, когда другая власть захочетъ напасть на Государство, котораго покореніе подъ иго было бы для каждаго гражданина несомнѣнною утратою.„

Алфредъ усмѣхнулся со скоростію. Амундъ раздѣлилъ столь щедрою рукою власть между народомъ, что не оставилъ ничего ни дворянству ни Королю; и по тому власть, которая есть

есть единственнымъ всѣхъ дѣлъ побужденіемъ, не можетъ дѣйствовать со скоростію, важностію и безопасностію, и естьли другая власть можетъ остановить сіе побудительное колесо единымъ пальцомъ, и тѣмъ воспрепятствовать теченію дѣлъ. Непріятель вызываетъ на брань, онъ нарушаетъ честь короны, предпринимаетъ завоеваніе, чрезъ которыя Англія ввергается въ опасность, утѣсняетъ моихъ союзниковъ; никакого не остается средства къ удержанію насилій, кромѣ войны. Но народъ, согласившійся дать мнѣ на годъ вспомогательныя деньги, можетъ меня на слѣдующей годъ лишить оныхъ. Естьли я подпаду его неудовольствію, то не возможетъ ли народъ наложить на меня или неправеднѣйшіе договоры, или Государство обезоружась сдѣлаться добычею своихъ непріятелей? Я заключаю союзъ съ Пиктами, я обѣщаю имъ вспомогательныя деньги противъ безпокойныхъ сосѣдей; они помогаютъ мнѣ вѣрно. Ораторъ дѣлаетъ Пиктовъ, и ихъ помощь смѣшными; народъ отказываетъ мнѣ въ деньгахъ, за которыя обязалъ я полезныхъ друзей пролить кровь свою, дабы пощадить часть крови Саксонцевъ. Оставленные союзники дѣлаются непріятелями, а нещастіе сіе можетъ навлечь сладкая и обманчивая рѣчь любимаго депутата.

Трудно, сказалъ Амундъ, отвѣчать на сіе возраженіе; чего опасается мудрый Алфредъ, то въ самомъ дѣлѣ можетъ приключиться, скажу еще, сіе приключится, поколику сіе происходитъ изъ природы человѣковъ. Такимъ

 обра-

образомъ отрицались недовольные Римляне побѣждать за Консуловъ, и допустили побѣдить себя за то, что не желали Аппію Тріумфа; боязнь Алфреда есть слѣдствомъ вольности, когда она не управляется премудростію.

Однако одно остается средство, которое состоитъ въ томъ, чтобы не избирать ежегодно депутатовъ, но чтобы одни представляли народъ черезъ три, чрезъ семь лѣтъ. Избирать депутатовъ на одинъ годъ кажется мнѣ безъ того вредно: они бы конечно зависѣли отъ множества, отъ котораго они должны быть свободны; каждое новое избираніе есть скитаніе, которое не должно случаться весьма часто, естьли хочешь, чтобы народъ оставался въ трудолюбіи, прилежаніи и въ нѣкоторомъ порядкѣ. Естьли власть депутатовъ останется на большія лѣта въ безопасности, то самые непремѣнные мужи, въ продолженіи войны, конечно не захотятъ разрушить плоды первыхъ лѣтъ, и не пожелаютъ подвергнуться мщенію Государства, которое, сколько бы слѣпо ни было къ заслугамъ своего Государства, однако непримиримо отвращаться будетъ тѣхъ отъ своенравія, которыхъ пожертвовано достоинство и безопасность Государства. Союзникъ будетъ также больше полагать довѣренности на Англію, правленіе которой утверждено на многія лѣта. Чѣмъ чаще произходятъ новые выборы, чѣмъ больше образъ управленія подходитъ къ Демократіи; тѣмъ долѣе великой совѣтъ остается непремѣн-

мѣннымъ, тѣмъ менѣе втеченія удерживаетъ множество.

Прочность сія есть можетъ быть только побужденіемъ, которымъ можно будетъ въ будущіе вѣки послабить или удержать кормило правленія, смотря по тому, больше или меньше найдутъ они сопротивленія.

Ни въ какой премудрости человѣческой не находится средства, которое бы предупреждало всякое зло, изчезало отъ всего, и могло купно изтреблять всѣ устраненія вольности, не подавая въ то же время Государю власти, служащей народу въ обремененіе. Однако я думаю, что опасность, которой подвергается Государь, потерявъ любовь своего народа, ввергнетъ его въ полезную необходимость предуготовить себя благоразуміемъ носить свой скипетръ такъ, чтобы онъ ни слишкомъ угнѣталъ гражданина, ни самому ему былъ въ тягость. Государь съ самыхъ первыхъ лѣтъ будетъ образовать себя къ трудностямъ завистливыми подданными окруженнаго правленія, и научаться такъ поступать, дабы премудрѣйшая и лучшая часть народа оставалась къ нему приверженною. Ему нѣчего будетъ опасаться роптанія подданныхъ, естьли онъ старается содѣлаться вторымъ Алфредомъ.

Король размышлялъ долго о предложеніяхъ, Амундомъ начертанныхъ. Народъ мой, сказалъ мудрый, не способенъ еще управлять

 самъ

самъ собою. Въ просвѣщеннѣйшія времена можетъ быть сдѣлается онъ достойнѣйшимъ соправительствовать кормилу правленія. Я долженъ пещись озарить его свѣтомъ наукъ, просвѣтить его въ изящности премудрости и добродѣтели, и показать ему стези, ведущія къ симъ дщерямъ неба. Доколѣ я буду обладать со властію, оставленною мнѣ родноначальниками моими въ наслѣдство, дотолѣ будетъ неутолимымъ моимъ попеченіемъ то, чтобы народъ мой не разкаивался, что видитъ толикую власть въ моихъ рукахъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Путешествія Отара Нордіандца.

Въ самомъ отдаленнѣйшемъ краю Голландіи, къ Сѣверной части Нормандландіи, жилъ одинъ достаточный дворянинъ, именемъ Отаръ. Онъ имѣлъ шесть сотъ дикихъ козъ; въ такой землѣ, гдѣ всякаго другаго рода скотовъ находится весьма мало, пахалъ своими волами и лошадьми. Онъ много читывалъ, и духъ его возбуждался повѣствованіями путешествующихъ, обогатившихъ разумъ свой въ отдаленныхъ странахъ новыми истинами, сравнивавшихъ обычаи своихъ гражданъ со нравами иноземцовъ, изыскавшихъ такимъ образомъ средство къ исправленію оныхъ и учинившихся способными сообщить народу своему неизвѣстныя до сего выгоды, лучшія орудія, и удобнѣйшіе способы къ доставленію себѣ съѣстныхъ припасовъ. Норвегія была тогда обладаема Гаральдомъ, имѣвшимъ прекрасные волосы, Государемъ, притѣснявшимъ малыхъ Князей своего Государства, дабы тѣмъ болѣе распространить права своего престола. Отаръ умножалъ склонность свою къ наслажденію общими правами человѣческія природы, познаніемъ древнихъ Скалдовъ, воспѣвавшимъ предъ храбрымъ народомъ преимущества вольности.

Онъ возчувствовалъ непреоборимую склонность къ путешествіямъ и къ открытію отдален-

даленныхъ земель; сѣвши на корабль, прибылъ онъ ко двору Алфредову, упражнявшемуся тогда въ умноженіи морской своей силы. Король взиралъ съ удовольствіемъ на такого мужа, котораго необходимость научила узнать основательно кораблестроительное и мореплавательное искусство.

Нормандія сверьхъ дикихъ козъ и дичины не получила отъ природы никакого другаго средства къ пропитанію своихъ жителей, кромѣ моря. Между камнями, въ морѣ составляющими берегъ, представляющемъ странныя стремнины, между гористыми островами, ограничивающими твердую землю, море наполнено неизчерпаемымъ множествомъ животныхъ, которыя гонимы будучи смѣлыми жителями, не взирая на всѣ опасности вѣтровъ и льдинъ, снабдеваютъ ихъ первыми потребами. Хлѣбъ, которымъ въ умѣреннѣйшихъ странахъ плодородная земля награждаетъ прилежаніе земледѣльца, затвердѣлые въ трудахъ Нормандцы, должны искать въ отдаленныхъ странахъ, и привозить къ своимъ хижинамъ чрезъ продолжительное мореплаваніе. Каждой Нордманъ есть рыбакъ и корабельщикъ; оттуда произошло, что Скандинавскія морскія берега столь удобно могли обезпокоивать многочисленными флотами жителей плодоноснѣйшихъ земель.

„Отаръ былъ представленъ Королю. „Алфредъ, сказалъ Нормандецъ, своими добро-

„дѣтеля-

„ дѣтелями заслуживаетъ, чтобы земной шаръ
„ представилъ ему новыя земли, которыхъ еще
„ никакой смертной не посѣщалъ. Я надѣюсь
„ открыть такія земли, въ которыхъ Аглин-
„ ское богатство умножится, многочисленные
„ корабельщики сыщутъ богатой грузъ, и гдѣ
„ Саксонцы научатся утверждать за собою
„ обладаніе моремъ. Я живу внутри того кру-
„ га, въ которомъ солнце лѣтомъ никогда не
„ оставляетъ землю, и по краткомъ обращеніи
„ около полярнаго круга возходитъ паки въ
„ верьхъ. Моря питаютъ въ своихъ котловинахъ
„ сильныхъ рыбъ, въ сравненіи которыхъ и
„ самый слонъ не великъ, которыя однако не
„ рѣдко попадаются въ добычу мореплавцамъ:
„ одна такая рыба стоитъ сто фунтовъ сере-
„ бра. Нордландцы мои знаютъ искусство укро-
„ щать сіе чудовище, они почитаютъ игруш-
„ кою преслѣдовать копьями морскаго великана.
„ Около скалъ сихъ морей находятъ морскихъ
„ лошадей, которыхъ зубы дороже слоновой
„ кости, а въ срединѣ моря неоцѣненныхъ
„ единороговъ (*) противу предполагаемой вра-
„ чами съ полною довѣренностію всякому яду."

„ Но Отаръ имѣетъ большія намѣренія:
„ онъ слыхалъ такихъ мужей, которыхъ же-
Е 4 „ланіе

(*) Звѣрь сей именуется также Нарваломъ или рогатою рыбою, которая, какъ сказываютъ, вступаетъ въ бой и съ самымъ китомъ.

„ланіе къ добычѣ, или и жестокая сила вѣт-
„ровъ занесла въ новыя моря. Нордландія не
„простирается до оси земной, но окружена
„океяномъ, къ Востоку открывается неизмѣ-
„римое море, котораго границъ никто не зна-
„етъ, и которое простирается до земель ве-
„ликодушныхъ Японцовъ и трудолюбивыхъ
„Китайцовъ. Безконечно бы было счастіе Сак-
„сонцовъ и неизмѣрима слава Алфредова, есть-
„ли бы мнѣ удалось изыскать въ сіи богатыя
„страны дорогу, и привезти въ Британскіе
„острова сокровища, столь многія народы на-
„богащающія прежде, нежели они коснутся
„Европы. Шелкъ, составляющій одѣяніе на-
„шихъ Королей, самая лучшая сталь, самая
„дорогая мѣдь, и богатѣйшие металлы сыски-
„ваются въ сихъ отдаленныхъ Государствахъ,
„и тотъ народъ приметъ первое мѣсто ме-
„жду Государствами, которой морскую дорогу
„лучше всѣхъ узнаетъ, и присвоитъ себѣ чрезъ
„мореплаваніе богатства неизвѣстнаго свѣта.„

„Отаръ требуетъ два корабля, на кото-
„рые посадитъ искусныхъ и опытныхъ матро-
„совъ и съѣстныхъ припасовъ на двѣнадцать
„лунъ. Онъ умретъ, или откроетъ для Го-
„сударя новыя Государства.„

Алфредъ принялъ съ удовольствіемъ сіе предложеніе. Два корабля съ мореходцами изъ Нордландіи, оставили Голголандскія берега, и Отаръ направилъ парусы свои прямо

къ

къ оси свѣта. Онъ увидѣлъ крайній конецъ извѣстныя земли, море открылось съ востока въ неизмѣримое пространство, и твердая земля убѣгала со стороны Сѣвера. Отаръ подвинулся гораздо далѣе къ Сѣверу, куда никто изъ смертныхъ до него не плавалъ. Море было открыто, и опасности, которыя надлежало ему преодолѣть, были для его мужества весьма малы. Онъ наловилъ единороговъ, и возвратился въ Англію, нагрузя корабли свои симъ, драгоцѣннымъ лѣкарствомъ противу яду. Но какъ объѣхалъ онъ вершину земнаго шара съ той стороны, съ которой склоняется онъ опять къ Сѣверу, то постигъ его сильный восточный вѣтръ, и сколько ни старался противиться сей смѣльчакъ; но всѣ его труды были тщетны, и онъ прибитъ былъ къ такому берегу, гдѣ нашелъ безопасную пристань, теплые источники и зеленыя луга.

На сихъ берегахъ обитали жители, похожіе на Финновъ, между которыми жилъ Отаръ, малаго роста, скверннообразны, но привычные къ сношенію всѣхъ житейскихъ тягостей, и неутомимые въ труднѣйшихъ работахъ; нападали они съ худыми оружіями, безъ помощи желѣза на страшнаго кита, мясо котораго служило имъ пищею, а кости къ сооруженію хижинъ. Они искали подъ льдомъ трусливую морскую собаку, и убивали ее рогатинами, на концахъ которыхъ насажены были кости.

Рыбы служили имъ хлѣбомъ и всѣмъ ихъ пропитаніемъ, ибо земля ничего не произращала такого, чѣмъ бы могли люди содержать свою жизнь; земля покрыта была каменными горами и внутри наполнена высокими льдяными холмами. Никогда дерево не разпускалось, и желѣзная земля не произращала никакого плода.

Отаровы корабли были нѣсколько бурею повреждены, для исправленія которыхъ потребно было нѣсколько недѣль. Онъ употребилъ сіе время къ познанію народа, обитавшаго на новооткрытыхъ берегахъ, помогалъ дикимъ въ ловленіи рыбъ, одарилъ ихъ желѣзнымъ оружіемъ, и научилъ ихъ прикрѣплять копья къ длиннымъ канатамъ, которые они кидали въ кита; на сихъ канатахъ рыба влачила самыхъ своихъ гонителей съ быстротою, которой никакая буря не могла подражать до тѣхъ поръ, пока истеченіе крови ее изнуряло. Отаръ показалъ имъ цѣну зубовъ сильной морской лошади и средства покорять оную; онъ далъ имъ отвѣдать вкусъ хлѣба, и обѣщалъ имъ пріѣзжать въ слѣдующіе годы съ плодами искусствъ обходительныхъ земель, и вымѣнивать у нихъ добычу кита и морской собаки.

Сколько Отаръ ни прилѣпленъ былъ къ вольности, однако онъ не нашелъ ни одной земли, которая бы была безъ обладателя. Весь Сѣверъ находился подъ владѣніемъ малыхъ Князей, данниковъ великихъ Королей въ Упсалѣ,

Летрѣ

летрѣ и Норманландіи. Жители Сѣверныхъ береговъ повиновались верьховнымъ особамъ и законамъ. Всѣ платили подати Государству, а посвящали часть своей вольности общественному благу.

Здѣсь въ западномъ Сѣверѣ Отаръ не нашелъ никакихъ слѣдовъ подчиненности, никакого превосходнаго человѣка, никакого закона, никакого наказанія и никакого награжденія. Каждой отецъ есть господинъ своихъ дѣтей; но участникъ его хижины, живущей съ нимъ подъ одною кровлею, не требуетъ отъ него никакого послушанія, не оказываетъ ему напротивъ никакой подчиненности, и живетъ, какъ его братъ, въ совершенномъ съ нимъ равенствѣ при общественной лампадѣ. Двадцать хижинъ другъ возлѣ друга вкопались въ землю при рыбномъ заливѣ, пятдьесятъ семействъ живутъ въ сихъ хижинахъ такъ, что ни одинъ человѣкъ ни мало не можетъ другимъ повелѣвать, ни самъ принимать отъ другаго повелѣнія, такъ что нѣтъ ни одного изобильнаго рыбою залива, который бы находился у какого нибудь сограждданина въ такой власти, которая бы простиралась далѣе простаго впечатлѣнія, которое лучшій совѣтъ влечетъ за собою неизбѣжно. Дикіе сіи собираются въ общія хижины, въ маленькія деревни, и садятся вмѣстѣ на большія лодки, въ которыхъ они переѣзжаютъ отъ одного залива къ другому, гдѣ довленіе рыбъ изобильнѣе. Они соединяютъ

свои силы для построенія такого судна, заключаютЪ союзЪ противЪ кита, ведутЪ противЪ него вообще войну и дѣлятЪ добычу. Но никакой изЪ сихЪ союзовЪ не обязываетЪ ни одного изЪ жителей вЪ малѣйшей другому подчиненности.

ОтарЪ сЪ жадностію любопытствовалЪ узнать дѣйствія сего общежитія безЪ законовЪ, и люди вЪ ономЪ меньше ли дружелюбны, и состояніе ихЪ хуже ли другихЪ. ОнЪ нашелЪ мало разности между свободнѣйшими изЪ всѣхЪ людей, жителями СѣверозападныхЪ береговЪ, и между обходительными Европейцами. Добро было здѣсь, такЪ какЪ у ЕвропейцовЪ, смѣшанно со зломЪ. Дикіе терпѣли столько же хорошо одинЪ другаго, какЪ и тѣ, надЪ гнѣвомЪ которыхЪ бдитЪ мстительной законЪ; весьма рѣдко случается, что дикой озлобляетЪ или бьетЪ другаго себѣ подобнаго человѣка. Многія сѣмейства живутЪ вЪ одной хижинѣ, хотя безЪ взаимной привязанности, но смирно: при раздѣленіи общей добычи рѣдко происходитЪ ссора; самая любовь, которая и между животными возбуждаетЪ кровопролитнѣйшія драки, не нарушаетЪ безпристрастія сихЪ уединенныхЪ НордманцовЪ.

Они конечно еще холоднѣе другЪ кЪ другу вЪ должностяхЪ человѣколюбія. Дитя, котораго мать умираетЪ, должно неизбѣжно умереть; поелику никакая другая женщина

не

не приметъ о бѣдномъ попеченія. Они не наслаждаются въ болѣзняхъ своихъ лѣкарствами употребляемыми всѣми обходительными народами: при ихъ частыхъ переселеніяхъ больной для здоровыхъ есть такая тягость, которою они себя не могутъ обременять. Но какъ никакой мститель нарушенныхъ законовъ не угрожаетъ злодѣю, то ссора влечетъ за собою смертоубійство. Раздраженной дикой, нашедши непріятеля своего одного въ пространной обширности моря; опрокидываетъ часто его челнокъ, или низвергаетъ его тайно съ стремнины. Однако злодѣянія сіи не чаще и не всеобщія, какъ у тѣхъ народовъ, кои живутъ подъ строжайшимъ предначертаніемъ вѣры и гражданскихъ наказаній.

Супружества столько же постоянны и столько же согласны, какъ и въ другихъ Государствахъ; только безплодіе ненавистно, поелику дѣти, а преимущественно сыновья, единая помощь, которыя родители могутъ надѣяться въ своей старости въ тѣхъ странахъ, гдѣ люди не довольно близко другъ съ другомъ сопряжены, чтобы взаимно другимъ вспомоществовать.

Чувствованіе чести столько сильно, какъ и у обходительныхъ Сѣверныхъ народовъ; оно простирается даже на славу, которая пріобрѣтается остроуміемъ, и которой дикіе сіи стараются посредѣ самой той жизни, которая,

кажется, посвящена единственно нуждамЪ первой необходимости. Но еще сильнѣе жадность кЪ имѣнію. Но дикіе сіи гораздо извинительнѣе обходительныхЪ народовЪ: содержаніе ихЪ жизни подвержено тысячи опасностей и нещастныхЪ случаевЪ, и самое ихЪ изобиліе состоитЪ единственно вЪ жизненныхЪ средствахЪ, которыя каждую минуту могутЪ сдѣлаться нуждою.

НедостатокЪ общественной жизни есть можетЪ быть причиною, которая дикимЪ симЪ препятствовала радѣть о скотоводствѣ. Природа производитЪ дикихЪ козЪ, но никто не умѣетЪ здѣсь пріобучить ихЪ кЪ повиновенію и сожитію сЪ человѣками. Люди теряютЪ чрезЪ то лучшее и извѣстнѣйшее пропитаніе, нежели то, которое зависитЪ отЪ моря и отЪ вѣтровЪ.

ОтарЪ повѣрилЪ наконецЪ, что вЪ весьма пустой землѣ, гдѣ изобильное находится пространство для малаго числа людей, гдѣ море стоитЪ для всѣхЪ открыто и доставляетЪ всѣмЪ содержаніе, гдѣ нѣтЪ ни полей, ни луговЪ, и никакой собственности, кромѣ того, что предлежитЪ очамЪ обожателя, и что наконецЪ вЪ холодной землѣ, вЪ которой всѣ изЪ страсти, и самое сильнѣйшее всѣхЪ побужденіе кЪ любви, умѣренные люди конечно могутЪ жить безЪ начальства; что также общія необходимости и выгоды могутЪ склонить сихЪ равнодушныхЪ людей кЪ общественствен-

ственной жизни, и что пороки не производятЪ у нихЪ величайшихЪ злодѣяній, нежели меньше дѣйствительны, и дѣлаютЪ ограничивающее наказаніе меньше нужнымЪ.

Отаровы корабли были паки вооружены противЪ морскихЪ опасностей. Благосклонный Сѣверовосточный вѣтрЪ несЪ отважнаго мореходца предЪ полуденною вершиною ледовитыхЪ береговЪ. Земля склонялась кЪ Сѣверу, широкой заливЪ открылся, сильчая рѣка многими устьями впадала вЪ море и служила безопасною гаванью. НордландецЪ нашелЪ сію страну, хотя она была сѣвернѣе береговЪ дикихЪ, обитаемую обходительными людьми. Біарміары имѣли Короля и богослуженіе; они жили вЪ теплыхЪ и спокойныхЪ домахЪ и находили вЪ рыболовствѣ, вЪ охотѣ, вЪ многочисленныхЪ своихЪ стадахЪ, вЪ плодахЪ земныхЪ, довольное свое пропитаніе. НародЪ сей уподоблялся ОтаровымЪ ФиннамЪ. ОтарЪ узналЪ пользу общественной жизни; Сѣверная стужа, продолжительныя зимы, раззорительные вѣтры, господствовали здѣсь, какЪ у СѣверозападныхЪ дикихЪ; но соединенныя силы человѣческія поправили природу. Земля сдѣлалась подЪ ихЪ руками плодоносною; они знали пользу орудій, помогали другЪ другу взаимно вЪ сооруженіи и построеніи своихЪ домовЪ; недостатокЪ не заставлялЪ ихЪ плутать по разнымЪ мѣстамЪ вЪ пустой землѣ; они имѣли сады и поле, мѣняли изобиліе свое на полезные товары ЮжныхЪ на-

народовъ; они не были подвержены голоду, часто угнѣтающему дикихъ при неблагополучной погодѣ. Что было бы для одного человѣка невозможнымъ, то вынуживали соединенныя силы множества. Знанія обходительныхъ народовъ кинули и въ сіи отдаленныя земли часть своихъ лучей; они признавали и почитали верьховное существо.

Отаръ нашелъ, что вѣра подкрѣпляетъ союзъ человѣчества, и обязываетъ насъ противъ нашихъ братій къ такимъ должностямъ, которыхъ дикой и не вѣдаетъ; что мы сострадаціе ощущаемъ, нѣжнѣе и усерднѣе облегчаемъ нужду и нещастіе другихъ; и что наконецъ люди, не въ обществѣ живущіе, не дѣлаютъ приращенія въ малыхъ своихъ знаніяхъ, ничего не изобрѣтаютъ, и ничто не усовершаютъ; и напротивъ того обходительные народы ежедневно открываютъ новѣйшія средства къ облегченію бремени жизни и къ умноженію пріятныхъ чувствованій, и что они возрастаютъ и приращаются, между тѣмъ какъ дикіе народы остаются въ вѣчномъ робячествѣ.

Отаръ поднялъ еще свои парусы, и благосклонной Сѣверозападной вѣтръ понесъ его къ Сѣверному полюсу земнаго шара. Онъ прошелъ мимо нѣкотораго острова, далеко по ту сторону земель, обитаемыхъ людьми, къ Востоку великаго острова, покрывающагося вѣчнымъ льдомъ, гдѣ малое, производимое природою, питаетъ только нѣ-

нѣкоторыхъ звѣрей. Сей островокъ былъ раздѣляемъ высокими холмами, и около оныхъ море кишило китами. Отаръ чаялъ, что онъ въ сихъ никѣмъ еще никогда не посѣщаемыхъ странахъ открылъ неизчерпаемое сокровище (*), и онымъ наградить щедроту Короля Саксонскаго.

Онъ предпріялъ твердое намѣреніе исполнить желанія Алфредовы и открыть путь въ Китай Ниппонъ, о величествѣ и богатствѣ которыхъ носился слухъ въ Европѣ. Онъ проплылъ въ самые полудни мимо маленькаго острова (**), гдѣ увидѣлъ восходящій дымъ. И здѣсь находятся люди, столь близко къ краю свѣта, сказалъ Отаръ; и скоро увидѣлъ онъ нѣсколько чужестранцовъ, завернувшихся въ шубы, идущихъ по берегу и побуждавшихъ его движеніями и плачевнымъ крикомъ къ поданію помощи.

Великодушное и сострадательное сердце Отарово не могло взирать на жаждущаго человѣка, не принимая участія въ его несчастіи. Онъ сѣлъ въ челнокъ, и подалъ дружески руку знатнѣйшему изъ оставленныхъ. Это были Біармієрцы, языкъ которыхъ Отару былъ не совсѣмъ страненъ. Они его просили ради перьвѣйшихъ

(*) Шпицбергенъ.
(**) Истинная исторія Лоцмана Гомкофа и его спутниковъ.

вѣйшихъ правъ человѣчества, извлечь ихъ отъ сего уединенія. Старъ тотъ часъ согласился спасть сихъ несчастныхъ; но они просили его взойти на минуту въ хижину, въ которой препроводили они цѣлыя шесть лѣтъ.

Хижина сія врытая въ землю, построена была изъ лѣсу, прибиваемаго морскими волнами по отмѣнному милосердому Всевышняго промыслу къ симъ необитаемымъ берегамъ, отмываемаго отъ отдаленныхъ лѣсовъ. Щели утыканы были мохомъ; никогда не попогасаемый огонь горѣлъ на уединенномъ очагѣ. Богатства несчастныхъ хранились въ хижинѣ. Кожи съ убитыхъ медвѣдей, дорогихъ лисицъ, дикихъ козъ; жиръ самыхъ тѣхъ же животныхъ, нитки, веревки и тканье изъ медвѣжьихъ жилъ, и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ составляли сокровища оставленныхъ. Біарміерцы подчивали гостей своихъ звѣринымъ мясомъ, а Нордманцы заставили ихъ вкусить паки давно забытый ими сокъ изъ ячменя.

Послѣ обѣда принесли они немногія свои богатства и оружія на корабль, и благополучный западный вѣтръ споспѣшествовалъ путешествію ихъ къ краю Востока. Для разгнанія уединенія и скуки своего кораблеплаванія Стаіръ просилъ спасенныхъ разказать себѣ свое приключеніе.

Мы рыбаки, сказалъ старшій Біарміеръ, отправившіеся для ловли китовъ, при семъ остро-

вѣ захватилѣ насѣ ледѣ; почему принуждены мы были выйти на землю; гдѣ сыскали себѣ пещеры; вѣ которыхѣ бы мы вѣ семѣ престрашномѣ уединенiи могли укрыться отѣ умерщвляющей стужи. Мы не нашли болѣе ничего кромѣ камней, растрескавшихся отѣ морозу и валившихся вѣ море отвалившимися кусками сѣ великимѣ шумомѣ, голыя поля безѣ деревѣ, безѣ зеленыхѣ произрастѣнiй, снѣгомѣ покрытые холмы, и неизмѣримая всѣми творенiями оставленная степь составляло наше Государство. Мы приняли сѣ собою изѣ корабля нѣсколько желѣза и нѣкоторыя оружiя, которыми безѣ труда убивали сайгу, поколику жители сего берега не видывали еще ни одного человѣка, и не научились спасаться отѣ ея подстереганiй. Ночь наступила, она была коротка; ибо цѣлые мѣсяцы солнце насѣ никогда не оставляло. Сильная буря цѣлую ночь свирѣпствовала вѣ морѣ, а поутру какѣ ледѣ разсѣялся; корабль нашѣ, единое средство кѣ нашему избавленiю, отторгнутѣ былѣ вѣ обширное пространство моря, и невозвратно погибѣ.

Мы увидѣли себя пятерыхѣ заключенныхѣ вѣ темницу, окруженную неизмѣримыми морями, оставшiеся безѣ помощи, и безѣ всякаго почти средства отвратить голодѣ, стужу и свирѣпство вѣтровѣ. Однако самая нужда ободрила насѣ; сайга, низложенная нами, питала насѣ нѣсколько дней. Мы пили разтаенный снѣгѣ, нашли кучу прибитаго волнами кѣ берегу лѣсу, умпо-

умножившагося отъ времени до времени обломками несчастныхъ кораблей. Одинъ топоръ и ножикъ составляли все наше оружiе. Мы не утомимо работали надъ построенiемъ хижины прежде нежели могла напасть на насъ суровая зима. Тренiемъ одного дерева объ другое вытерли огонь, которой мы никогда не погашали. Изъ нѣсколькихъ гвоздѣй, найденныхъ нами въ примытыхъ остаткахъ разбитыхъ кораблей, оковали мы на твердыхъ камняхъ молотокъ и два копѣйца, которыми вооружили мы два шеста; изъ корня, подареннаго намъ также моремъ, изготовили мы лукъ, а изъ гвоздѣй желѣзные иголки на стрѣлы.

Бѣлый медвѣдь, мучитель сихъ острововъ, питавшейся довленiемъ дикихъ козъ, напалъ на насъ; но мы прiуготовились къ бою, низложили сего свирѣпаго звѣря нашими копьями. Жилы его перепряли мы въ нитки, которыя употребили на тетивы для лука, на веревки для разныхъ потребностей, и которыя служили также намъ для сшитiя себѣ плашья изъ кожъ убитыхъ нами звѣрей.

Лукъ, которой былъ въ дали смертеленъ, дѣлалъ насъ обладателями звѣрей, обитавшихъ уединенно на островѣ. Мы убивали медвѣдей, застрѣливали великое множество лисицъ, и столь много дикихъ козъ, сколько потребно было намъ для нашего пропитанiя. Удами, на которыя мы насаживали по кусочку мяса удобно

но обманывали мы рыбъ, и умножали тѣмъ нашъ запасъ. Мы нашли глину, и сдѣлали изъ оной глиняные горшки, въ которыхъ мы могли варить, и лампаду, которую мы наполняли медвѣжимъ жиромъ, и освѣщали онымъ во время продолженія зимы мракъ долговременныя ночи. Свѣтильни дѣлали мы изъ веревокъ, примываемыхъ къ намъ иногда съ обломками раздробленныхъ кораблей. Одна низкая но вкусная и здоровая трава, служила къ перемѣнѣ нашихъ обѣдовъ.

Шесть разъ видѣли мы вѣчный день лѣта, и шесть разъ вытерпѣли мы ужасную ночь, покрывающую чрезъ многіе мѣсяцы печальныя сіи поля своею тѣнью. Хижина наша и огонь, котораго мы никогда не гасили, удерживали съ одной стороны снѣгъ, подъ коимъ жилище наше было погребено, а съ другой умѣряли стужу послѣднихъ зимнихъ мѣсяцовъ, и дѣлали ихъ намъ нѣсколько сноснѣйшими. Долгіе часы препровождали мы въ претрудныхъ работахъ, которыя долгота времени дѣлала намъ возможными, ибо мы наконецъ до того уже дошли, что изъ гвоздей умѣли дѣлать иголки.

Мы испытали, что образъ нашей жизни не совсѣмъ превосходилъ силы человѣческія, мысль сія оживотворяла насъ въ сихъ минутахъ печали, которой мы не могли избѣжать. Увы! помышлялъ я самъ въ себѣ, мы должны уме-

умереть; счастливъ изъ насъ тотъ, кто умретъ прежде, кто еще услышитъ гласъ утѣшительныхъ своихъ друзей, кто въ послѣдней своей слабости можетъ надѣяться нѣкоторой еще помощи, которому другіе человѣки сомкнутъ глаза. Но какая будетъ участь пережившаго другихъ, который останется безъ друзей, безъ помощи, не въ силахъ будетъ снискивать себѣ для насыщенія пищи, которая есть главнѣйшая необходимость человѣка, и для утоленія жажды воды, такимъ образомъ онъ долженъ будетъ уединенно изтощиться и живой изтлѣть.

Притомъ нужнѣйшія орудія угрожали оставить насъ; топоръ служившей намъ въ рубленіи дровъ, для избавленія насъ отъ стужи, вырубился до самаго обуха. Отъ одного нашего ножа не осталось ничего, и сіи уроны были для насъ не наградимы. Но Творецъ человѣковъ имѣетъ довольно средствъ къ спасенію, сказалъ обходительный Біармієрцъ, благость его привлекла изъ отдаленнѣйшаго запада Героя, которому онъ ввѣрилъ наше спасеніе.

Отаръ изъявилъ свою радость, что столь жестокое и никакими пороками не заслуженное несчастіе найденъ достойнымъ окончить.

Чтобы былъ, сказалъ онъ въ размышленіи, человѣкъ безъ знаній, которыя безъ сей обходительной жизни былибы не возможны? Нѣ-

нѣсколько желѣзъ, плодъ соединеннаго труда рудокопа, кузнеца, угольщика, горшешника, каменьщика, плотника и безчисленныхъ другихъ художниковъ, спасли жизнь несчастныхъ Біарміерцовъ. Отъ обходительной жизни научились они перетворять желѣзо, дѣлать изъ глины сосуды, вить изъ нитокъ веревки, и шить изъ кожъ убитыхъ звѣрей платье. Человѣкъ былъ бы несчастнѣйшій изъ тварей, естьли бы онъ не жилъ въ обществѣ, и можетъ быть человѣческій родъ въ нѣсколько бы лѣтъ весь бы вымеръ, понеже дѣти находятся долѣе всѣхъ животныхъ въ невозможности доставлять самимъ себѣ жизненныя потребности. Естьли бы не преодолимое побужденіе, чувствуемое человѣкомъ къ обществу, не обязывало отца и мать, ничто не награждающаго и единое мученіе причиняющаго родителямъ новаго человѣка воспитывать нѣжно, и противъ совѣтовъ своего самолюбія жертвовать слабымъ дѣтямъ своимъ спокойствіемъ, веселіемъ, праздностію и самымъ своимъ къ болѣзни отвращеніемъ.

Отаръ, при благополучномъ вѣтрѣ плылъ нѣсколько времени къ востоку, но солнце вступившее уже въ знакъ дѣвы, долгій день убывалъ, вѣтры сдѣлались суровѣе, тягостный туманъ покрылъ море, великіе плавающіе ледяные острова окружили корабль. Мужественные Нормандцы не страшились смерти, хотя бы она и вдругъ встрѣтилась имъ въ видѣ копья или меча. Но они знали, что при ледистыхъ

Сѣвер-

сѣверныхъ берегахъ каждая гавань была бы ихъ громомъ, что въ неизмѣримыхъ пространствахъ не было ни одной земли, которая бы производила нужнѣйшія хотя для жизни вещи, что корабль ихъ глыбамъ льда не могъ противиться, что весьма сомнительно, чтобы столь отдаленныя страны, были населены хотя дикими людьми, и что бѣдственная смерть, голодъ и морозъ ихъ ожидаютъ, которымъ никакое мужество не можетъ противиться.

Георой не охотно склонился, кораблеплаваніе отъ огустѣлаго воздуха столь сдѣлалось труднымъ, что каждую минуту находились они въ опасности, что бы корабль ихъ не разбился объ невидимой подъводной камень, или объ неизбѣжимой островъ. Впрочемъ и запасъ также исходилъ, который они не прежде надѣялись получить, какъ по прибытіи къ отдаленнымъ южнымъ странамъ. Отаръ долженъ былъ уступить желѣзной необходимости, и перемѣнить свой путь. Онъ привезъ благодарныхъ Біармировъ въ свою отчизну; нагрузилъ корабль свой рѣдкими мѣхами, и хищеніемъ звѣрей Сѣверныхъ морей: и при началѣ зимы, по претерпѣніи великихъ опасностей, вторично прибылъ онъ въ Голландію, перезимовалъ у своего народа, слушавшаго съ удивленіемъ повѣсти геройскихъ сопутниковъ, ѣздившихъ по столь многимъ никогда не преплаваемымъ морямъ, видѣвшихъ людей другаго вида и странныхъ обычаевъ, которые отважились приближиться

житься къ полюсу, нежели смертные могли надѣяться.

Слѣдующею весною Отаръ возвратился въ Англію, и привезъ Королю Сѣверные подарки, зубы морской лошади, дорогіе мѣха, Біармировъ и Обдорейцовъ, оружіе высокопочитаемаго единорога, усы побѣжденныхъ китовъ. Алфредъ слушалъ съ удовольствіемъ приключенія своего путешественника, и повѣствованія о людяхъ оставленныхъ единственно природѣ. Онъ былъ слишкомъ человѣколюбивъ, чтобъ подвергнуть мужественныхъ своихъ мореходцевъ очевидной опасности смерти, въ дальныхъ путешествіяхъ на край Сѣвера; почему и поручилъ предпріимчивому Отару другое дѣло, удобнѣйшее къ исполненію.

Норманецъ долженъ былъ отъѣхать въ Восточное или Балтійское море, простирающееся изъ великаго Океана, между Скандинавіею и Германіею весьма далеко къ Востоку. Онъ проплылъ на караблѣ изрядно вооруженномъ чрезъ Зундъ, отдѣляющій Датскія острова отъ Государства. Готовъ, и проѣхалъ рѣку произтекающую изъ древняго отечества Англовъ. Весь народъ переселился въ кротчайшую Британію, и опустѣлая земля была тогда обитаема Датчанами.. Отаръ прибылъ къ устью Вислы, и къ землѣ, изъ которой вывозится въ прочіе Государства янтарь, выкидываемый моремъ на берегъ, нагрузилъ свой корабль сею благовонною смолою,

служившею къ украшенію женщинъ. Онъ посѣтилъ неизмѣримые Естландскія берега, жилище благородныхъ, и невольниковъ. Обширные лѣса покрывали всю землю, кромѣ нѣкоторой малой части; одинъ Сарматской дворянинъ имѣлъ тамъ свой дворъ, около котораго жили въ бѣдныхъ хижинахъ его невольники, пахавшіе для него землю, и долженствовавшіе ожидать отъ него ежедневнаго своего пропитанія, коихъ жизнь, и честь ихъ женъ зависѣла также отъ воли господина. Помѣщикъ не зналъ другаго счастія, кромѣ войны и охоты подражанія оныя, сыскивалъ въ логовищахъ дикихъ быковъ, и медвѣдей въ зимныхъ берлогахъ. Науки, художества, торговля не проникнули еще до сихъ мѣстъ дикія природы. Бѣдный крестьянинъ, былъ ежедневно побуждаемъ жестокосердымъ прикащикомъ къ работѣ, и единственно для того, дабы господинъ его могъ жить въ праздности; къ такой работѣ, отъ которой онъ не могъ ничего надѣятся, кромѣ того, что побуждаемъ былъ къ оной бичемъ немилосердаго правителя. Непрестанное притѣсненіе, подъ которымъ бѣдные стѣнали, худое возмѣздіе за ихъ труды, презрѣніе необлегчаемое никакими добрыми услугами, дѣлали рабовъ сихъ злобными, и непріятелями своихъ господъ. Они дѣлались лѣнивыми, поколику они работали не для себя, упрямыми, понеже они должны были принуждать злую свою волю, къ воровству склонны; ибо въ нужныхъ вещахъ имѣли недостатокъ,

раз-

разпутны, поелику ни одинъ человѣкъ не оставался въ безопасности, и не могъ противиться упорнымъ требованiямъ необузданныхъ. Сiе было видимымъ дѣйствiемъ рабства притѣсненныхъ, что они не знали больше никакой добродѣтели, и душа ихъ унижалась до того, что они весьма блиско подходили къ звѣрямъ.

Большая часть земли была степь, и самыя пашни Сарматскихъ дворянъ, у недовольнаго земледѣльца были не удобрены, которое могло бы сдѣлать ее плодоносною. Каждый годъ они сжигали часть неупотребительнаго лѣса, и въ горячую землю высѣвали нѣсколько хлѣба, приращенiю, котораго пепелъ, благопрiятствовалъ; но по малымъ жатвамъ слѣдовало вѣчное неплодiе. Подобно животному питаемому человѣкомъ для своихъ выгодъ, крестьянинъ получалъ скудный хлѣбъ, и невкусный напитокъ, который одна только нужда заставляла сносить. Жизнь становилась ему въ тягость, а смерть почиталъ онъ спасенiемъ. Цѣлыя неизмѣримыя Государства находились подъ желѣзнымъ скипетромъ немногихъ благородныхъ. (а) Великiя сiи земли не имѣли своихъ собственныхъ силъ, по чему и дѣлались хищенiемъ каждаго Князя, которому повиновались его подданные. Никакiя союзы не соединя-

(а) Путешествiе сiе приписывается Англу Вулфстену.

ли сильныхъ благородныхъ къ общественнымъ намѣреніямъ, никто изъ нихъ не принималъ отъ другаго никакого повелѣнія, никто не хотѣлъ жертвовать самою малѣйшею частію своего достатка, ниже своея вольности для спасенія цѣлаго. По одиначкѣ покоряли ихъ безъ всякаго труда, рабы ихъ не имѣли ничего надѣятся отъ суровыхъ своихъ господъ, и ничего не теряли при ихъ паденіи.

Отаръ достигъ до конца Восточнаго, или Валтійскаго моря, и до устья той рѣки, на которой тогда уединенные острова покрыты были кустами и дичью, и гдѣ въ книгахъ провидѣнія начертанъ былъ городъ, который по многихъ столѣтіяхъ вознесется на высоту, отъ которой сто народовъ будутъ принимать повелѣнія, обладатель, котораго воздвигнетъ неизмѣримо обширное Государство отъ земли Серовъ, до предѣловъ Эстландіи. Отаръ возвратился, и привезъ сокровища сихъ уединенныхъ странъ; мѣха обильныя дичины, отборную амбру, и медъ дикихъ пчелъ, подающихъ тщетно человѣку примѣръ счастливаго прилѣжанія.

Алфредъ, съ удовольствіемъ слушалъ, о состояніи Государства, гдѣ обладалъ Воданъ дѣдъ его, и гдѣ онъ съ престола поставленъ былъ на жертвенникъ. Онъ съ примѣчаніемъ внималъ описанію злоупотребленія, которое дѣлаютъ люди изъ дара природы, когда ника-

какіе мудрые законы не соединяютъ силъ ихъ къ общему предмѣту. Онъ вознамѣрился еще ревностнѣе разорвать оковы человѣковъ, чрезъ которыя душа ихъ унижается, и теряетъ тѣ великія преимущества, дѣлающія ее образомъ Божіимъ. Онъ наградилъ Отара по царски, и ввѣрилъ ему начальство надъ десятью къ войнѣ вооруженными кораблями.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Первая любовь Алфредова.

Важность Исторіи не позволяла намъ до сихъ мѣстъ говорить о сей любви, одна молва сохранила воспоминаніе оной, подъ именами Эдгаръ и Емма, старая пѣсня, которая и понынѣ еще возбуждаетъ то же движеніе, которое она раждала прежде въ Саксонцахъ. Какъ сія древняя лѣтопись не имѣетъ ничего вреднаго славѣ сего великаго Государя, то и не хотимъ мы ее скрывать.

Когда Алфредъ скрывался еще у пастуховъ (а) своего отца, то онъ извѣстенъ уже былъ во всей странѣ подъ именемъ Вульфа. Онъ такъ хорошо умѣлъ притворять свой видъ, что и самые придворные не могли его узнать. Изъ Ательнейскихъ болотъ выбѣгалъ онъ часто съ нѣкоторыми равно бѣглыми Саксонцами противъ непріязненныхъ Нормандцовъ, отмщевалъ имъ за зло претерпѣваемое его народомъ, снабдѣвалъ воиновъ своихъ запасомъ и оружіемъ. Какъ скоро непріятель на него наступалъ, то разбѣгались свѣдомые о каждомъ местѣчкѣ Саксонцы, и изчезали изъ рукъ Нормановъ.

Весь-

(а) Смотри книгу первую.

Весьма часто Вульфъ сражался благополучно, нѣкогда окруженъ будучи толпою непріятелей, долженъ былъ сражаться съ превосходнѣйшимъ числомъ войска, нежели онъ у себя имѣлъ. Онъ удалился въ узкое мѣсто, окруженное водою, а непріятелямъ оставилъ маленькій только входъ, при которомъ онъ могъ удерживать малымъ числомъ великое множество. Онъ убилъ нѣсколько отважныхъ разбойниковъ, пораженіями изъ лука, который тогда былъ новымъ изобрѣтеніемъ, и которому Агличанѣ въ позднѣйшія времена обязаны были многими побѣдами. Наконецъ удалось Сѣверному воину ранить неизвѣстнаго Государя копьемъ, у котораго потеряніе крови отняло силы, и въ темнотѣ ночи, укрывшей наконецъ Саксонцовъ, спутники принуждены были вывести его изъ опасности.

Въ близи была крѣпость Эдельберта Саксонскаго Графа, крѣпость, въ которой онъ заперся съ великимъ запасомъ, и въ которой взяли многіе бѣглые Саксонцы свое прибѣжище; Норманны устрашившись храбрости Графа, и крѣпости окоповъ оставили свои нападенія. Саксонцы безпокоясь о судбинѣ Алфредовой, пришли ночью, и просили о впущеніи себя въ оную. Вульфъ, говорили они, наносящій страхъ разбойникамъ раненъ. Имя сего мстителя Саксонцовъ было извѣстно каждому другу отечества; ворота для него отворились, и Эдельбертъ принялъ его самъ, какъ такого Героя, произхожденіе котораго ему было неизвѣстно.

Послѣдуя древнимъ обрядамъ честныхъ Германцовъ, Алсвита провожала благороднаго своего отца; прекраснѣйшая дѣвица и съ рѣдкими дарованiями. Вульфъ внесенъ былъ въ залу бездыханенъ, смертельная блѣдность покрывала его лице руки его, силу которыхъ Нормандцы часто ощущали, опустились. Альсвита обнажила раненное плѣчо, и приняла на себя старанiе о ранѣ кавалера; ему дали укрѣпительныя лекарства, и оставили его успокоенiю.

Эдельбертъ и возлюбленная его дочь, ежедневно посѣщали слабаго еще воина. Раны его требовали спасительныхъ попеченiй, Альсвита сама часто налагала на оную нѣжную свою руку. Вульфъ открылъ наконецъ глаза, и узрѣлъ усердныя вниманiя прелѣстныя сея дѣвицы; молодость ея, красота, милостивое ея участвованiе въ его нещастiи, тронули сердце молодаго Государя, и продолжительное время, котораго рана его требовала, доставило любви случай, плѣнить совершенно его сердце. Всякiй день находилъ онъ новыя причины любить Альсвиту; прiятный ея голосъ, кроткая ея невинность, прелѣстныя ея черты, скромность ея нрава столь неограниченно овладѣли имъ, что онъ чувствовалъ, что онъ ее никогда не оставитъ, не сдѣлавшись нещастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Великодушный Эдельбертъ, вѣдалъ добродѣтель своея дщери. Отвлекаемъ будучи вне-

занны-

тайными дѣлами, оставлялъ онъ прекрасную дѣвицу безъ всякаго подозрѣнія у Короля, медлительно выздоровѣвшаго. Добродѣтель Алфредова нимало не противилась новой его любви; онъ не видалъ никакого препятствія соединиться съ Графинею законнымъ союзомъ; однако онъ хотѣлъ испытать ея прежде, нежели изберетъ въ сопутницы своея жизни.

Алфредъ былъ не извѣстенъ всѣмъ своимъ Саксонцамъ, они не знали о немъ ничего, кромѣ его подвиговъ. Онъ продолжалъ скрывать свою породу, и заставлялъ служащихъ себѣ думать, что онъ простый, въ оружіи воспитанный Саксонскій воинъ. Однако при всемъ семъ уничиженіи, старался онъ понравиться дѣвицѣ. Она скоро примѣтила нѣкоторые знаки любви великодушнаго незнакомца. Алфредъ въ невинности своего сердца старался доказать ей почтеніе и удивленіе свое съ такою скромностію, которая совершенно соотвѣтствовала высокому его воспитанію, и котораго Алсвита не могла согласить съ его одѣяніемъ, и низкими его обстоятельствами. Обхожденія большаго свѣта Алфредъ не могъ скрыть. Онъ былъ наилучшій между Саксонцами стихотворецъ; никто не писалъ на ихъ языкѣ съ такою пріятностію, которая ему была свойственна. Онъ забавлялъ младую Графиню, то краткими поэмами, то маленькими повѣстьми, пріятность которыхъ плѣняла ее, и принуждала нѣкоторымъ образомъ провождать часы свои въ его присутствіи.

Алфредъ разсказывалъ имъ подъ ложнымъ именемъ свои путешествія и свои войны; онъ присутствовалъ при великихъ сраженіяхъ, какъ онъ говорилъ, на коихъ онъ дѣйствительно самъ былъ предводителемъ. Великолѣпіе могущаго Рима, изящности благополучныя Италіи, миртовыя рощи, лѣса изъ торжественныхъ лавровъ, всегда цвѣтущія острова Средиземнаго моря, умѣлъ онъ описать съ такою живностію, которая очаровала Алсвиту. О собственныхъ ея прелестяхъ, о преимуществахъ ея души, говорилъ онъ, какъ простый пастухъ, несмѣющій возвесть глазъ своихъ на высокородную Принцессу, но чувствующій однако всѣ ея превосходства; онъ вмѣшивалъ чувствованія свои въ пѣсни, которыя по словамъ его были древнія, но вымышленныя для Алсвиты, и приличествующія ей одной. Когда она краснѣла, то Алфредъ опасаясь, чтобы она не пресѣкла съ лишкомъ отважнаго обращенія, умѣлъ безъ всякаго принужденія перемѣнять свой разговоръ къ стамѣ и столь искусно, что дѣлалъ изъ онаго почтительную шутку. Онъ сопровождалъ пѣсни свои лютнею, на которой онъ превосходно игралъ, и пріятность которой придавала трогающая сила величественнаго его голоса.

Младая Графиня, въ первыхъ лѣтахъ своего юношества, по обыкновенію тогдашнихъ временъ была воспитана въ родительскомъ замкѣ, знала многихъ отважныхъ воиновъ, и

мужественныхъ рыцарей: но благороднаго Алфреда пріятность, и плѣняющая разговоровъ его острота имѣла въ себѣ для нее нѣчто совсѣмъ новое. Образъ Царской, которой онъ нѣкоторымъ образомъ художественнымъ цвѣтомъ притворялъ, не могъ однако быть совсѣмъ перемѣненъ, и благородство души его блистало изъ живыхъ его очей. Нечувствительно понравилось обхожденіе, а въ скорѣ и особа незнакомца невинной дѣвицѣ, и сердце ее плѣнилось прежде, нежели она могла примѣтить его склонность.

Впечатлѣніе, сдѣланное имъ на младую Графиню, не могло скрыться отъ прозорливаго Алфреда; онъ отважился открыться ей въ любви своей къ ней въ яснѣйшихъ выраженіяхъ. Онъ умѣлъ изобразить ей чувствованія, сердце его колеблющія, не употребляя формальнаго объявленія. Невинная Алсвита не зная, до какой точки уже она была обязана, сама не сумнѣвалась о впечатлѣніи сдѣланномъ на ея сердцѣ заслугою славнаго и любви достойнаго незнакомца. Она привыкла взоры его встрѣчать своими взорами, голосъ ея принялъ довѣренную пріятность, которую невинная юность позволяетъ тому, который научилъ ее первой любви. Она имѣла малыя тайны, которыя одинъ Алфредъ долженъ былъ знать, и она подпѣвала ему и сердцемъ и голосомъ, когда онъ воспѣвалъ любовь подъ занятымъ именемъ.

Рана Царская затворилась и ему недоставало причинъ долѣе мѣшкать въ Графскомъ замкѣ; сверьхъ сего все приготовлялось къ предпріятіямъ долженствовавшимъ возвести его паки на престолъ Саксонскій; и онъ уже былъ довольно мудръ, чтобъ жертвовать лю зи тѣмъ, чѣмъ онъ обязанъ былъ своему народу и собственному своему достоинству. Однако онъ не могъ рѣшиться разорвать тайныя оковы, привергающія его къ возлюбленной Алсвитѣ, не взявъ съ собою увѣренія; что сердце ея совсѣмъ ему предано. Онъ вознамѣрился притвориться, что ему совсѣмъ не свойственно, онъ такъ разсуждалъ самъ въ себѣ, что краткое мученіе, которое онъ нанесетъ Графинѣ, наградится нѣжнѣйшею и постояннѣйшую любовію.

Еделбертъ отъѣхалъ къ рыцарскому упражненію, выписанному другимъ велможею. Алфредова рука не довольно еще укрѣпилась для претерпѣнія принужденныхъ силъ; Едельбертъ оставилъ его въ замкѣ лежащемъ на холму. Въ пещерѣ изъ одной скалы изтекалъ прохладный источникъ, служившій младой Графинѣ убѣжищемъ во время великихъ лѣтнихъ жаровъ. Вулфъ, сказала возлюбленная сія особа, не знаетъ еще наизнатнѣйшаго замка сего украшенія; она повела его въ пещеру. Алфредъ не предпринималъ ничего такого, чего бы добродѣтель ея могла страшиться; и хотя онъ ей нравился, и она угодность сію не могла больше

скрыть,

открыть, однако она почитала его за простаго, храбраго юношу низкаго происхожденія, на представленія котораго она никогда не склонится, сколько въ прочемъ ей ни были пріятны хорошія его свойства.

Алфредъ улучивъ такое время, когда находился онъ одинъ у младой Графини, сказалъ ей съ крайнимъ умиленіемъ, рокъ мой свершается сударыня, я долженъ оставить сей замокъ, въ которомъ я наслаждаяся столь многими милостьми. Я до такой крайности неблагодаренъ, что желалъ бы лучше, чтобъ я никогда въ ономъ не былъ приниманъ. Алсвиту казалось устраинло сіе предложеніе; но притворившійся Король продолжалъ: мнѣ не возможно умолчать, что я весьма часто видалъ прекрасную Алсвиту, и что ея прелести и добродѣтель сдѣлаютъ мнѣ остальные дни моей жизни несносными.

При сихъ словахъ щеки младыя Графиня покрылись румянцемъ; гордость предковъ ея не позволяла ей видѣть, въ влюбленномъ Алфредѣ другаго, какъ человѣка, недостойнаго ея. Но нѣчто говорило въ сердцѣ ея за незнакомца, и остановило волненіе такого ея негодованія. Она сказала съ смущеніемъ. Вулдъ забываетъ, что онъ былъ раненъ, и что замокъ моего родителя принялъ его только какъ воина, имѣвшаго нужду въ нашей помощи, и который былъ, не недостоинъ оныя. Вулфъ не за-

забываетъ достоинства Алсвитина, прервалъ Принцъ рѣчь своея возлюбленныя; онъ одинъ знаетъ цѣну превосходныя дѣвицы, которую онъ имѣлъ нещастіе озлобить; но есть чувствованія, которыхъ никакое возраженіе разума загладить не могутъ, и никто не ощущалъ еще того, что я чувствую къ Алсвитѣ. Умереть я могу, я видалъ часто грозящею смерть, и видалъ ее близко, но не возможно мнѣ скрыть, сколько нещастнымъ я буду почитать себя, естьли Алсвита презритъ меня.

Я знаю Вульфовы заслуги продолжала младая Графиня, съ скромностію потупя глаза; отецъ мой почитаетъ въ немъ героя проливщаго кровь свою за спасеніе Саксонцовъ. Я не изъ презрѣнія должна убѣгать такихъ рѣчей, которыя не могутъ сдѣлать никакого дѣйствія. Не отъ меня зависитъ пресѣчь разности, положенныя самою добродѣтелію между состояніями человѣковъ. Вульфъ найдетъ красавицу равнаго себѣ состоянія, которая склонится на его любовь и оную наградитъ.

И такъ приговоръ мой произнесенъ, сказалъ Алфредъ съ притворствомъ въ своихъ чертахъ, означающихъ наиглубочайшее смущеніе. Я съ сожалѣніемъ оставлю сей замокъ, но Алсвита не воспрепятствуетъ мнѣ понести съ собою нещастную любовь въ тѣ опасности, въ которыя влечетъ меня мое состояніе. Она не возбранитъ, чтобы образъ ея былъ послѣднимъ

нимъ моимъ чувствованіемъ, а имя ее послѣднимъ изрѣченіемъ.

Столь скромный и достойный молодой человѣкъ каковъ есть Вульфъ, можетъ ли, говорила ему невинная Графиня съ крайнимъ движеніемъ, быть столь несправедливъ, чтобъ требовать отъ дѣвицы, чего она не можетъ позволить не сдѣлавшись недостойною носимаго ею имени! Можетъ ли онъ надѣяться, что Едельбертъ оправдаетъ его любовь, можетъ ли онъ требовать, чтобъ Алсвита ослушалась наипочтеннѣйшаго изъ родителей? Естьлибы я по крайней мѣрѣ знала, отъ кого Вулфъ родился, и какая разность находится между имъ и Алсвитою.

Вулфъ, продолжалъ Алфредъ, происходитъ изъ благороднаго колѣна, но щастіе отказало ему въ своихъ дарахъ; онъ бѣденъ, неизбѣжное нещастіе принудило его оставить свое отечество. Честь обязала его проливать кровь вопіющую о мщеніи, и мечь законовъ виситъ надъ его главою.

Гордость Алсвиты чувствовала въ себѣ нѣкоторое успокоеніе, услышавъ, что рожденіе Вульфово не было непреодолимымъ препятствомъ. Она презирала дары щастія, тысяча благородныхъ Саксонцовъ потеряли имѣніе свое отъ руки побѣдоносныхъ разбойниковъ, и сохранили только мечь свой, не потерявъ ни-

ничего изъ вниманія, которое всегда имѣли къ ихъ происхожденію. Сердце младой Графини чувствовало нѣкоторое облегченіе, но она была съ лишкомъ добродѣтельна, дабы отдаться лестнымъ надеждамъ, возвышавшимся тайно и робко въ глубинѣ ея сердца. Бесѣда наша съ лишкомъ долго продолжается, сказала она, мы не можемъ ее сей разъ долѣе продолжать.

Алфредъ почиталъ слова сіи предмѣта своея любви за знакъ чувствованія много ему обѣщавшаго, и онъ почиталъ уже себя за имѣющаго право остаться еще на нѣсколько дней въ замкѣ. Графъ вскорѣ по томъ пріуготовилъ птичью ловлю, которая была наипріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени Саксонскихъ дворянъ; почитая съ искреннимъ чистосердіемъ храбраго Вульфа не могъ лишить его сего веселья. Алфредъ умѣлъ превосходно управлять соколомъ, и сія охота была наипріятнѣйшимъ въ юношествѣ его упражненіемъ. Изъ сего познанія Алсвита съ великимъ удовольствіемъ заключила, что Вульфу надлежало произходить изъ такой породы, которой врождены всѣ рыцарскія упражненія.

Соколъ его поймалъ рѣдкую птицу, которую онъ принесъ съ благороднѣйшую учтивостію младой Графинѣ и просилъ ее о позволеніи разпрощаться. Вѣсть сія для нее была болѣзненна, и чѣмъ больше вопрошала она свое сердце, тѣмъ больше находила она его исполненнымъ образомъ воина.

Ал-

Алфредъ посѣтилъ ее въ слѣдующій день, и по нѣсколькихъ снизходительныхъ учтивостяхъ, сказалъ онъ съ большею вольностію: я иду, куда меня призываетъ моя должность, я буду вѣчно почитать любви достойную Алсвиту, и вѣчно буду оплакивать мое несчастіе, не позволяющее любви моей обнаружиться. Она вздохнула; скорое его отбытіе возбудило въ ней печаль и задумчивость, которыхъ она не могла скрыть. Увы! для чего толь много изящныхъ свойствъ соединено въ простомъ дворянинѣ, который находится въ толь плачевномъ и низкомъ положеніи! Для чего Алсвита не родилась лучше дочерью пастуха.

Алфредъ отвѣчалъ съ большею бодростію; Вулфъ бы никогда не открылъ своей любви, естьли бы онъ почиталъ, что Алсвита не можетъ быть съ нимъ благополучною. Правда, что состояніе его еще не то, которое могло бы ласкать честолюбіе Графини. Но естьли бы она меня любила, можетъ быть рука моя возвысила бы меня до такого степени величества, на которомъ бы я меньше былъ ея не достоинъ. Смѣю ли я ласкаться, что только разность щастія дѣлаетъ меня отверженнымъ. Смѣю ли я льстить себя, чтобъ Алсвита позволила мнѣ себя любить, естьли я состояніемъ моимъ къ ней приближусь.

Младая Графиня сказала устыдясь и потупила внизъ очи свои. Какъ можетъ требо-

бовать Вулфъ отъ меня невозможныхъ вещей. Какъ можетъ онъ возбуждать во мнѣ надежды, которыя меня обманутъ? Удобно можетъ онъ въ шумѣ оружія забыть о младой пріятельницѣ, съ которою познакомилъ его нечаянный случай! Но младая особа, живущая въ уединенномъ замкѣ безъ разсѣянія, была бы весьма несчастна, естьли бы она предалась такой любви, которая болѣе оставляетъ желать, нежели надѣятся.

Продолжай достойный Вулфъ, сдѣлайся столь великимъ, сколько ты добродѣтеленъ, лучшія мои желанія будутъ тебѣ повсюду сопутствовать.

Алфредъ будучи недоволенъ симъ благосклоннымъ ея отвѣтомъ покусился побудить младую Графиню къ яснѣйшему признанію взаимной своея любви. Хотя я и удаляюсь сихъ мѣстъ сказалъ онъ, но не могу избѣгнуть чрезъ то огня во мнѣ ежедневно умножающагося, и утробу мою снѣдающаго, огня, который долженъ я стараться истреблять. Естьли бы Алсвита меня не презирала, то разность бы между мною и ею изчезли бы въ ея очахъ, любовь насъ сравнила бы, а доброе сердце и для высокородныхъ красотъ имѣетъ нѣкоторою цѣну. Вулфъ не только любви но и самаго сожалѣнія возбудить въ васъ не можетъ. Естьли бы Алсвита почитала участь его достойною сострраданія, то облегчила бы единымъ невиннымъ словомъ участь Вулфа.

Слово, которое я должна произнесть, сказала устыдившись красавица, есть жестокое слово. Я весьма вижу, что Вулфъ не прежде успокоится, пока я не признаюсь ему, что я его люблю. Онъ конечно вѣдаетъ, что я нахожусь во власти родителя, любовь же моя на всегда пребудетъ нераздѣльно съ его волею. Вулфъ любя добродѣтель не потребуетъ отъ меня поноснаго поступка. Будетъ ли онъ доволенъ, естьли я ему признаюсь съ какимъ усердіемъ, желаю я, чтобы судьба уравняла наши состоянія, и чтобы мнѣ позволено было изрѣчь требуемое отъ меня имъ слово. Послѣ сего подала она ему съ кромностію руку и позволивъ ему оною поцѣловать безъ малѣйшаго сопротивленія, хотѣла удалиться.

Нѣтъ сказалъ великодушный Алфредъ, Алсвита недолжна питать плачевныхъ мыслей что ей надлежитъ любить недостойнаго. Нѣтъ она не должна разрывать своего сердца между позволенною склонностію и сопротивленіемъ должностей. Она въ короткое время увидитъ, что она никакъ не помрачила знаменитаго имени своея породы, сдѣлавшись благосклонною Вульфу. Сугубую онъ будетъ имѣть къ ней любовь, поелику за нѣжность ея одолженъ онъ единой благости ея сердца, преодолѣвающая кичливость ея благородства. Послѣ чего поцѣловавъ вторично руку ея съ восхищеніемъ возвратился въ Ашельней.

Чрезъ

Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ славной побѣды надъ Нормандцами далъ онъ великiй праздникъ храбрымъ свободившимъ Англiю. Едельбертъ находился въ числѣ неустрашимыхъ. Рыцарскiе игры, долженствовашiя служить воспоминовенiемъ побѣды, испросили наиблагороднѣйшiя жены побѣдоносныхъ Саксонцовъ. Рыцари за награжденiе бились въ предѣлахъ; узнанный Король сидѣлъ на возвышенномъ престолѣ, а посторону его находился другiй Царскiй стулъ, великолѣпно украшенный для красавицы, долженствовавшей раздавать каждому рыцарю по заслугамъ награжденiя.

Одинъ Кавалеръ пригласилъ къ сей почтительной должности прекрасную Алсвиту. Отецъ ея знавши мысли Государя и вкусившей во внутренности сердца своего восхитительное удовольствiе вдругъ посадить дочь свою на престолъ, повелѣлъ ей принять сiе мѣсто. Король сошелъ съ своего престола, подалъ скромной дѣвицѣ руку и посадилъ ее на назначенный для нея Царскiй стулъ. Вотъ на всегда Алсвитино мѣсто. Она поднявъ тогда съ кромностiю очи свои, въ мигъ, узрѣла въ Королѣ Вулфа свобожденнаго отъ того искуствомъ произведеннаго цвѣта, въ украшенiи, приличномъ высокому его достоинству. Онъ сказалъ робкой Алсвитѣ, принуждая ея сѣсть, смѣетъ ли Алфредъ надѣяться того, чего Вулфъ не могъ получить? Смѣетъ ли онъ просить о любви Алсвитиной, безъ которыя онъ жить не можетъ? Она поклонилась почтительно,

но, потупила глаза и умильно отвѣчала. Любившая воина, знаетъ, что должна почитать великаго Алфреда. По томъ смотрѣла она на рыцарскія игры, раздавала достойнѣйшимъ знаменитыя награжденія и въ самый тотъ же вечеръ подала она восхищенному Королю руку, и сдѣлалась его супругою, которую онъ любилъ одну и нераздѣльно.

КОНЕЦЪ.

